

В. Бородин

Корзина полная персиков
в разгар Игры

В. Бородин

Корзина
полная персиков в
разгар Игры

Печальная
русская
криминальная
история
(1902-1913)

16+

Владимир Евгеньевич Бородин

Корзина полная персиков в разгар Игры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64104991

SelfPub; 2021

Аннотация

Роман охватывает промежуток времени с 1902 по 1913 годы – очень важный, и во многом определяющий дальнейшую судьбу России, период. Охвачены все слои общества того времени. Детективный сюжет романа не является доминирующим и заметно уступает исторической линии с массой бытовых и этнико-религиозных деталей России с её колонизованной периферией. Охвачена также и бурная культурная жизнь Серебряного века с упоминанием многих ярких имён той эпохи. Описаны настроения интеллигенции в годы противостояния её и власти.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

389

Владимир Бородин

Корзина полная персиков в разгар Игры

«Я не хотел бы, чтобы то, что рассказал, звучало Иереми-дой (плачем Иеремии о гибели Иерусалима)»

Эрих-Мария Ремарк

«Мы, русские, не имеем никаких оснований предполагать, – ни того, что мы должны необходимо подлежать тому же закону и цивилизации, которому подлежат европейские народы, ни того, что движение цивилизации вперёд есть благо»

Л. Толстой

Вступительное слово о романе

В романе Владимира Евгеньевича Бородина «Корзина полная персиков в разгар Игры», с пояснением к его отвлечённому названию – «Печальная русская криминальная история» и с указанием конкретного временного отрезка – «1902-1913», автор выказывает глубокое знание истории описываемого периода на обширном историческом и этнографическом материале и рассматривает его с позиции поли-

тически «правого». Об этом периоде русской истории имеется немного широких исторических повествований и одно из самых известных – «Жизнь Климса Самгина» Горького, написанное, естественно с позиции «левой», как и большинство художественных произведений современников той эпохи, дошедших до нас. В романе нашего современника Бородин, связанном общим крайне ненавязчивым детективным сюжетом, порой исчезающим за наслоением исторических рассуждений, раскрываются причины русской смуты в эпоху бурного экономического роста и великолепия Серебряного века. Это скорее не «исторический детектив», который в какой-то степени и «детектив ботанический», но исторический роман с некоторыми ботаническими символами и широкая панорама российской жизни начала века. Исторические экскурсы даже выделены курсивом. Герои бурно обсуждают насущные вопросы той эпохи – от религиозно-философских проблем и острых тем политики, до искусства и сплетен вплоть до «бледных ног Зинаиды Гиппиус», странностей Феликса Юсупова, Николая Врангеля – сплетен, свойственных той эпохе: от высот Достоевского до декаденщины. В подобных дискуссиях участвуют как исторические, так и вымышленные лица. В романе охвачены самые широкие слои населения тогдашней Российской Империи: от высшего света – до простых солдат, старателей, крестьян, бурлаков и босяков. Упомянуты все наиболее яркие российские фигуры того времени, такие как скандально извест-

ный Великий князь Николай Константинович и декадент, ставший странником Александр Добролюбов, поп Гапон и Зубатов, Азеф и Савинков, Великий князь Сергей Александрович, искусствовед Маковский, придворные – Витте, Безобразов и Бадмаев, китайский купец Тифонтай, меценаты – Савва Морозов, Мамонтов и Николай Рябушинский, лидеры черносотенцев, Николай Неплюев, путешественники – Гарин-Михайловский, Маннергейм, начальник Московского сыска Аркадий Кошко, иеромонах Илиодор, князь Мещерский, Александр Гучков, Александр Парвус и многие другие, в том числе и малоизвестные лица. Чтобы читатель мог легко отличить малоизвестные исторические лица от вымышленных, в приложении приведён список упомянутых исторических лиц современных повествованию. Все исторические лица выведены под их собственными именами. Допуская произвольное местонахождение исторических лиц с точностью до внутри- или вне- Европейской части России в определённый промежуток времени и некоторые вымышленные реплики исторических лиц, но раскрывающие их сущность, что свойственно большинству романов, автор старается придерживаться лишь фактов в отношении их судеб. В настоящее непростое время, когда часть людей нашей страны очень политизирована, а другая часть безразлична ко всему, когда рушатся последние идеалы и начинается изощрённое и, тем самым более опасное, чем в 1920-е подкапывание под веру отцов, подобные произведения способны подтолкнуть к

размышлению: А почему у нас всё не так, как хотелось бы, не так, как было во времена лучшие? Вопрос к самому себе, способствующий духовному росту личности для одних и просто развлечение в досуг для других, но не простая «детективная жвачка», вот что такое этот роман со множеством занятных исторических деталей. Порою же то, что мы склонны в романе Бородина принять за вымысел, например – замысел эсеров атаковать Царское Село с воздуха, оказывается историческим фактом. Автор изданной уже популяризации истории об участии казаков в Большой Игре весьма трезво оценивает исторические факты без явных перегибов, свойственных ультраправым или ультралевым, и пишет с любовью и почтением к истории и культуре своего Отечества. Читатель может просматривать каждый абзац и находить множество исторических фактов, но может и пробежать лишь по более живой сюжетной части.

Историк Николай Константинов.

1. Московское семейство славного генерала

«Он (англичанин-гость): Вообще повинности в России не очень тягостны для народа: подушные платятся миром, оброк не разорителен... Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за две тысячи вёрст вырабатывать себе деньги. И это Вы называете рабством? Я не знаю во всей

Европе народа, которому было бы дано более простора действовать...

Я (Пушкин): Что поразило Вас более всего в русском крестьянстве?

Он: Его опрятность и свобода.

Я: Как это?

Он: Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню, умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет руки. О его смышленности говорить нечего: путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ними то, что соседи наши называют un badaud (ротозей, зевака), никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их известна; проворство и ловкость удивительные.

Я: Справедливо. Но свобода? Неужто Вы русского крестьянина почитаете свободным?

Он: Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с Вами? Есть ли тень рабского унижения в его поступи и речи...»

Из беседы А. Пушкина с не предвзятым гостем из Англии

«Как хотел бы я уметь играть на флейте. О Боже, как бы хотелось мне! Не просто играть, конечно, но обладать высоким даром флейтиста. Козлорогим паном скакать по лугам,

судорожно сжимая в кулаке заветный инструмент. Или просто, мокрой усталой птицей, взгромоздиться на скалу, на которую не взберётся и лучший альпинист, и созерцать вольный простор». Сергей Охотин окунает гусиное перо в полупустую чернильницу очередной раз, но дальше уже не пишется. Он признаёт лишь гусиные перья и придерживается мнения, что стальные непременно уплощают высокую прозу и поэзию. И далее на протяжении всего дня никак не писалось. Удалось лишь очень тонко заточить перо, размяться по тесным комнатам, посмотреть из окна на тоскливую тихую улочку, да раскинуться на диване, в ожидании прихода музыки. Но, увы: она так и не нагрянула за весь день! «Бесцельно прожигаемая жизнь», – выцарапывает молодой человек на листе писчей бумаги, когда уже начинает смеркаться, – «К чему всё это? В чём смысл моего существования?». Затем, стыдливо выдавливая из себя нехитрую рифму, какая приходила в голову и раньше:

«Сел намедни в фаэтон –

Оказался тесен он.

Пересел на тарантас –

И помчался как Пегас».

– Опять не то. И что за ахинея в голову нынче лезет? Ничего путного. И стоило бумагу переводить? – Сергей вяло ругнул самого себя вслух и скомкал лист бумаги, а потом тут же схватился за новый и в лихорадочном темпе заскрипел пером:

«Пою псалмы
и псалмопевцем давно я стал.

Но их забыли
и я не нужен
и я устал».

«Так, прекрасно, для этого надо было целый день пролоботрясничать, чтобы, наконец, нашло, – забормотал он себе под нос, – в то время, как братья мои делают карьеру, работают в поте лица, предки мои живота своего за Отечество не щадили, а я...»

Радостно подпрыгивающим карандашом видный, но рыхловатый молодой человек в волнении приписал:

«По озеру Генисарет зари вечерней свет струится.

...апологет...клевет...» На этом суть стиха внезапно вновь застопорилась. «И не в подборе рифмы дело. Одна декадентщина прёт, не в силах остановить, но я же за высокое искусство! Что значит – воздух просто отравлен ядом декадентства!»

«В амбивалентности души не нахожу я боле смысла
...коромысло...»

«О Боже! Что бы сказал великий мэтр символизма об этом убожестве? Проклятие! Наверное, негоже лезть с суконным рылом в калачный-то ряд! Да с посконным¹ рылом в ряд суконный, да с посконной рожей в красные ряды не суйся. С калачным рылом, да в булочную тоже. Знай своё ме-

---

¹ Посконный – домотканый холст.

сто, жалкий писака, бумагомаратель вшивый! Всё одно выходит: «Слон прислонился к слонихе...» На большее не способен!» – продолжал не щадить себя в выражениях молодой человек, заметавшись из угла в угол, да так стремительно, что крупные капли пота выступили на его пухлом скверно выбритом лице.

– О! Осенило! – восклицает вдруг он и хватается за перо, подправляя указательным пальцем левой тяжёлые оловянные очки с душками, вылезаящими из под мочек ушей:

«Смрад души. Поэма» – торжественно выводит он, но спохватившись, исправляет на: «Стихотворение» и продолжает:

«Устал от жизни ,
Всё не в радость,
И дико мне от мысли, что забывать уж многое ушедшее
я стал.

Погрыз в фекалиях своих,
Забыл, как петь псалмы, как выглядит мой дом,
И как звучит рояль.
Уж безысходность и печаль
Одолевают,
Склизкло и гадливо
Прикосновение их.
Воспрять б душой,
Да пароксизм отчаяния
Во мрак влечёт сознание моё.

Найти б Тот Смысл,

Да уж душа расслаблена

И жадно пожирает отходы тела тленного мои...»

Тоска... «Неужели всё? Дальше вновь застопорилось...»

Вдруг, он резко остановился, подбежал к столу и вновь схватился за перо:

«Уж руци, нози опустились,

Культи висят безвольно вовсе».

«Нет, всё. Дальше никак! Утро вечера мудренее. Завтра до полудня сестра любимая обещала навестить. Надобно вовремя лечь спать, а утром успеть приготовить ей что-нибудь лакомое. Московская жизнь развращает. Прозябаю в комфорте, не совершая ни малейшего полезного действия. Нет, негоже так, надобно прекращать всё это. Начинать иную жизнь. Вот и Государь вернул давний обычай проводить пасхальные дни в старой столице. Надобно радоваться нашей московской жизни. К примеру, повести сестрицу на городские празднования Пасхи».

Серый с мутиной на небесах день плавно перешёл в ночь. Перед самым зарыванием под тёплое одеяло, Сергей вспоминает, что ему следует полить недавно «спасённый цветок», выброшенный кем-то из соседних домов в горшке прямо на улицу. Сбросив войлочные туфли у кровати, он бежит по холодному полу уже босиком в одних подштанниках и выливает добрый кувшин воды под неприглядное странновато-колючее своей шершавостью невиданное им доселе чахлое рас-

теньце. В сумраке молодому человеку кажется, что усыпанные мелкими жёсткими чешуйками листиков ветви в благодарность зашевелились. Он было засомневался, глазам не поверил. Тычет пальцем в веточку пожухшую, а она словно тянется к ладони, ласки хочет. Сергей снимает дешёвые оловянные очки, переносит своё грузное тело к постели, близоруко щурясь на хаос своих одеял, ползая по кровати, подтягивая неуклонно растущий живот, после чего мучительно пытается заснуть. Начинаются попытки выбросить всякую дурость из головы. Охотин часто вспоминал детство, игры с любимой сестрой на даче, если не спалось. После подобных умиротворяющих мыслей можно было успокоиться. Так случилось и в этот раз. «Худенькая девочка в стоптанных розоватых прюнелевых ботинках, стоящая у забора, из-за которого свешивалась буйная масса соседского малинника, давящая кривящееся шаткое сооружение. Девочка ждала обожаемого братца, и они вместе шли в ближайший лес якобы по грибы, но так это говорилось лишь окружающим, а на самом деле они, по большей части играли в прятки, или просто мечтали, сидя на берегу речки, где поменьше комаров. В детстве он больше всего любил рисовать полосу елового леса, синеющего на горизонте в виде нехитрой щётки-силуэта и мечтать о таинственности и нехоженности своего леса. Старшие братья уже тогда смеялись, что он каждый день переводит бумагу на одно и то же, ведь «мог бы намалевать один раз и успокоится». Но нет, Серёже необходим был каж-

дый Божий день свой лес, как продолжение старого. Этим ему хотелось показать, сколь обширен и велик был его лес. Старшие братья отличались исключительной непонятливостью, а Охотин Номер Три, как звали Сергея в семье согласно старшинству, редко испытывал желание общаться со старшими братьями. Всех братьев от рождения отец звал по номерам, как было ещё при Александре I заведено для офицеров-однофамильцев. Возможно, он делал так, желая видеть всех своих сыновей всенепременно офицерами. Но своим братьям Глебу, Димитрию и Аркадию, с их полной посвящённостью своему делу, Сергей по-доброму завидовал. Столь же часто изображал Серёжа и толстенный дуб с серым стволом простым карандашом, а позже и баобаб, когда узнал о таком удивительном дереве. Рисовал и их в немалых количествах, удивляясь порою сам себе. Прятал рисунки от братьев, да и от родителей, которые бы тоже не поняли унылого однообразия рисунков. «Вот завтра с Евпраксией поговорим, а на следующий день отца надлежит со днём ангела поздравить. Угораздило со Страстной субботой совпасть. Надо будет ещё немного провизии прикупить – в доме моём шаром покати». С этой успокаивающей мыслью разум Сергея Охотина погрузился в глубокий сон юности. Сын генерала Охотина знал, что послезавтра не день ангела, но день рождения отца, который не любил так его называть, поскольку был назван Гордеем из-за упрямства деда, в противу святам. Едва Сергей протёр глаза с первым лучом солнца,

с тем, чтобы перевернувшись на другой бок, вновь отдаться во власть Морфея, как всплыла мысль: « Кто же это сказал: «Страсть к бумагомаранию является, очевидно, признаком развращённости века». Кто бы ни был, но он глубоко прав! Ведь я же просто шелкопёр и никто более, борзописец жалкий. Значит и я развращён! Не зря отец плюётся на декадентщину... А ещё кто-то не так давно сказал, что декадент это утонченный художник, «гибнущий в силу своей утонченности». Звучит изыскано, но только внешний эффект... Не подобает Охотиным гибнуть ради этого». После таких мыслей сон уже не шёл. «Вспомнил: Монтень это сказал о развращённости своего века! Старина Мишель Монтень. Вот поганец, сон мне нарушил! Развращён и я. Изучал увлечённо в университете годами и филологию и философию, а толку-то от меня для общества? Но грех это – впадать в уныние. Надо пойти и побриться для начала. Полезно будет и отдохнуть от занятий мысленных недолго». С утра муза вновь отвернулась от Охотина. Чтобы отвлечь себя от нелёгких дум он порылся в толстой пачке старых газет и взгляд его остановился на номере «Московских новостей» за второе января 1900 года. В редакторском эссе было написано следующее: «С последним полуночным ударом часов 1900 года наступает новый век. На смену отжившего прошлого является новое XX столетие со всеми своими жгучими запросами настоящего и неизвестностями будущего... Кто знает, может быть, именно Отечеству нашему суждено стать той силой, в которой наро-

ды увидят оплот международной справедливости, равновесия и мира? ... Но если эта миссия возложена на нас Провидением, то для исполнения её мы должны в новом веке ещё старательнее вдумываться в смысл великих национальных основ своих и ещё более свято хранить и возделывать их». Сергей призадумался: «Пророческие слова: «старательнее вдумываться в смысл великих национальных основ своих». Написано сие уж два года назад, а ведь никто в верхах так, до сих пор, и не «вдумался...» Всю Великую пятницу творчество вновь никак не клеилось и от полного упадка настроение спасло лишь общение с милой сестрёнкой, которая даже вынудила его вместе пропеть Канон о распятии Господа и «На плач Пресвятой Богородицы». Говорили много о других братьях, особенно о Пете, которого вот-вот могли выгнать из университета за долгие исчезновения.

Двор-колодец гулко огласился площадной бранью извозчика в лянлом замызганном армяке.

– Ломовой² и ругается, как подобает извозчику. Ничего тут нет из ряда вон, – спокойно заметил сытого вида статный молодой человек, с не вяжущимся с его физиономией жалкими обносками бродяги вместо подобающего костюма.

– Кто празднику рад, тот до свету пьян, – бросил скрипу-

---

² Ломовые извозчики, или ломовики, перевозили не пассажиров, в отличие от прочих, а грузы. В Петербурге, например, их было за 30 тысяч. Почти столько же было легковых дрожек (Успенский. Записки старого петербуржца).

чим голосом худосочный ежистый тип в перешитой шинели, – намедни ж Пасха, Петруша!

С этими словами долговязый ежистый полез было к крепкому малому целоваться, но был резко отстранён:

– Надоел ты мне нынче, Ермил, пить не дам больше! Грех-то до разговления-то...

– Грех перший слово своё не держать, Петруша...

– Ершист ты, Ермил, да и на тя управа найдётся.

– Ежу для того щетины даны, чтоб собаки не кусали.

Извозчик продолжает басом тираду, смачно сплюнув на мокрый лежалый снег:

– Ты, Петруша, вина давеча обещал, так слово своё держи, мать твою!

– Да вы все мне опротивели уж донельзя. Ну обещал, и дам последний рупь те, подавись.

– Не рубля надобно мне, внимания! Обещал, так сам и угощай, уважь друга. Друга г-рю уважь! – гудит, не унимаясь, ломовой Влас.

– Можешь ли ты, Пётр, войти в понятие? – присоединяет к нему свой скрип Ермил.

– Ладно, чёрт с вами, последний раз нынче! Эй, гуляем! – звонко кричит Пётр Охотин, – все в кабак, все кто Петрушку добром помнит! Давай, Ермилка, лови транспорт!

– Не оманешь ль ты мя? – промычал Влас, всё больше раскисая от выпитого с утра.

«Ну ничего, последний раз с народом повеселюсь, а после-

завтра к отцу надо в приличном виде, поздравлять со днём ангела, чтоб и мать не обидеть, не дай Бог. Успокоить, мол, из университета не выгонят», – эта мысль сверлит, а взбаламученное тремя подряд ночами нутро требует очередной дозы сорокаградусного хлебного вина. «Ох, скверно мне, ох опять начнётся на всю ночь. Третий раз такое безобразие повторяется».

– К Домне Авдеевне! Вперёд! – звонко восклицает на весь околоток Охотин Четвёртый, как звали его дома, а Влас издаёт нечленораздельный рычащий звук и бражная компания устремляется в кабак. Облобызавшись с нетвёрдо стоящим на ногах громогласным Власом, Пётр останавливает коляску. «Господи, и это вместо того, чтоб во храм Божий пойти в такие деньки! Что же это со мной делается? Братья, вон – делом заняты, даже и Серёга, если разобраться, а я... Отцу, так могут и просто памятник водрузить посреде столицы, а я... Всё пытаюсь «в народ войти»... Кажись на днях день ангела у отца... Какой нынче день календаря? Ну, такое в последний раз позволю и – к лешему этих «сынов народа» – пьянчужек жалких! Сначала с годик по кабакам, да по домам терпимости с однокашниками и всё в ущерб учёбе. Теперь и этого мало, всё с отребьем якшаюсь, чтобы сблизиться с народом, понять его, чтоб не как братец Борька, по книгам, да ещё иностранным, о народе хочет позаботиться. Но ведь и меру пора мне знать, не ровен час и спиться можно. Ведь боле хотел себе доказать, что мужик я не промах. В драки

всё лез...»

– Не хмуряй чело своё, дружище и вождь наш, вперёд, так вперёд, твою мать! – прозвучало над самым ухом, и пелена подкисшего перегара окутала ноздри Петра.

– Тьфу ты, свинья свиньёй ты, Влас, душа твоя забубённая!

– А я, вот, начал, стало быть, недавно окучивать одну купчиху, да удобрять. Повалить её, за мясистые бока похватать, да и облегчить кошель, заодно...

– Да пошёл ты к чёрту, Ермилка, ну тебя. Да нужен ты, дылда иродова уважающей себя купчихе? – а в сторону Петя добавил, – И с кем связался!

– Выходит, что нужен, Петруша, уже отведал купчиного мяса-то. Сладко! Нынче я угощаю вместе с Петром Гордеичем! – хорохорился долговязый тощий, поскрёбывая редкую колючую бородёнку.

– Ну а как купчина про то прознает, Ермилка, что с тобою будет, несчастным? Мокрого места не останется, дылда ты лоботрясная, – протрезвел от ветра в багровую физиономию Влас.

– Так, вдовушка она, стало быть...

– Чем похвалиться-то, коль так? Егозлив уж больно ты... Ты Ермил, никому, брат, не мил, – промычал ломовик Влас и зашёлся дураковатым смешком, – А ты не молчи, Петро, ты с народом разговор ведёшь, не с кем-нибудь, а с самим народом! Так и веди, разговор-то!

– Вот ещё фарисей тут! Да какой вы народ? Рвань, люмпен-пролетарии вы, а не народ, – вздохнул, отмахнувшись, Пётр.

– Хлестани ты её пошибче, дуроплясина, не терплю езды медленной! – гаркнул верзила Влас на художонного извозчика в синем армяке, – Эй, залётные! Шевели давай своих нечищенных разномастных. Пойдёшь налево – придёшь направо. Не извозчик ты, а водовоз – вот кто!

– Но, полегче. Это тебе не твой битюг³. Обращения требует, – поучающе произнес Ермил.

– Своих битюгов ты так хлестать будешь, – огрызнулся извозчик.

Колёса загрохотали по булыжной мостовой. За поворотом уже маячило знакомое гостеприимное заведение. Сошли. Пётр был недоволен скоростью извозчика и хотел было заплатить поменьше, но когда встретился с усталым взглядом понурой кобылы с неутолимой печалью в овцеоком глазе, то отдал сполна и наказал извозчику кормить животных посытнее. Тут Пётр ощутимо впился головой в газовый бек, торчащий из стены, и несколько протрезвел. Протянув руку, Петя сорвал веточку первого попавшегося дерева и отчаянно ударил себя по запястью: «Ведь Страстная неделя, как вообще пить-то можно? Опускаюсь... Право завидую я своим братцам Глебу с Аркашкой, которые чётко идут к поставленной в жизни цели. Такое достойно уважения. И

Митька цель уже имеет».

Мужичонка в затёртой шубейке до посинения пальцев разминал свою папироску под афишей «Художественного театра», а толпа студентов и курсисток толкалась в хвосте у кассы. Из калориферов в фойе театра тянуло жаром, доносило часть тепла и до улицы, и мелковатого продрогшего мужичка неуклонно влекло поближе, чтобы погреться. Возле театра появился высокий холёный хорошо одетый молодой человек крепкого телосложения, и худая шуба сразу же устремилась к нему:

– Вот, пакет добыт, как велели, Вашескородье, всё как велено было.

– Молодчина, Ухо, – оглядываясь по сторонам и щупая пакет, ответил молодой человек, – вот тебе и деньга за то.

– Благодарим-с покорно, – уныло протянул мужичонка.

Едва шубейка агента⁴ растворилась в толпе так же, как некогда из неё неожиданно выросла, принявший бумажный пакет уселся на легковые дрожки и понёсся мимо густых торговых рядов с оладьями да блинцами, тающими во рту

---

⁴ Понятие «агент» появилось в конце XIX века в охранных и сыскных отделениях. Так именовали штатного сотрудника полиции, но также тайными агентами являлись и негласные осведомители, являющиеся членами преступного мира или подпольной организации. Информация ими предоставлялась на условиях конфиденциальности и, зачастую, за вознаграждение. Сыщик имел свою агентуру, подбирая её по своему усмотрению, в соответствии со своим опытом и авторитетом в преступном мире.

маслянистыми жамками, различными мазурками с изюмом, миндалём, что сладко хрустят на зубах, и прочими радостями жизни, мимо величия площадей и стен Кремля. Когда за спиной, по ту сторону моста, остались и многоцветные луковки Покрова, что на Рву, извозчик резко свернул в один из малых переулков Замоскворечья и едкий дух конского навоза ударил в ноздри везомого. Возле знакомой радостно-пёстрой церквушки, молодой человек дождался прибытия другого извозчика и поспешил навстречу вышедшему из него довольно пожилому, но ещё очень быстрому человеку с упругой походкой:

– Василий Степанович, вот тут то, что обещал наш Ухо. Проверять не стал, до сих пор не лгал он никогда. Видать искренне покаялся.

– Ну, слава Богу, Глеб, сработано лихо, – деловито распечатывая на ходу пакет, – надеюсь, на этот раз с мёртвой точки дело сдвинется.

Грузная фигура в пальто склонилась над пакетом, разворачиваемым на сравнительно сухом низком подоконнике, вросшего в землю домишки с наглухо заколоченными окнами. Извлечены слегка помятые схемы и испещрённые мелким почерком бумаги. Глаза Василия Стефанова, до недавнего времени – околоточного надзирателя с огромным опытом, лишь последний год несколько выдвинувшегося по службе, бегают по листам, дальнозорко отстранив их от себя:

– Чтобы тебя успокоить, Глеб, пробегу, а потом уж, сидю-

чи в кабинете – повнимательнее. Ты знаешь, похоже на то, что Ухо подсунули подделку. Не верю я этому. Похоже больше на чей-то разгорячённый бред, не делают так воры дела. Посуди сам, читаю: «Вы, господа полицейские, никогда не найдёте ни меня, ни даже моих людей, а потому даже не пытаюсь изменить свой почерк. Ум ваш не достаточно развит для того. На прилагаемых картах вычертил я известные мне пути подкопов под банк Киевского приказчиьева общества взаимного кредита. Вы можете убедиться, что я знаю эти ходы и, что мои люди взяли банк! Более того, любезные господа, я собираюсь взять ещё не один банк и никто мне не в силах помешать сделать это!» Да у этого мерзавца просто мания величия. Умалишенный, а не вор. Одно могу сказать – почерк тот же, что и в бредовых пометках на месте последнего преступления. Ребята ещё уточнят, но это само по себе занято, ежели оно так. Какая связь между ограблением банка и тем убийством, без всякой, вроде как, цели? Но, мы обязаны всё проверять, а потому будь добр, Глеб, отправляйся срочно в Матерь городов русских и убедись своими глазами: соответствует ли эта схема всем подготовительным работам по взятию банка, случившемся неделю назад?

Уже в сумерки оба полицейских расстались с тем, чтобы одному из них ещё раз взвесить все факты, а младшему обратиться с тем, чтобы рано поутру быть на вокзале. Глеб-Охотин Номер Два вновь и вновь мысленно пробегал по событиям последних дней, по своим соображениям, рождённым

в ходе бессонных ночей: «Весело нечего сказать: не раскрыто ни одно из серьёзных преступлений уже за целых полтора месяца, с конца зимы! Самым непонятным было выставление на показ почерков, вместо использования печатных букв – наглая бравада и, наконец, угрозы, что последует новый всплеск преступлений! Опять не выберусь отца поздравить! Нехорошо, но что делать. Уж он-то, человек долга и чести, должен понять это. Давненько уж и братьев с сёстрами не видел. Впрочем, старшего и видеть-то не хочется последнее время. И вовсе он чокнулся со своей политикой. Похоже, что по ней сходят с ума именно те, кто меньше всего в ней разбирается. Во всяком случае, так обстоит в державе нашей. Да и на Петра глядеть и слушать его стало противно. Тоже рехнулся малый по-своему. Лентяй». Печально увядшие, найденные им на днях подснежники, в неизбежном процессе гниения неуклонно растеклись по стенкам стакана, прилипая к ним. Глеб ещё вчера бережно подлил им воды, но сегодня было уже поздно что-либо делать. «Тлен. И подарить-то их было некому... Разве что маме, или сёстрам...»

Борис, Охотин Младший Номер Один, в тот вечер поздно вернулся со службы. Впрочем, такое случалось с ним всё чаще. Нельзя сказать, чтобы он был рад торчать в государственном банке до ночи, но и домой он не рвался. Всё, что связывало его с супругою, всё очарование её – гордой столбовой дворянки, вышедшей за сына выслужившегося поколе-

ние назад крепостного, всё, что вдохновляло Бориса на рыцарское служение непревзойдённой петербургской красавице, внезапно рухнуло и с болью обнаружилось, что за их пылкой любовью ничего не стоит. Взаимное наслаждение телами друг друга внезапно перешло в насыщение, был преодолён некий качественный рубеж, но истинной духовной близости и не оказалось. «Наверное, я – сухарь, так оно и есть и права в этом Настасья. Но кто ж её под венец тянул? А кто даёт ей право теперь из меня всю душу тянуть? От безделья всё. Надо бы её к делу пристроить, вот оно что» – проносилось в мозгу Бориса Гордеевича, – «Если только не понесёт она и в этот год, лишь труд сможет её в чувство привести. Но, похоже, что не судьба ей иметь дитя».

– Ах, Боренька, долго ж ты нынче, – откидывает клочок тёмных волос с высокого чела, тонкими длинными пальцами, а сама смотрит косо в зеркало, что подвешено сразу за входом в изящно обставленную переднюю.

– Да, Солнце моё, припозднился, вот, – про себя: «Всё собой любишься? Да, нескоро ты поймёшь, что пора другую жизнь начать, что ты становишься пережитком прошлого, несмотря на свою молодость, моя дорогая».

– Что-то всё чаще случается подобное с тобою... Хорошо ли это?

– Служба-с, сударыня...

Сама добротная квартира эта в доходном доме не в радость Борису. Ведь ему, с его общественным положением,

пристало бы приобрести особняк уже, да пока руки не доходят. Но главное, что оклад маловат. И карьера не движется уж больше, а все накопленные деньги вложил он в не им задуманное, но очень уж привлекательное дело – азартно приобретать акции! Но, всё больше политика отвлекает. И так почти каждый вечер: если не собрание на службе по поводу планов банка, финансирования сибирской дороги и прочего, то сборище в доме у кого-либо из Союза земцев-конституционалистов⁵. Вдохновенные речи этих истинных патриотов ласкают его слух уже куда более некогда милого голоса жены. Но даже показаться с женой чуть ли не княжеского рода среди этих людей было бы предосудительным. Не мог себе Борис позволить выставлять напоказ красоту молодой жены, словно правоверный магометанин. Лишь в стенах дома, да и нужно ли ему всё это «богатство природы»? Одну тоску в последнее время навевает.

– По-моему, Евдокия уже все яйца покрасила, а я некоторые расписала, – рассеяно замечает Настасья, поводит чарующими дымчатыми очами и удаляется в свою комнату изящно покачивающейся походкой.

– Бог в помощь этой Афдотье, – бросает ей вслед Борис.

Борис бросается к себе в кабинет и просиживает там над письмами, покуда пышная молодуха Дуня звонко не пригла-

---

⁵ Либеральное движение было представлено несколькими организациями. Ведущими были «Союз земцев-конституционалистов» (И. И. Петрункевича) и «Союз освобождения» П. Б. Струве.

шает всех к ужину. «Вот опять своими талантами к миниатюре кичится. Мнит себя художницей. Без самовосхваления никак». И за постным столом молчание, лишь лёгкие, ни к чему не обязывающие замечания, вроде «не отведать ли нам на Пасху...». Вспоминалась Боре ранняя Пасха детства слегка морозной щемящей весной, когда строгие родители не давали в Страстную субботу ничего, кроме утреннего чая с сухарями, а потом до разговения после заутрени – ни маковой росинки. Даже сахар к чаю не давали, считая его пищей скоромной, мол, его перегонкой через говяжью кость получают. «Глупости какие, – вздыхал про себя Борис, – скоро всё это канет в Лету, как и сама российская монархия. Россия обязана избрать путь прогресса и всеобщего счастья и не нужно нам никаких страстных седмиц. И останется мой братец Глеб, избравший полицейскую карьеру, не у дел». Борис удаляется в кабинет, распахивает окно в желании глотнуть свежего воздуха и злобно выплёскивает в него со второго этажа вазу полную ещё живых не увядших цветов, купленных женой: «Опротивела уже вся эта постная пища, ханжество одно! Один чёрт сгниёт всё скоро». Красивое холёное лицо его искажается мучительно-растерянной гримасой.

В Великий четверг⁶ Охотин Младший Номер Шесть,

---

⁶ Великий (Страстной, Чистый) четверг – день смерти Иисуса на кресте; Великая (Страстная) пятница – день Его погребения; Великая суббота – воскресения.

юный бравый ученик офицерского юнкерского Николаевского кавалерийского военного училища⁷, выходил после исправно выстоянной в полковой церкви вечерни с чтением Двенадцати Евангелий Святых Страстей Христовых. Лёгкий ночной морозец начинал слегка сковывать питерскую весеннюю грязь. Мысли подтянутого молодого человека с едва пробившимися усиками были так же светлы и чисты, как взгляд его круглых серых глаз. Всё казалось ему ясным и понятным в этой жизни: любовь ко Всевышнему и Милосердному, как и долг перед Отчиной превыше всего, его государева служба, долг пред престарелыми родителями, затем и учёба. И весь мир рисовался ему в радужных тонах от весеннего настроения. «Пока ещё нет избранницы сердца, а хочется, но нет, не позволю себе лишний раз с бражной компанией будущих молодых офицеров куда-либо в заведение. Грех это, сперва многому научиться надо, а потом уж и сердечному влечению поддаваться! Вот, должно быть, на пасхальные ка-

7

Николаевское кавалерийское училище было основано в 1823 году как Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Санкт-Петербурге. Спустя три года при школе был сформирован эскадрон юнкеров, и она стала именоваться Школой гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (в ней учился Лермонтов). С 1843 года Школа перешла в ведение главного начальника военно-учебных заведений. В 1859 году Школа была переименована в Николаевское училище гвардейских юнкеров, а в 1864 – в Николаевское кавалерийское училище. По штату в единственном эскадроне училища было положено иметь 200 юнкеров. В 1890 году в составе училища была учреждена казачья сотня (120 юнкеров) для подготовки казачьих офицеров. В училище принимали выпускников кадетских корпусов и гражданских учебных заведений не моложе 16 лет.

никулы позволю себе на девиц московских посмотреть слегка. Отпускают меня на каникулы заранее, уважая день ангела отца». Пока что все стремления юноши в этот вечер сводились к тому, чтобы дочитать начатый роман Дюма, томившийся в его тумбочке в ожидании хозяина. Завтра же следовало отправляться в Москву. Неожиданно Аркадию Охотину повстречался старший однокашник из пятой роты Кирилл Ртищев – родственник супруги старшего брата. Чем-то не нравился ему всегда этот парень с гордым аристократическим профилем, а чем не понятно было. Он даже не был излишне надменным, или гордым, но что-то неуловимое в нём оставалось неприятным.

– Ну что, Охотин, отстояли?

– Да, а что?

– Да так, ничего. Вот и молодец. И мне бы следовало.

– Утром сходите, Ртищев.

– Видно будет. Мало что Вы понимаете ещё в жизни, милейший.

– Очень может быть, сударь, – задетый за живое неожиданной резкостью, сухо отозвался Охотин, – но мне пора, – с этими словами Аркадий резко развернулся, щёлкнув каблуками сверкающих сапог.

– Прибывший с вокзала, – бросил ему в след необычно неучтивый в тот день однокашник.

«Да что это с ним нынче? Не с той ноги встал? Всегда подчёркнуто вежлив был со всеми, даже с младшими», – и, с от-

тенком презрения -, «Красавчик...». «Прибывшими с вокзала» называли в Училище младшекурсников. Ртищев вложил в эти слова всё возможное презрение и Охотин почувствовал, что он хотел показать этим большее, чем только высокомерное отношение к младшему недоучке, но и к «сомнительному» недавно приобретённому дворянству Охотиных. «Да глупости всё. Просто не выспался человек» – буркнул себе под нос Аркадий и поспешил к спальне с романом Дюма. Во всей Славной школе, как с гордостью называли Училище ученики, не было более близкого Аркаше друга, чем Серёжа Бородин⁸, учащийся параллельно, тоже генеральский сын, но из уральских казаков, такого же примерно, молодого уровня дворянства. Мечтатель и ярый чтец, вроде Аркаши, именно он передал Охотину тот самый затёртый томик Дюма. Приятелям всегда было о чём поговорить, помечтать о своих рыцарских подвигах в случае войны. «Ведь кавалерия остаётся осколком былого рыцарства, тех же мушкетеров, не так ли?! Ведь что-то ещё осталось в этих душах молодых от былого кодекса чести и рыцарства ушедших поколений? Не казаки ли новые рыцари Империи?» – рассеянно носилось в голове Охотина – «Да и не только казаки. Чем это другие кавалеристы хуже?». Бородину, после окончания, предстояло войти в состав Первой Уральской Его Величества Сотни

---

⁸

Сергей Владимирович Бородин (1883-1946) сын генерала из уральского дворянского рода. Стал есаулом Уральской Его Величества сотни. Участник Первой Мировой войны. Был репрессирован при Сталине.

лейб-гвардии Сводно-казачьего полка⁹ и этому можно было позавидовать. Обычно Сотню называли лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотнею, или совсем кратко – Уральская Его Величества (УЕВ). Старейшей лейб-гвардейской сотней, из ныне существующих казачеств, была именно уральская с 1798 года, а потому ей принадлежало право именоваться Перовой. Император Павел, как известно, был неравнодушен к доблестным уральцам. Слава о Царской сотне ходила далеко за пределами Училища и в ряды её стремились попасть даже и не казаки. Отец как-то разговаривал на эту тему с Аркашей и велел ему забыть о Сотне, мол, не казацкого мы сословия и нечего туда лезть, каждому, мол, своё. Аркадий столкнулся с Сергеем перед самым входом в

---

⁹ В 1796 году из полка чугуевских казаков для службы при дворе была выделена команда, которая вместе с донской составили Лейб-гвардии Казачий полк Павла I. В 1798 году в Гатчину из Уральского войска прибыла командированная туда приказом Павла I казачья сотня, названная Лейб-уральской сотнею, с повелением состоять особо. В 1846 Сотня переформирована в эскадрон. В 1847 году эскадрон переформирован и назван Лейб-гвардии уральским казачьим Дивизионом. В 1864 Александр II соизволил зачислить себя в список дивизиона. В 1868 году дивизион переформирован в Лейб-гвардии уральский казачий эскадрон. В 1883, в ознаменование особого монаршего благоволения, эскадрону пожалованы права и преимущества Старой гвардии, и с 1891 эскадрон назван Лейб-гвардии уральскою казачьей сотней, и кавалерийские чины и звания заменены казачьими. В 1899 году Николай II всемилостивейше соизволил принять звание шефа Сотни, которой повелено именоваться впредь Лейб-гвардии Уральской казачьей Его Величества сотнею. В 1906 году в знак благодарности за подавление волнений и беспорядков 1905 года был создан Лейб-гвардии Сводно-Казачий полк. На формирование Первой его сотни была использована Лейб-гвардии Уральская казачья Его Величества сотня.

спальню, в коридоре.

– Дочитал? – сходу спросил Бородин.

– Да нет ещё, не успел, дела всё.

– А я ещё презанятную книгу раздобыл, – с мечтательной поволокой в светлых небольших глазах на строгом аккуратном вылепленном, но не запоминающемся лице продолжил Бородин, – «Хроника времён Карла Девятого» Проспера Мериме. Варфаломеевская ночь!

– Дашь потом?

– Конечно, куда же денуть, – развёл руками добродушный Сергей с обезоруживающей улыбкой.

В начале знакомства они всё мечтали с Серёжей сбежать в Трансвааль, чтоб встать с оружием в руках на сторону буров, под знамёна генералов Деввета и Ботты против коварных англичан лорда Китченера, а как выиграют войну, заодно и в путешествие по Африке отправиться. Не ведали тогда, что война уже завершилась, а лишь смутно слышали, что и русские устремлялись в бурскую республику. Потом они ещё годами зачитывались «Питером Марицом юным буром из Трансвааля» и отдавали свои последние жалкие медяки шарманщикам, наигрывающим «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне!», вместо того, чтобы скопить их на мороженое. Много позже они узнают, что совсем недавно в Петербурге побывал старый бурский президент Крюгер и просил помощи бурам, но прозвучал офи-

циальный отказ¹⁰. Общественность России откликается на бурскую войну необычайно бурно. Уже два года служат молебны за здоровье президента Крюгера. Парковым окрестрам заказывают «гимн буров». Улицам русских городов уже дают названия в честь бурских героев. Появляется постановка петербургского цирка под названием «На высотах Драконовых скал, или Война буров с англичанами». Пастор голландской общины Санкт-Петербурга Хендрик Гиллот открывает «Центр организации помощи бурским республикам» при «Голландском комитете для оказания помощи раненым буррам». На рынках красуются игрушки, карикатурно высмеивающие Джона Буля. От столичной великосветской гостиной до лакейской только и говорят о бурах и «гличанах». Возникает фраза: «Нынче куда ни сунься – всё буры да буры». В церквях по всей Империи собирают пожертвования в пользу буров и шлют в Трансвааль иконы, роскошно изданную Библию, складни, граммофонные пластинки с записями русских

10

Граф Муравьев предложил Франции и Германии оказать давление на Англию по поводу войны в Южной Африке. Германия отказалась, заигрывая в тот момент с Англией, а Франция воспользовалась затруднительным положением Германии для укрепления в Марокко. Народ и, особенно молодёжь, ратующая за буров, возмущалась отказом царя Крюгеру. Впрочем, ряды буров пополнило немало российских добровольцев, среди которых был небезызвестный Александр Гучков. При этом правительство России всячески поддерживает буров дипломатическими путями и осуждает жестокую политику Великобритании. Имелся и экономический фактор, оправдывающий поддержку: каждый десятый житель Йоханнесбурга был российского происхождения и общий капитал этих лиц составлял более пятисот тысяч фунтов стерлингов (Мультатули П. Внешняя политика императора Николая II).

стихов и песен в честь буров. Когда до России донеслось, что бурский генерал Кронье взят в плен, проходит широкая кампания по сбору средств, чтобы подарить ему братину – громадную чашу из порфира. И её послали вместе с листами, на которых расписались семьдесят тысяч человек! Всё это не могло не смущать умов юных романтично настроенных юнкеров Николаевского училища. Вдруг, по Училищу прокатился слух, что где-то на Дальнем Востоке Россия недавно провела войну с безумно жестокими китайскими разбойниками, что с оружием в руках их ровесники-солдаты бьются насмерть за честь державы, а они отсиживаются в туманной столице. Далекое это было, правда... Но негоже так себя хоронить, не по-рыцарски! Толком никто так и не узнал об этих событиях и даже старшие по чину ничего не смогли им объяснить¹¹. Лишь позже молодые люди узнали некоторые подробности из старых газет за 1900-й год. Много было разговоров и о македонских восстаниях, последнее из которых турки утопили в крови. Двухсоттысячное турецкое войско сожгло две сотни православных сёл, вырезало несколько тысяч македонцев. После этого турецкий жандарм-албанец убивает российского консула, и царь требует примерно наказать виновника преступления. Всё это глубоко волнует юных друзей-романтиков, зовёт всё бросить и отправиться

---

¹¹ Речь идёт о подавлении Восстания Боксёров (ихэтуаней) в Китае в 1900 году в ходе которого крайнее озлобление китайского народа вполне понятно. европейцы стали вести себя всё наглее по отношению к Китаю.

на помощь братьям-славянам подобно генералу Черняеву в 1870-е годы.

– Вот тебе «гравюра» мамонтова дерева, – заговорщицеским тоном произнёс Аркадий, полез в нагрудный карман и протянул другу аккуратно сложенную бумажку с нехитрым карандашным рисунком, – вчера в библиотеке из книг по естествознанию сам срисовал. Владей, это тебе к Пасхе. А для масштаба, внизу стоит индеец. Калифорния!

Некогда каждый из них мечтал бежать в Америку к индейцам, стать вождём племени и сражаться с коварными бледнолицыми. Лишь после гимназии они осознали, что свободных индейцев уж и не осталось и начало их тянуть в остающиеся ещё неведомыми тропические дебри. В Великую пятницу Аркаша уже сидел в поезде с раскрытым томом Мери-ме на коленях, поскольку успел добить Дюма, вернуть его и заполучить новую книгу.

Вечером того же дня Дмитрий Охотин Младший Номер Пять, если не считать дочерей, иначе бы ему подобало носить седьмой номер, сидел, как обычно, за учебниками. Шёл учёт лишь более многочисленных сыновей, а дочерей имелось всего две. Ведь и император Александр нумеровал лишь офицеров, а не их сестёр и жён. «Мать наша всегда говорила отцу: «От генерала и должны сыны родиться, чтобы в жилах их струилась кровь солдатская от рождения». Да не так всё вышло. Лишь один Аркашка пошёл по стезе отца. Да и

что толку всем идти в военные? Хватает их. А вот учёных в державе маловато, всё ещё из-за границы выписывают. С семнадцатого столетия повелось выписывать иноземных, если богословов и зодчих не считать. Стану настоящим учёным, оценит отец, перестанет недовольство таить и хмуриться, растает. Да один учёный может дать Империи куда больше даже генерала, не в обиду отцу будет сказано. Вот изобрету такое оружие, что и Британия сразу же примолкнет», – размышлялся юноша, отложив учебник общей геологии. В голове его роились самые странные мысли о светлом будущем, торжестве науки и всяком таком прочем, о чём последнее время постоянно говорил с ним брат Борис. «Умный человек, должно быть, Боря. Иначе и не должно быть в нашей семье. Папа тоже умён – исторические трактаты пишет. То же, какая-никакая – наука. Серёжа всё никак не определится, но полон благих намерений. Вот только Петя, похоже, с пути истинного сворачивает. Не приведи Господь! Надо будет отслужить завтра Всенощную, всё как положено. Сегодня не сидеть допоздна, стало быть. Но скоро пора экзаменов, надо собраться с мыслями. Скорее успешно доучиться и пробиться в Петербургский Горный Институт Императрицы Екатерины Второй», – приказал себе Митя. Но в этот вечер долго не работалось. Глянул в календарь с пометками: «О, да послезавтра отца поздравлять следует!» Митя потянулся к своей «коллекции редкостей» и извлёк из берестяного короба заветные кусочки минералов, а также окаменевшие рако-

вины и пластинки окаменевшего дерева, которые мог часами рассматривать и живо представлять себя в каменноугольном лесу. «Не зря же, грибы, лишайники, мхи, хвощи и папоротники названы тайнобрачными, есть в этих группах растений нечто от бывшего каменноугольного леса. Ах, как бы мне хотелось забуриться в дебри гигантских хвощей и плаунов, отбиваясь от стрекоз с пол сажени длиной! Вот была жизнь!» Потом юноша полез в свой альбом с коллекцией марок со всего мира. В детстве он страстно коллекционировал марки, но со временем поостыл слегка. Но, когда он уставал, то по-прежнему руки тянулись к заветному альбому и перелистывали страницы с названиями диковинных заморских колоний на марках, что помогало осваивать французский и английский.

Старик Охотин, в тот же вечер, пребывал в обычном деловом настроении и, сидя в кожаном кресле за горой бумаг на могучем просторном столе с малахитовым чернильным прибором с бронзовой окантовкой, с множеством выдвижных ящичков, мерцавших начищенной бронзой ручек. Он завершал очередной труд о Хивинском походе, в коем сам некогда участвовал и даже получил именное оружие от самого фон Кауфмана. Над письменным столом красовались небольшие портреты Николая I и Александра III – императоров, особо почитаемых владельцем кабинета. Этот неутомимый человек со внешне несокрушимым всё ещё здоровьем,

будучи за шестьдесят пять, продолжал исторические изыскания не менее рьяно, чем со времён выхода в отставку, что случилось уж немало лет назад. За последние годы он описал все славные деяния своих предков от деда Охотина, Вахрамея, который, будучи крепостным рекрутом, спас офицера ценой жизни под Малоярославцем, за что семья его получила волю. Сам дед успел за кампанию 1812 выслужиться до унтера, поскольку лез в самое пекло, что замечал его начальник и о чём постоянно докладывал выше. Ещё он умудрился оказаться временным фельдшером, что свидетельствовало об его природном уме. Сын его, не менее отважный в бою, покрыл себя славой героя Кавказа и обороны Севастополя. Пуля его никак не брала, а раны заживали как на собаке. Множество соратников оставалось лежать там, где Евграф Охотин каким-то чудом умел уцелеть. Сам Яков Бакланов и другие кавказские псы войны – Засс со Слепцовым¹² ценили Евграфа. И этим всё сказано. Портрет полковника Евграфа Охотина кисти безызвестного московского мастера украшал стену кабинета генерала Гордея Евграфовича Охотина, героя трёх Туркестанских походов и Турецкой войны. Отставной

12

Даже казаки не могли справляться с отважными горцами, знающими каждую тропку и способы ведения войны в лесах и горах, кроме наиболее матёрых из русских, так называемых «кавказцев», подобных знаменитому донцу Бакланову, ветерану Турецкой войны 1828 года, или выходцу из немцев Григорию Зассу, герою Лейпцигской битвы. Николай Слепцов из пензенской аристократической семьи, ещё будучи юнкером, попал на Кавказ. Быстро продвинулся до командира полка, сжился с казаками и прославился даже среди матёрых «кавказцев» своей неопишуемой храбростью.

генерал готов был сидеть за работой денно и ночью, лишь бы не задумываться о будущем своей семьи, но упиваться её славным прошлым. Спокойный взгляд отца с портрета призывал к деланию, но не пустому сокрушению о своих бездарных сыновьях. «Просто не верится: из восьми сыновей, лишь один составил исключение и станет офицером, согреет стареющую душу своими кавалерийскими погонами. И за что мне такое, Господи?» Внезапно в кабинет генерала вошёл его давнишний денщик, ставший за бесконечную череду беспокойных лет другом. В руках вошедшего был конверт:

– Гордей Евграфович, батюшка, вот Вам от Глебушки конверт. Надеюсь, всё в порядке и ничего дурного не случилось.

Генерал пробежал лист крупно размашисто исписанной бумаги, нахмурился, но ответил денщику, что всё хорошо, но сын не сможет прийти и поздравить отца своего послезавтра с днём ангела, поскольку вынужден срочно ехать по долгу службы в другой город о чём сожалеет изрядно. «Этот хоть делом занят, но отца уважить времени конечно нет...»

– Слава Богу, что ничего дурного с юношей не случилось.

– Ну хватит мне на сегодня работать, Господа гневить, ведь день-то такой особенный, – промолвил задумчиво Гордей, – не резануться ли нам в четвертной, а Прош?

– С превеликим удовольствием, что меня касается, батюшка, – последовало скрипучим голосом из уст сухого маленького, преждевременно состарившегося, человечка с вялой обвисшей кожей, некогда бьющегося бок о бок со сво-

им более удачливым почти ровесником, утопающем в орденках, при окладистой генеральской бороде на мясистом полнокровном лице, изборождённом глубокими морщинами.

Старики уселись за партию четвертного бостона. Игра не пошла. «Только от книг оторвался и – началось! Всё те же чёрные, вернее – серые, убийственно серые мысли. И лезут и лезут, ничем их не уймёшь, аж тошно! Мельчает всё. Новое поколение уже не то. Ни боевого задору, ни здоровых побуждений и желаний. Где былой русский солдат, где «усач-гренадер?...» Со вздохом Гордей Евграфович выпалил:

– «Богатыри не вы». Ещё Михаил Юрьевич сказал. Ведь как подметил! Народ мельчает.

Собеседник генерала вскинул брови: «И что это старик чудит? Не к добру это, надо бы госпоже пожаловаться, чтоб на воды его что-ли отправила, аль в кумысолечебницу. Нельзя же столько над бумагами корпеть!»

– Что ни говори, батюшка Гордей Евграфович, а прав их Высокопревосходительство, ой как пра-ав!

– Да, что говорить, и животина измельчала: были же некогда гигантские ящеры, мамонты, где они в наши дни? А крупнейшего и самого смелого зверя в первую очередь охотники брали. А какой солдат, да офицер прежде других костями полегал? Тоже приметнейший и храбрейший. Да что говорить: Сама Москва уж иначе пахнет. Не как бывало, а духом смердит фабричным. Последний раз на даче нюхнул я ароматы сена да цветов, а в детские годы в самой Москве ча-

стенка доводилось. А шум какой стоит? Вырождение идёт отсюда, Прохор.

– Так оно и есть.

Мысли шли на ум невесёлые: «Вот ляпнул про шум, а ведь по совести говоря, в молодости, до появления резиновых ободов на колёсах, металлическая их обивка по мостовым производила ещё больше грохота. Даже сено у окон, выходящих на мостовые рассыпали, чтобы шум колёс поумерить... Но не в том суть. Ведь и в растительном мире то же: где леса могучего дуба, из которых ещё Киев строился? Где лучшие деревья? Под Киевом давным-давно нет, а под Воронежом Пётр всё на флот пустил, а флот-то тот и сгнил. А когда-то землю покрывали сплошь мамонтовы деревья. Что от них осталось? Деревья и те измельчали, что про народ говорить! Рыцарство безнадёжно ушло в прошлое и возобладание бесчестья налицо. Вездесущий торговый дух овладевает землёю нашей. Дельцы делят мир. Мир стал холоден и каждый человек чужд ближнему своему. Ох, не к добру всё это. Одна лишь вера отцов, да Императорская фамилия – оплот былой Руси. Ох, не по уму я сынов воспитал. Всё занят был, вот и вышло бабье воспитание. Плоды просвещения. Умные очень стали!» А вслух старик добавил:

– Проша, принеси-ка, голубчик, винца по стаканчику, будь так добр. Даже ушкуйников, антильских пиратов, да вольных волжских разбойников давно не стало. Какие раньше авантюристы встречались! Любо-дорого.... Римский Па-

па-пират¹³, а конкистадоры! Не тот народ в столетии наступившем. Измельчали. С века Просвещения мельчает облик мужчины, изошрившись в одеждах и париках всё нелепее и не сподручнее. Уж и не посражаешься вольготно в великосветских камзолах с чулками и высокими каблуками холодным оружием. Последний рыцарь в истории, не только по духу, но полноценный это Баярд¹⁴, а если взять вымышленных героев, то Дон Кихот, может и капитан Фракасс. А последний настоящий казак в истории? Уж не одобрявший ли отца моего Бакланов? Да нет, ещё и Серов¹⁵ со своими уральцами, да и не так давно... Само православие обмиршается по подобию кальвинизма. А что с искусством творится? Утрачен полёт, голубчик ты мой. Сходи, Проша.

Проход, с вытаращенными от удивления глазами, быстро сгонял по коридору обширного особняка на кухню, да так, чтоб ни Гликерия, ни госпожа не заметили и вернулся с немалой бутылкой за отворотом сюртука.

– Вот теперь оно пойдёт легче, смогу сосредоточиться, –

---

¹³ Иоанн XXIII, бывший пират, стал юристом, кардиналом и Папой. Прославился жадностью и развратом (1410-1415).

¹⁴ Пьер дю Террайль де Баярд, по прозвищу Рыцарь без Страху и Упрёка, был верным подданным Франциска I (1515-1547).

¹⁵ Одним из самых известных эпизодов покорения русскими Средней Азии стало так называемое героическое Иканское Дело декабря 1864 года – трёхдневное сражение сотни уральских казаков под командованием лихого уральского есаула Василия Серова против нескольких тысяч кокандцев у кишлака Икан, недалеко от города Туркестан.

произнёс отставной генерал, откладывая в сторону свежий номер патриотической газеты «Свет».

– Угу, батюшка наш.

После третьей полегчало, разлилось тепло по телу. И оба старика затянули походную песню ушедших времён:

«Вот идут за рядом в ряд
Смелые куруци¹⁶,
В страхе враг бежит назад
Точно заяц куций!
Хэй-хэй-я!»

В дверях кабинета послышалось лёгкое шевеление:

– Милостивец Вы наш, Гордей Евграфыч, ведь поздно-то как, темень какая на дворе, неровён час матушка Капитолина Климентьевна спустится Вас почитать позовёт, да запах учует... Прощка, дурень, думает я не заметила, что четверть из шкапа исчезла... Да и грех-то какой! Страстная Седмица на дворе...

– Ох, ушлая ж ты баба, Карповна, – проскрипел Прохор.

– Грех он великий, права Гликерия Карповна, не молюсь уж давно, не пощусь толком, разве что мясного не ел, но отраву выпил, согрешил. Бог простит, уж больно на душе скверно и сна нет. Дети наши – крест наш.

Пожилая кухарка со сморщенным личиком старой девы

¹⁶

Куруци изначально – антигабсбургские венгерские мятежники XVII века. Обычно куруцами были этнические венгры, точнее мадьяры и секеи, но попадались словаки и русины. Позже куруцами неофициально звали венгерских гусаров, что заимствовали в шутку русские в адрес своих гусаров.

промокнула скудную влагу глаз:

– Ещё не поздно, милостивец Вы наш, по утру на молитву, а потом и Всенощную выстоять.

– Так и сделаю, моя милая, не премину. И этого нехристя старого с собой прихвачу, – генерал сурово сверкнул очами на Прохора и повёл мясистым висячим носом над пышными усами. Ну, по последней, Проша. Только сегодня и – всё.

Отставной генерал прошёл наверх, где его встретила бывшая некогда дородной, но уже усохшая от частых родов и времени Капитолина Климентьевна с укоризной во взгляде некогда красивых усталых, но всё ещё ясных глаз:

– Чтож это такое, куда годится столько времени за работой? Возраст то своего требует, мой милый, сна и отдыха своевременного. Да от тебя поди вином разит? Ну это уж никуда не годится, что тебе сказал врач в последний раз? Аль про Великий пост позабыл?

– И слышать не хочу об этих эскулапах, матушка! На фронте они нужны, а не в мирное время. А грех на душу взял оно верно. Всё! Спать пора на сей раз, – бросил он несколько резко, подходя к Красному углу для вечерней молитвы.

Капитолина только что вернулась из флигеля с комнатами своих ненаглядных младших сыночков. Алексей всё ещё продолжал сидеть с учебником арифметики, а двенадцатилетний Антон – Охотин Десятый и последний, отправился в кровать после своей обычной долгой и усердной молитвы. Взрослые дочери отнюдь не осыпали пятидесяти двух-

летнюю мать лаской и спешили отделаться от её назойливого вечернего пребывания в их будуарах. Старшая, Варвара, лежала с переводным французским романом в постели, так, сквозь зубы – «Покойной ночи». Когда детям исполнялось семь, родители приглашали в дом французского учителя, правда только сыновьям, но и дочери могли приобщаться. Учитель тот ни у кого из детей симпатии не вызывал и учить язык не хотелось, а родители им не владели, не как в дворянских семьях с устоявшимися традициями. Получалось, что никто из Охотиных толком языками не владел. Младшая, Евпраксия, как всегда, рисовала. Мать не могла не нарадоваться её смелым и живым карандашным наброскам лошадей и леса: «Способная ты у меня». Перед сном старый генерал отворил ключом дверцу трюмо минерального облика с неповторимым рисунком карельской берёзы и извлёк оттуда очень старую старообрядческую икону.

– Всё-таки есть в них особая сила, которую утратили мы после Никона... В сосняке –веселиться, в березняке- жентиться, а в ельнике- удавиться, – со мрачной назидательностью молвил.

– А ты всё о том же, кормилец ты наш, – устало буркнула Капитолина.

– Да, исповедовал дед мой веру Никоном отвергнутую, а вот отец уже решил, что лучше примкнуть к большинству. А к добру ль оно?

На следующий день Капитолина Климентьевна всё переживала, что устроили праздник в такой неподобающий день, но Гордей успокоил её, мол, Господь милостив. Гликерия рано утром сбегала на Охотный ряд, «Чрево Москвы», и вернулась, через Булочную Филиппова, что на Тверской, с многочисленными узелками полными снеди. Утром Капитолина вместе с Гликерией мыли всю мебель, выскабливали полы, вытряхивали половики, перемывали посуду, словом – всё как положено в такие дни. Заготовили уж и куличное тесто, ещё вчера покрасили яйца.

– Так, Антоша не одобрит, ой набожный мальчик растёт, не в пример старшим оболтусам.

– Ещё чего! самого малого слушать будем? Далеко пойдём! – зычно гаркнул Гордей.

Гости начинали появляться к обеду с небольшим запозданием. Сначала по парадной лестнице в гостиную поднялись один за другим Дмитрий, Сергей и Пётр. Последним, из находящихся в Москве, явился самый занятый старший Борис с красавицей-женою.

– Ну-с, можем идти за стол, дамы и господа, – распорядился Гордей Евграфович, – Глеб не может по долгу службы, а Аркаша, наверное, тоже не смог выбраться из Питера.

Гордей Евграфович проворно сам нарезал душистого ситного хлеба, прижимая его к мундиру:

– Мы до басурманского не очень охочи, мы из народа, – хитро покосившись в сторону Настасьи, – не голубых кровей

мы, стало быть. Щи да каша – пища наша, что говорится. Да и день-то какой: Страстная суббота, праздновать-то грех мне в этом году. Ну раз уж собрались детки, то и слава Богу и да простит Господь, – он торжественно встал и осенил постную пищу на столе крестным знаменем, – а «крем-брюлей» пушай себе ханцузы хавають, – добавил со смешком, вновь поглядев на точёный профиль невестки.

– Ну да будет ёрничать, прочти молитву сам и начнём трапезу, – строго молвила мать.

Борис с неподдельным отвращением взглянул на то, что лежало на белой скатерти: «Копошение растительной жизни: набухание, созревание, гниение – гадость какая». Некоторое время после молитвы Гордей сдерживал себя, но вскоре начал вновь:

– Кто вы думаете, в кампанию 1812-го выиграл войну? Государь? Нет. Кутузов? Даже и не он, но народ: простой солдат и крестьянские повстанцы. Что бы смог сам Кутузов без народа? Но Карамзин не так представляет себе и нам историю, а по придворному.

– Вам бы, отец, на нашем собрании с такими речами выступить, – вставил Борис.

– На каком-таким собрании?

– Да вот, есть такие люди. Не всем они довольны в Отечестве своём, – прищурился Борис.

– Ах, ты опять за своё! Уж говорил тебе, что будь я Государем, давно бы на каторгу всех твоих «людей», да и тебя

самого б не пожалел. Там бы ты и исправился. Государь наш мягок уж слишком. Распустил народ. Борька, не задевай меня за живое! Не ровён час ссора нагрянет, как в тот раз. Да и так ли плохо жило наше крестьянство до шестьдесят первого года? Лучшие сыны крестьянства и дворянства заодно тогда были! Вот и наши Ртищевы бы не дали тут Отчизну в обиду, государевыми людьми были, верно, Настасья Николаевна?

Настасья кивает, а сама косится на мужа, не знает, что ответить и густо краснеет.

– Не думаю, отец, что когда-либо в этом государстве низы были «заодно» с верхами. Слишком велика между ними пропасть, – Борис перехватывает совершенно завороченный взгляд брата Сергея, устремлённый на «очей очарование» в неповторимом аспидном платье. «Что-то Серёжка совсем тронулся, как бы бедой это не кончилось: те же взгляды который раз» – недовольно думает про себя старший брат и добавляет весомо, чеканя каждое слово, вслух:

– Серёжа, ты бы свои последние стихи лучше нам прочёл.

Но отец продолжает своё, не замечая обстановки:

– Была пропасть та гораздо меньше до Петра Великого и закабаления народа крепостниками. А потом до того дошло, что на разных языках обе стороны стали изъясняться. Таким образом, мы имеем на сегодняшний день всё ещё болезненное расслоение общества на тех, кто всё ещё французский предпочитает своему языку и брезгует своей культурой, выбирая басурманскую. С испокон веку в семействе нашем

правили вера отцов, да преданность Государю Императору. То есть путь народный и русский по духу. И не нужно нам даже и языком обасурманиваться!

– Полноте, отец, если Вы это в адрес моей супруги, то это совсем несправедливо. Таких уже меньше становится, к счастью. Настасья отнюдь не предпочитает этот язык родному, а напротив. Ведь мы с Вами почти на одной позиции стоим, но Вы упрямо не хотите признать несомненное преимущества конституции и лишь в этом наше разногласие.

– Ну, нашла коса на камень, – вставляет Капитолина и отворачивается к младшим, пытаюсь занять их беседой, но их внимание приковано мужским разговором за столом.

– Сын мой, монархия по западному образцу для нашей Отчизны никак не годится, устал повторять тебе, что России подходит лишь са-мо-дер-жа-вие. Московское самодержавие поддерживал и даже по сути создавал простой мужик – твой предок, – вновь едкий взгляд отца останавливается на невестке, – Ни в коем случае нельзя западноевропейский абсолютизм приравнять к самодержавию: это две разные вещи. Одно насаждалось сверху, другое рождалось под влиянием народа, как защита народа от произвола феодалов.

– И что то Вы, батюшка, всё изощряетесь? – несмело замечает Пётр.

– А ты бы университет сперва достойно окончил, а не отца учил, – насупившись, – Стало быть, как пишет генерал Ку-

ропаткин¹⁷, вся беда в России от глубокого расслоения общества. Новое постпетровское дворянство чудовищно отдалилось от народа с тех пор, как красные каблуки одело¹⁸. Ни в одном государстве нет такого непроходимого барьера и в этом беда России! А Вы как на это смотрите, Настасья Николаевна?

– Будет Вам, отец, Настасью всё удивлять, или дразнить, уж не знаю как и назвать это, – спокойно произносит Борис.

– Папенька, ну не надо же так! Будет Вам, – тоненьким кротким голоском восклицает Евпраксия.

---

¹⁷ Алексей Николаевич Куропаткин (1848-1925) – генерал от инфантерии, военный министр, член Государственного совета, военный историк. Родился в семье мелкопоместного дворянина, капитана в отставке. Воспитывался в кадетском корпусе. Участник покорения Туркестана с 1866 года. В 1871 году поступил в Николаевскую академию Генштаба. Ездил в научную командировку в Германию, Францию и Алжир. Находясь в Алжире, участвовал во французской экспедиции в Сахару. Участвовал в Кокандском походе и первым ворвался в крепость Уч-Кургана, командуя сотней казаков, за что был награждён орденом Святого Георгия. В мае 1876 года отправлен во главе посольства к правителю Кашгара, для установления границ с Ферганой. Начальник Закаспийской области с 1890 по 1898 год. Своим методом хозяйствования заметно развивает отсталый край. В 1895 году Куропаткин был послан во главе чрезвычайного посольства в Тегеран. Проведённые Куропаткиным армейские реформы были направлены главным образом к поднятию нравственного уровня солдата: по удовлетворению религиозных нужд, отмене телесных наказаний, организации бесед, чтений, игр. В материальном отношении было улучшено казарменное расположение. Совершил крупные стратегические ошибки в Японскую войну. После начала Мировой войны подал прошение об отправке на фронт и успешно воевал, несмотря на преклонный возраст.

¹⁸ В XVIII веке дворянство стало носить туфли с красными каблуками – свидетельство знатности.

Тут радостно вбежал, прибывший скорым и мчавшийся от самого Николаевского вокзала, Аркадий.

– Господи Христе, Арканка! Да как возмужал! – зазвучал дрогнувший голос матери. Отец бросился обнимать любимца, как никого другого:

– Вот, господа, и самый полезный член общества из всего моего семейства к нам явился! Уж как я рад тебя видеть, а как форма тебе к лицу! Ты только посмотри, мать, на нашего Аркадия!

– Полноте, отец, Дмитрий может ещё большую пользу принести, например, – с краской в лице замялся Аркаша, – Вот изобретёт новый аэроплан, который станет по-настоящему летать, а не так как нынешние...

– Ну, летательные аппараты не моя область, брат, а вот в геологии надеюсь изменить что-то. Например, столько золота найду, что наша держава сразу же много богаче и Англии и Франции станет, – мечтательно вставил Митя.

– Старатель ты наш, золотоискатель, – расхохотался Пётр.

– Маниловы вы все, вот кто. Гоголя почитайте. Да куда в стране устаревшая не пластичная система правления, никакого толку не выйдет и лишь отставать будем дальше от британцев, пусть хоть вся Сибирь золотыми рудниками покроется! – заговорил возбуждённо Борис.

– «Упрямства дух нам всем подгадил» – а-эс Пушкин, цитирую дословно-с, – бойко вставил Сергей, – давайте мирно проведём хоть этот день!

Но призыв его уже опоздал.

– Ты опять на самодержавие свою бочку катишь? – темные брови отца взлетели, нос налился кровью и стал словно ещё более хищным, чем обычно. Гордей запустил в седую бороду лопатой пятерню, как будто подбадривая себя этим, – Ну уж нет, эти речи твои не содеянные в отцовском доме не пройдут!

Обед скомкали, аппетит у всех, кроме Петра, пропал. Гости начали расходиться раньше времени и к трём пополудни отчий дом почти опустел. Мать пыталась было пригласить детей вместе на Всенощное, но безуспешно – у всех ещё хватало дел дома. Борис же, и не скрывал, что не применит пропустить пасхальную службу и на этот раз, а Дмитрий вставил, что с него и литургии Василия Великого хватит¹⁹. Прощаясь, двенадцатилетний Антоша подошёл к Борису и, смущая его ясным светом ещё детских наивных чистых очей, промолвил:

– Брат, отец наш прав, помяни слово моё.

От чего-то Боре стало не по-себе, и он поспешил покинуть родственников, поймав пароконный экипаж. Всю последующую ночь он ворочался в постели, неотступно преследуемый ангельски-чистым взором самого младшего братца, годящегося ему в сыновья. Что-то особенное было в этом взгляде.

Дочери Гордея и Капитолины пошли куда-то прогуляться вместе с гостями. Настроение у всех было подпорчено.

Некоторые из них успокаивали себя тем, что за Всенощное бдение придёт на всех мир и успокоение.

Гордей Евграфович впал в тот день в полнейшее уныние: «Ну что ж делать-то с ними, один Арканка – золотой человек растёт, нужный. Да и Глеб – куда ни шло, похоже. Да только всё бобылём в свои двадцать девять ходит. Это тоже не годится. Малые оба ещё надежды подают, кто знает? Да только тщедушны оба, здоровьем Господь оделил, не то что старшие дылды. Нельзя было плодить столько, природа не позволяет... Да и пигалицы мои обе что? Одна уж который год на выданье, так всё ей не то, из дворян подавай, да не таких как наша порода, а повыше, постарше родом. В великие княгини норовит, дура. Младшая же лентяйка, учиться толком не желает. Художницей себя возомнила – пишет она! Да мать ей всё умиляется. Ну и что, что добра да набожна? Толку из неё всё равно не выйдет. Матерью даже не сможет стать, наверное. Ни на что не годна, сидит и мечтает день-деньской. Что та, что горе-поэт наш... Даже и Петя, ну на что бездельник, но ведь что-то есть в нём. Ищет правду народную, по-своему, глупо, но добра народу желает. Лишь бы пить не пристрастился, да диплом получил. Но охотинская закваска есть в парне. А умён-то как в математике всегда был! Ещё карапузом был, считать мог быстрее всех в доме. Но старшой – вот задача! Что же делать-то с ним? И вовсе во вредную крамолу влез! Плохо кончит! А что ещё хуже – Митьку в свою проклятую политику втягивает, а тот и уши

развесил! Нет у «науки» того стержня, что у солдата. Попался парнишка на удочку. Ох не порол я Борьку в своё время, упустил. Увлёкся новыми веяниями в воспитании и пожинаяю». И ещё мучила в тот день мысль о давно исчезнувшем брате его, Пафнутии Евграфовиче. Дружны они никогда не были, да и возможности в том не находили. «Да только исчез человек и всё тут. Хоть бы написал разок, мол жив-здоров. Не по-людски это выходит».

В одно и то же время с мужем, Капитолина Климентьевна перебирала в памяти всех своих ненаглядных деточек, начиная с младшеньких, требующих наибольшего внимания: «Антошеньке надо бы побольше времени учёбе уделять. Всё в мечтах где-то плавает, да лишь Богу молится. А вот Алёшке бы поменьше с учебниками сидеть, да почаще со сверстниками бегать лапту гонять. Да что там, и лапта уж не в моде и им заморское подавай. Теперь они в крокет играть изволят. Совсем что-то зеленеет и чахнет моё солнышко. Арканка, право, боле других радуется, да и отца, конечно же. До чего же подтянут, какой взор боевой! Кавалерист прирождённый! А ведь отец – от инфантерии. Митя тоже совсем заучился. Ничего вокруг не замечает. Рассеян стал, словно профессор. Параня не радуется искусством своим! Какая мастерица-то, как карандашом владеет, кистью! Но только вот с ленцой, вялая очень. Может здоровьишко разладилось? Не приведи Господь разболеется светоч мой? Петя меньше других радуется... Шалопай и бездельник растёт. Вот уж и жалобы от учи-

телей доходят! Исключат скоро. Что же поделатъ с оболтусом великовозрастным? Такой недоросль уж и порке не подлѣжит. Поперѣк кровати для розг не уложишь. Ну а Варя-то о себе что возомнила? Вот дурѣха-то! Да кому она нужна из петербургскаго света-то? Знай сверчок свой шесток. Выдать её надо бы по нашему велению и всё тут! Выбирай епанчу по плечу. Не даром говорят: «от сыновей – горе, от дочерей – вдвое». Серѣжа так ласков всегда был, мил. Но видать вырос. Охладел к матушке-то, всё в облаках витаёт. Полнеть уж слишком стал. Глаз молодых не жалеет – очи светлые подпортил. Жениться-то пора бы. Глебушка – труженик. Конечно бы офицером оно лучше, но и такая служба Царская семью не опорочит. Пора бы только давно обженить его, детей наплодить. Занят всё. Умница ты наш! Борька человек серьёзный вырос. Только мало ему счастья купеческаго и говорит всё что-то малопонятное, о политике, да всё о ней, проклятой, да и не то всё. Не содеянные речи заводит. Ни чего другаго и знать не хочет. Крамольником отец прозвал. Ох, дурно это! А главное, кажись у них с Настасьей детей не выходит, ну и охладели друг ко другу. Худа она верно уж очень. И что с ними поделаешь? Ой, горе моё!»

Перед выходом в церковь, Гордей Еврафович сумел найти успокоение в подрезке яблонь в своём саду, хотя это было и против садовнических правил – заниматься подрезкой по весне.

2. Матерь Городов Русских объята тревогой

«Как ароматен персик в вышине!
Рукою не дотянешься к нему...»
Цаньян Гьяцо, Шестой Далай-лама

Глеб Охотин долго не мог заснуть в поезде и проворочался в своём купе пол ночи в тщетной попытке найти связующее звено, хоть какую-то зацепку во всех нелепых последних делах. «Могло бы и не платить ведомство мне, дурню, за целое купе, толку-то: и в уединении не выпался и ни до чего не додумался. Бездарно всё Светлое Воскресение потрястись в поезде и ни к чему не прийти? Ладно тот банк... Но возьмём неразгаданное убийство викария Московской епархии, в подчинении которого был Свято-Данилов монастырь. Во время посещения монастыря его находят в одной из пустых келий, что на ремонте, мёртвым. Он лежит распростёртым на полу с задранный бородёнкой и не выразимой словами печатью страха и, вместе с тем, омерзения ко всему окружающему на бледном восковом лице. Обречённость, смешанная с брезгливостью. За что был убит, никто до сих пор не может и двух слов связать. Вся монастырская братия оказывается в таком же недоумении, как и сыскная полиция. Что ещё нелепее, в кулаке покойника судорожно сжат клочок бумаги, вырванной из школьного учебника, на котором – рисунки фруктовых деревьев с подписями: «яблоня, виш-

ня, слива, груша, персик». Самого же учебника нигде найти не удалось. Пока лишь загадочность этого убийства заставляет его увязывать со странным пакетом, переданным Ухо его уголовными приятелями. Метод умерщвления не совсем ясен, поскольку прошло немало времени, прежде чем обнаружили труп, но очень похоже на отравление растительным ядом. Наши химики упорно склоняются к этому, исходя из симптомов отравления. Ведь растительные яды, в отличие от мышьяка, ядов минерального происхождения, заметных следов в организме не оставляют. Попробуй их улови с помощью реагентов! Хотя говорят, что уже полвека назад нашли состав химикалиев, которые позволяют обнаруживать некоторые алкалоиды. Так, посмотрим копию отчёта ещё раз: «сок болиголова пятнистого (*Conium maculatum*), семейство сельдерейных с очень неприятным, сильным запахом мышьиной мочи». Да, разило чем-то на редкость мерзким от покойника. С другой стороны, а когда от них фиалками пахнет? Так: «Историки древнего Рима Плиний и Тацит свидетельствовали, что именно болиголов в Греции использовали для казни преступников, и этот вид наказания был очень распространён. Некоторые исследователи предполагают, что помимо болиголова в состав Сократова кубка мог быть подмешан млечный сок другого растения этого же семейства – вежа ядовитого, или цикуты (*Cicuta virosa*). Десятой доли фунта корневища цикуты достаточно, чтобы убить корову. Ядовитость цикуты сохраняется при варке и сушке».

Ну и ушлый народ сидит у нас в лаборатории – и впрямь историки! Так, ими ещё Сократа отравили... Сам шеф Глеба, Лебедев, сбился с ног, всех филёров²⁰ измотал, а результата нет! Что можно сказать: на лице убитого застыл ужас, то есть, возможно его заставили выпить яд насильно, но специалисты говорят, что этот яд действует не столь стремительно. Но, не исключено, что разгадка в зажатой в руке бумажке: викарий получает её от кого-то и узнаёт что-то из странного, казалось бы листка, но ему очевидного. В этот момент он уже, наверное, испытывает недомогание и, раскрыв бумажку, понимает, что обречён... Похоже на правду, но слишком много неясностей. Кстати, дерево персика было подчёркнуто карандашом, словно гимназист какой черкал, а может и убийца, пославший эту «чёрную метку» в виде невинного листка из учебника?»

Пройдя мимо строящегося странного Дома с Химерами и добравшись до своей гостиницы «Франция», что на Крещатике, Глеб Охотин, к своему удивлению, тут же получил из рук служащего телеграмму из Москвы. Стефанов сообщал, что в подкладке меховой накидки викария обнаружена косточка персика, провалившаяся туда через дыру в кармане. Это уже наводило на мысль, что дерево на странице учебника подчёркнуто не просто так и не бывшим его владельцем-гимназистом!

---

²⁰ Филёр – специальная должность в Охранном отделении для сотрудников, которые занимались только наружным наблюдением за подозреваемыми.

Не сразу удалось Глебу выудить усердно разговлявшихся после Великого поста сотрудников Киевского сыска, а также найти сопровождающего, который помог бы ему лично ознакомиться со схемой и с подлинным тесным и пыльным подкопом под банк, где злоумышленники умудрились виртуозно взломать нескораемые шкафы. Не прежде, чем он отведал каждый из многочисленных видов куличей и с шафраном и с корицей и с прочими пряными добавками и посыпками в хлебосольном доме начальника. Итогом суматошного дня стала срочная ответная телеграмма от Стефанова, подтверждающая неоспоримость факта полной идентичности схемы подкопа намалёванного на мятой бумаге из пакета и существующего в реальности. Просто не верилось! Даже хотелось бы наоборот, чтоб тот чванливый тип, автор анонимного письма, оказался умалишённым с манией величия, но выходило иначе... Кроме того, Глеб упомянул в своей телеграмме об аналогичной странной находке, в ходе своего продвижения по узкому низкому ходу подкопа. В одном месте пришлось даже припасть на одно колено, чтобы протиснуться дальше. Именно там он ощутил что-то острое, впившееся в колено и луч фонаря осветил ещё одну персиковую косточку, обронённую кем-то из участников ограбления. В том же месте из кармана Охотина выскользнули часы, но они повисли на цепочке.

В отношении связи ограбления банка с убийством викария всё оставалось весьма туманным. Что касается самого

ограбления, то многое было очевидным, да только ни на кого не смогли выйти. Подкоп вели от стыка отхожего места с сараем в заброшенном и густо заросшем ничейном дворе за банком. Судя по «почерку, работали» так называемые «варшавские вору», которые всегда готовились к преступлению очень основательно, не жалели денег на подкупы и добротный инструмент, который был брошен сразу же по мере использования. Сотрудники уголовно-сыскной полиции сбились с ног, но не могли уже с полмесяца выйти ни на каких варшавских воров на территории всей Империи. Оставалась надежда на поимку воров, при размене процентных бумаг, которых было похищено на гораздо большую сумму, чем наличных денег. Проворачивать подобные операции обмена было отнюдь не просто. Для этого грабителям предстояло найти весьма состоятельное лицо, не опасавшееся замарать руки подобной сделкой, которое бы купило бумаги за полцены. Но уследить за всем течением капиталов необъятной Империи оказывалось задачей невыполнимой. Слишком много свобод имели частные банки, операции которых не подлежали контролю.

Вечером предстояла вновь обильная праздничная трапеза по случаю начала Светлой седмицы, а до этого Глеб нашёл время, чтобы зайти во Владимирский собор. Во время душевной беседы коллег за вишнёвой наливкой, хотя всё больше и о делах, супруга позвала хлебосольного Епифана Евлампиевича к телефону и через пару минут тот вернулся

из кабинета, разгорячено жестикулируя, взволнованным, со словами:

– Милый Глеб Гордеич, к моему прискорбию, наша трапеза грубо прервана вмешательством того же извращённого субъекта!

– Да что Вы, Епифан Евлампиевич, неужели?

Через пару минут оба уже ждали прибытия коляски Епифана у порога. Киевский коллега был поглощён проверкой курка своего револьвера, а Глеб рассеянно крутил в руках выданный ему тяжёлый фонарь: «Словно он со мной в одном поезде из Москвы прибыл. Да он, пожалуй, всё же маньяк...» От Печерска коляска миновала Никольский форт с бронзовыми мордами львов на воротах и через Мариинский парк свернули на Институтскую. Возле старого особняка уже сновали пристав с подручными. Увидев начальника, пристав вытянулся по струнке и доложил, как положено, о происшедшем. Наконец, и Глеб вник, что же произошло. В прихожей особняка в стиле «модерн» вновь, прибывшие полицейские столкнулись с врачом, который тоже не порадовал:

– Епифан Евлампиевич, хозяин с хозяйкой давно мертвы, а Их Высокопреподобие ещё дышит и оставляет надежды, огромной физической силы человек.

– Везите его скорее в больницу и приложите все усилия!

Пол гостиной оказался залитым кровью. Полуживого архимандрита Свято-Введенского монастыря уже выносили на носилках. В жёстком кресле за столом, уставленным снедью,

скорчился крупный мужчина лет сорока, повёрнутый затылком, с тонзурой, выбритой временем. В его глазнице торчал изрядного размера чугунный костыль, на которые обычно подвешивают картины. Вся скатерть пропиталась кровью. У стола на ковре лежала дама лет тридцати пяти с вытаращенными в безмолвном ужасе открытыми глазами, словно она была ещё жива. Подбородок её был испачкан пенистой слюной, или рвотой. Несмотря на жуткую гримасу смерти, можно было различить, что ещё недавно эти глаза могли просто покорить сердце, как с грустью отметил Глеб: «даже такого сухаря, как я». Полицейские осматривали окружающую обстановку и обнаружили, что на стене, увешанной картинами, в том числе старинными, представляющими немалую ценность, явно не хватает одной, а также и костыля, на котором она висела. Глеб проверил насколько трудно извлечь из стены подобный костыль, желая выяснить силён ли преступник и понял, что всё зависит от того, как забит тот или иной крюк и в какое именно место. Похоже, что дыра, откуда был извлечён костыль, была давно уже слишком широка для него и костыль покоился в ней свободно. Мусора от штукатурки видно не было. На кухне обнаружили мёртвую служанку с головой проломленный утюгом, явно прихваченным по пути на кухню с сундука в передней, где на белье оставался свежий след от его тяжести. Что ещё сразу бросилось глаза в доме судьи Михайлова, это количество приборов на столе, не соответствующего числу убитых, что наво-

дило само собой на заключение, что убийца был приглашён к столу. При более детальном изучении места преступления установили, что супруга судьи была, скорее всего, отравлена, а потом её пышная грудь с садистским упоением искромсана тупым столовым ножом. Кроме того, Глеб неожиданно нашёл весьма примечательную записку, приколотую к стене булавкой на самом видном месте, на столь приметном, что профессиональным сыщикам она даже не бросилась поначалу в глаза. На ней уже знакомым аккуратным почерком было выведено: «Белое цветение слив и розовый цвет вишен. Я – слива, эта женщина – вишня. Джагернаут». Снизу было умело изображено гигантское дерево, которое очевидно поддерживало Вселенную, а на облаках сидели странноватые плосколицые узкоглазые люди и поедали плоды дерева, похожие на персики... Епифан наскоро записывал в блокнот: «Хозяин, одетый в партикулярное платье, найден...» Было решено, первым делом, опрашивать всех в подряд о круге знакомых судьи.

Наутро Глеб связался по телефону с Москвой, рассказал о знакомом почерке очередного убийства и том же почерке в вызывающей записке и услышал, что Стефанов отправил некий вызов невидимому противнику через того же Ухо и вероятно поддел убийцу за живое тем, что обвинил его в трусости, мол если уж Вы не скрываете свой почерк в прямом и переносном смысле, то к чему скрывать своё имя? В тот же миг Глеба осенило, что они получили подпись в от-

вет: «Джагернаут»! Но на другом конце провода раздалось, мол нет, ответное письмо подписано иначе – «Джахангир». «Странно», – подумал Глеб, – «неужели это два разных лица. Может просто сам запутался в своих псевдонимах. Не зовут же жителя России и в самом деле Джагернаут²¹, ведь это нечто санскритское?». Кроме того, Василий Степанович сообщил, что сотрудники перевероросили библиотеку в жилище викария и из четырёх-миней, с не запалённым корешком, вытряхнули листок бумаги, свёрнутый для конверта, на котором уже знакомым аккуратным почерком было написано: «И умрёшь ты скоро от плода персика. Я – дерево персика. И я знаю твою судьбу». «Вероятно в листок из учебника была завернута та самая косточка, что провалилась сквозь прореху в подкладке. А чувствующий уже недомогание викарий пришёл от этого в ужас и сердце отказало», – сообразил Глеб. Из химической лаборатории сыска поступили очень интересные сведения. Архимандрит уже в сознании. Могучий организм почти двухметрового и сравнительно молодого человека после умелого промывания желудка и кишечника победил яд. Более того, Их Высокопреподобие сумел даже поведать о своих ощущениях. Он поведал, что после первой чашечки сладкого чая с каким-то очаровательным, наверное персиковым ароматом, голова его стала страшно тяжёлой, лицо начало гореть, что заметила хозяйка, высказав

21

В современной транскрипции индийское божество «Джагернаут» прозносится как «Джаганнат», или «Джаганнатх».

опасение, что у него начинается жар. В тот момент все за столом так и подумали. Через несколько минут святой отец начал терять сознание и ощущал мурашков по всей коже, а зрение ему просто отказывало, всё расплывалось в глазах. Он не мог уже отчётливо мыслить и лишь помнит, как жена судьи склонилась над ним и с ужасом в голосе воскликнула, что зрачки его страшно расширились, а пульс совершенно бешеный. Мышцы более не слушались его, а в икрах он ощутил судороги. Голова архимандрита упала на стол и больше он ничего не помнит. После тряски в носилках у него началась целительная рвота, а позже и понос. Заключение экспертов оказалось убийственным для Глеба: «синильная кислота – классические симптомы. Содержится в значительных количествах в косточках персиков, вишен. Смертельная доза чистой синильной кислоты для человека ничтожна, причем смерть наступает почти мгновенно после одышки и судорог. Яд подавляет способность тканей усваивать кислород». Глеб поспешил доложить об этом шефу. Но самое неожиданное их ожидало после анализа трупа хозяйки. Она была отравлена, вероятно, вовсе не синильной кислотой, а скорее всего ядом болиголова, уже знакомому Глебу по прошлому делу. «Смерть наступила от паралича дыхательных мышц. Попав в желудок, яд сразу же начинает всасываться в кровь и вызывает паралич центральной нервной системы, вызывает обездвиживание, потерю чувствительности, при сохранении сознания, усиление слюноотечение, тошноту, рвоту, наруше-

ние дыхания. Листья болиголова по ошибке принимают за листья петрушки, корень – за корень хрена, плоды – за плоды аниса». Оказалось, что на кухне имелись остатки именно таких «петрушки и аниса». Подозрения в отношении служанки и поварахи отпали, не только поскольку она сама оказалась убитой, но ещё и по причине содержания второй записки, настроченной тем же аккуратным почерком, найденной в кармане хозяйки: «*Quidquid id, timeo Danaos et dona ferentes*», то есть – слова Вергилия в оригинале, означающие: «Что там ни будь, я данайцев боюсь и дары приносящих!». Всё сводилось к тому, что вторым гостем был убийца, что он подsunул хозяйке эту записку, но при этом, сам принёс «свежую зелень с рынка», вероятно в горячем желании поэкспериментировать с растительными ядами и самому полюбоваться на их действие. Анализ показал, что лишь в одной чашке была синильная кислота, а часть милой «зелени с рынка» оказалась не съеденной на столе. Видимо, судья, в отличие от своей жены, предпочитал обходиться рыбой без петрушки и аниса. Но в чашке с «перевёрнутым» кофе, явно ближней к судье, обнаружили что-то вроде дурмана, или так называемой сон-травы. Очевидно, что голова судьи уже валилась на стол ото сна, когда он получил дополнительно крюк в глаз.

Через день врачи уже позволили начальнику и Глебу поговорить с архимандритом и выяснилось, что он впервые видел этого гостя и толком не может описать его неприметную внешность, поскольку предпочитал скромно любовать-

ся красотой хозяйки, грешным делом, а разговаривал с хозяином. Гость всё больше молчал и несколько раз выходил на кухню, или в уборную. Это человек среднего роста, средней комплекции, с очень невыразительными лицом и голосом, светлый, скорее всего славянского, либо угро-финского происхождения. Даже возраст его был уж очень неопределённым: может быть сорок, но если бы тот сказал, что ему пятьдесят, то святой отец бы не удивился. Создавалось впечатление, что он не слишком давно знаком с хозяевами и чувствовал себя неловко. В течение нескольких дней множество сотрудников полиции беседовало с буквально всеми киевлянами, знающие семью известного судьи, но никакой зацепки пока что не нашли. Кого-либо похожего по описанию на зловещего второго гостя никто из них не знал. Зато родственники судьи подтвердили, что на пустом месте стены висела наиболее ценная и самая мелкая из собрания картин – работа старого голландского мастера. Архимандрит добавил к этому, что даже запомнил её: «Уж больно много непотребства фривольного в ней было, а тот гость всё на неё поглядывал, ну и я, грешный, уподобился мирянину». «Странно, если целью было лишь ограбление, к чему все эти немислимые сложности с разными ядами, все эти изыски?» – подумал Глеб.

То, что в конце следующего дня они с киевским коллегой уже неслись на трамвае²² от Крещатика до Прорезной,

где забрали ещё одного сотрудника и помчались на пролётке мимо серебра растреллевских куполов Андреевского собора к самому Спуску, уже не удивляло более Глеба. Там, в одном из притонов, случилось очередное жестокое убийство, на сей раз женщины лёгкого поведения.словно в бреду, чисто механически, без эмоций, Охотин осматривал ещё юное, соблазнительное тело в полураспахнутом бархатно-кружевном пеньюаре исхлѣстанное будто-бы розгами, или лёгкой плетью. Кожа пестрела мелкими продолговатыми ранками, а пол, тем не менее, был покрыт кровью, словно имела место значительная рана.

– А вот и они, Ваши косточки, Глеб Гордеич, – вдруг проговорил Елифан, разгибаясь от пола с мрачной усмешкой. На его широкой ладони лежала персиковая косточка с очень острым концом и вся в крови. Таким остриём вполне было можно нанести все эти бесчисленные ранки.

– Поразительно! Какова наглость преступника! Убийца просто куражится, или совершает очередное преступление, чтобы отвлечь нас от чего-то более важного – не пойму, –

ске мы обязаны рождению трамвая в Имперской России. Первые трамваи были пущены в Киеве по инициативе инженера Струве в 1892 году и в Нижнем Новгороде. Затем, в 1897 году – в Екатеринославе. По предложению русских предпринимателей в 1898 году бельгийцы построили трамвай в Курске, Орле, Витебске. Трамвай в Москве пущен лишь с 1899 года, а история Санкт-Петербургского трамвая ведѣт свое начало с 1907 года, если не считать, работавший только зимой на льду Невы. Московский владелец конки пытался сопротивляться расширению трамвайных путей вплоть до 1912 года. Наряду с электрическим трамваем, в отдельных случаях применялись пневматические, бензомоторные и дизельные.

Глеб вытер пот со лба клетчатым носовым платком.

– Если он и сбивает следствие с толку, то весьма своеобразно...

Дальнейший осмотр тела показал, что в ранки на лоне девицы было накапано чем-то прозрачно-коричневым, словно расплавленным янтарём. Разобрались, что это была камедь с фруктового дерева, видимо расплавленная тут же с помощью свечи и закопчённой ею ложки, лежащей рядом. Создавалось впечатление, что преступник хотел убедиться в силе усыпляющего средства столь необычным путём. Глеб взял косточку и нанёс ей порез на оставшемся ещё чистым небольшом участке кожи лица трупа. След вполне совпадал с прочими порезами, так что вряд ли можно было счесть косточку лишь случайно оказавшейся на полу. Впрочем, ни розги, ни плетё нигде и не обнаружили. На тумбочке в углу был найден клочок бумаги со знакомой уже техникой рисунка. На сей раз был изображён не то заяц, не то кролик, который лежал, возможно мёртвым, а из его тела произрастало деревце, возможно плодовое, а пока что – цветущее. Снизу имелась надпись: «В водоёме плавает ароматный слон... В персиковый источник если вдруг попадёшь – не вернёшься сразу... Тщеславие меня давно не гложет. Мечтаю только о родных лесах. Джагернаут». «Ну это уж слишком! Это наглый вызов всем имперским блюстителем закона!» Эпифан набросал карандашом кроки²³, на том их работа завер-

шила. Дама полусвета, распротёртая на липком от крови полу, преследовала Глеба всю ночь. «Что-то нервы сдают, не годится никуда такое, словно барышня кисейная стал» – гнал он от себя все эти ночные видения уже поутру.

На следующий день, Глеб уже стал с недовольством ловить себя на том, что он подозрительно присматривается к каждому встречному светлому неприметному средней комплекции прохожему. «Какие глупости в огромном-то городе! Негоже, тем паче с моим огромным ростом. Невинные люди могут обидеться...». Глеба не оставляла мысль о том, что прежде, чем так жестоко пытаться человека остриём косточки, следовало обездвигнуть его. Лаборатория пока что не успела установить, каким путём это было сделано. Глеб заглянул по пути в аптекарский магазин, чтобы ознакомиться с местным выбором усыпляющих средств. На вопрос же, невзначай, не приобретал ли кто-нибудь на днях подобные медикаменты, последовал очень невразумительный ответ, что вроде бы, какой-то человек спрашивал, но ничего не купил. Описать же его продавец не смог. Так, мол, какой-то блондин, кажется... Глеб зашёл позавтракать в кофейную Семадени на Крещатике, где на трёхпалых мраморных столиках подавали мороженное. Уже с утра там сновали говорливые биржевые дельцы, совместно обсуждавшие важные для них темы. Глеб приобрёл свежую газету и с иронией пробежал заметки репортёров о «кровавых событиях минувших дней». Вскоре

Глеб ощутил на себе пристальный взгляд. Сбоку сидел человек лет тридцати трёх в новенькой «здрассте-прощайте» из клетчатого твилла на яйцевидной голове и тростью под лондонского денди. На его столике лежала тарелочка с едва надкусанной балабухой – знаменитой киевской пастилой и ополовиненной сайкой. Он усердно стряхивал пепел своей толстенной сигары в вазон с диковиной заморской туберозой. Человек этот не отвёл своего взгляда.

– Вам что-либо от меня угодно? – попробовал улыбнуться Глеб.

– Пожалуй, что так, – неприятно осклабился хлыщеватый молодой человек, стукнув тросточкой о край стола.

– И, что Вам от меня угодно?

– Вы мне напомнили меланхолически настроенного сыщика, сударь. Вот и задал я себе вопрос, а так ли это на самом деле? Наконец, после встречи Вашего взгляда, осмеливаюсь задать Вам прямой вопрос.

Этот тип всё больше начинал раздражать Глеба. Особенно его манера время от времени облизывать уголки рта длинным острым розовым языком. Охотин даже растерялся и не знал что ответить на подобную навязчивость, граничащую с дерзостью.

– Предпочитаю не отвечать на Ваш вопрос, любезный господин, – нашёлся он после паузы.

– Ваше право, сударь, но нахожу Ваш ответ не слишком любезным и достойным для человека общества, – с вызыва-

ющей интонацией продолжил он, так, что близ сидящие посетители начали прислушиваться.

– Считайте как Вам угодно, сударь, – попытался отрезать Глеб.

– А Вы знаете, сударь, что трость моя сделана из черемухи, а древесина у неё тяжёлая, в свежем виде даже потяжелее дуба будет? К тому же она обита снизу металлом, а рукоять её выполнена из моржовой кости...

– И что Вы этим хотите сказать? – уже багровея продолжал Глеб, пытаясь держать себя в руках.

– Лишь то, любезный, что Ваша комплекция не должна позволять Вам грубо разговаривать с людьми более изящных пропорций. На лишний вес тоже найдётся управа.

– Ну уж это слишком, любезный, – бросило в краску Охотина, – мне думается у Вас не всё в порядке с нервами и я Вас не оскорблял, но Вы...

– Вот мой визитный билет и, если Вам угодно назначить место и час, отправьте по этому адресу письмом. Пока что, мне пора, да и любоваться на Вашу побагровевшую от страха, или смущения в содеянном физиономию не имею ни малейшего желания, – наглец полез в карман за добротной украшенной кожаной коробочкой и извлёк бронзового оттенка крупную, заведомо мужского размера, плотную бумажку.

– К Вашим услугам в любой момент, но через день я уезжаю, поспешите сударь. Выбор оружия за Вами! – бросил Глеб уже ему вслед.

Вместо того, чтобы обдумывать дело, Глеб вынужден был погрузиться в размышления послать ли вызов на дуэль, или просто облить презрением хлыща, что выглядело бы более современным. Но офицерская кровь Охотиных не давала ему выбрать второй вариант. На карточке, украшенной виньетками по краям, красовалось: «Павлин Павлович Ветлугин». «Гм, ну и что, что Ветлугин? Пшют²⁴ он!» Пара соседних банкиров с почтением поглядывали на него время от времени, когда он достал писчие принадлежности и тут же что-то набросал на чистом листе бумаги, запечатал в конверт и переписал с визитной карточки адрес наглеца. Через несколько минут работник почтового ведомства со скрещёнными медными рожками и молниями на петлицах мундира уже принимал срочное письмо Охотина. «Ну почему мы, Охотины, кровь крестьянско-купеческая, должны непременно подражать крови голубой? Чем мы хуже аристократов? Но подражаем же, обезьянничаем? Петька вот, врезал бы невроту этому в рыло и был бы прав. Заслужил он того. Мне же надо было поддаться на дурацкий вызов и теперь глупо рисковать жизнью, которая может ещё пригодится царю и Отечеству». Много лет спустя, в пекле Гражданской войны, Глеб с братом Аркадием пришли вместе к ответу на этот вопрос: «Должен быть идеал и идеал красивый, приглядный со всех сторон. Мордобитие дело менее приглядное, чем аристократическая дуэль. Тоже плохо, но чище. А чтобы разобраться

во мраке событий и перипетий этой войны, надо было сохранить в себе такой идеал, иначе погибнешь, уподобишься предателю». К такому они пришли заключению. Вспомнилось ещё, как в отрочестве старшие братья Охотины в одно время читали запоем «Войну и мир», отнимая тома друг у друга. Позже Борис начал по-своему трактовать любимого им Безухова, который понял бы войну за свободу, но не просто же так. То есть, как масон, уже не мог принять войны за державу, и эта мысль всё более импонировала Боре. Глебу же не нравилось в романе о холоде, исходящем от Николая I. Для монархиста от самодержца может исходить лишь святость и тепло. Чувства раннего Николеньки были ему понятнее. Боря некоторое время играл в толстовство, но Сергей толстовцем стал. Надолго ли – вопрос другой. А недавно Боря и вовсе стал технократом, склонился к англофилии и ввязался в крамольную компанию. Нет, не простыми сложились отношения между братьями. Иначе было в семье до их появления – просто и понятно. И чище, без мудрствования. Самое интересное, что тот хлыщ так и не откликнулся на вызов Глеба и не позвонил в гостиницу по телефону и не уведомил письменно о своем отношении.

Колено, поцарапанное персиковой косточкой, опухло и побаливало. Невольно приходили мысли: «А не отравлена ли была та косточка?», но походило больше на простую инфекцию от грязи, занесенной пыльной косточкой – «Обидно даже, куда романтичнее бы вышло, если бы полицейский

скончался в мучениях во цвете лет». Охотин прошёл по Фундуклеевской, миновав театр Бергонье, где наткнулся на слепцов-лирников с холщовыми торбами на спине в которых берегли на чёрный день краюху хлеба с солью да лучком. Лира вроде скрипки с рукоятью, вертящей колёсико, трущеся о струны, звучала чрезвычайно заунывно и печальный псалм лирника вторил ей. Глеб просто не мог не подать им милостыню. Вернувшись в гостиницу, Глеб связался по телефону с Епифаном, который ошарашил его очередной новостью: полиция производила с утра облаву на воровскую шайку в Святославском яру, так называемом любителями Понсона дю Террайля «Малоросским Двором Чудес»²⁵. Там в развлечениях и шалашах жил полунищий народ и скрывались вору. В жалких лачугах не нашли ни единого представителя шайки, но донесли случайные досужие разговоры воровок, что у некоей торговки с Бессарабского рынка вчера был украден ящик персиков из Крыма. «Да, конечно, опять персики, но тот мог бы и купить, средства позволяют...» Облава кончилась ничем, а известный босяк-пропойца Яшка по кличке Падучий орал в адрес удаляющихся полицейских смутные бранные слова. Через сутки Охотин Второй отбыл из Южной столицы. От того наглого типа с тростью так и не было никаких вестей.

3. Во Град Петра за советом

«Новости не для того, чтобы швыряться ими, как навозом, но для того, чтобы пользоваться ими бережливо, как бхангом (индийской коноплей)»

Р. Киплинг

Когда Глеб вернулся в Первопрестольную, оказалось, что шеф ведёт переговоры с петербургским индологом и крупным знатоком всевозможной восточной символики, а также сведущим и в синологии, господином Иркентьевым. Через день почтенный учёный согласился встретиться с человеком, который прибудет из Москвы.

– Кому, как не тебе ехать, Глеб? – лукаво спросил Лебедев, прищурив левый глаз.

– Да мне и самому очень любопытно... И садиста хочется как можно скорее обнаружить.

Николаевская железная дорога действовала на редкость быстро и справно. Менее, чем через сутки, мокрый от унылого столичного дождя, Глеб Охотин уже протягивал кухарке у порога скромной квартиры своё удостоверение.

– Вас тут спрашивают, Викентий Валерьянович, – крикнула девушка низким певучим голосом, а из-за двери послышался скрипучий пожилой голос:

– Просите, просите, – и навстречу вышел высокий худой, чуть сгорбленный седой как лунь человек в толстых очках с оловянной оправой на значительном носу, – прошу, молодой

человек.

У ног его неожиданно возникла дряхлая итальянская левретка и тихим голосом обляяла гостя для видимости порядка. Хозяин протянул сухую слабую руку в коричневых пятнах и провёл Глеба в свой кабинет, с книжными шкафами от пола до потолка по всему периметру комнаты. В центре комнаты стоял массивный письменный стол тоже заваленный раскрытыми книгами, картами и бумагами. А ещё на столе стояли бронзовые индусские божки и слоники. Стенные часы в коридоре пробили час дня.

– Глашенька, принесите нам чайку, пожалуйста, – громко сказал он в сторону кухни, – а Вы не стесняйтесь, присаживайтесь, тут два стула имеются, – с этими словами владелец ценнейшего книжного собрания отодвинул тяжёлую тёмную штору, с тем, чтобы впустить в тишь кабинета больше света. На подоконнике показался небольшой фикус. Пучеглазая левретка со старчески надутым животом и дряблыми сосцами, свисающими из-под попоны для утепления, вяло простучала длинными когтями по полу.

– Тоже ведь – баньян – индийское растение, – прокомментировал хозяин кабинета, поглаживая восковатость листьев фикуса.

– Простите, сколько лет Вы собирали всё это богатство? – не удержался от вопроса Глеб.

– Всю свою долгую жизнь, молодой человек, всю жизнь, – Викентий Валерьянович Иркентьев с трудом оторвал от сто-

ла увесистого многорукого пузатого человечка с головой слона, – Вы помните кто это?

– Знаю, что есть бог такой у индусов, но имя призабыл.

– Ганеша – покровитель торговых людей, литераторов и прочих... слонов. Сын самого Шивы и его супруги Парвати. Я тоже немного пишу, вот и держу его под рукой.

Девушка Глафира внесла крепкий чёрный чай с корзинкой пряников.

– Угощайтесь, молодой человек, не тульские, но мятные и ароматные, – хитровато вглядываясь, щуря под толстыми стёклами небольшие, глубоко запавшие поблекшие зелёные глаза.

– Благодарю покорно.

– Вот и хорошо. Как я понимаю, Вы приехали со своим непростым вопросом. Я бы хотел ещё раз увидеть все эти записки своими глазами, а не только слышать всё это через трескучий телефонный провод.

Глеб протянул ему всю коллекцию проклятых писем в соответствующей их последовательности. Корифей долго рассматривал их, перебирая и почёсывая академическую бородку. Наконец, он начал излагать свой взгляд на маразматические сочинения и искусства:

– *Символика существующих, а ещё и исчезнувших религий, сударь, это целая отдельная наука. Например, в Египте деревом Вселенной считался платан. В Древнем Египте священными считались сикамор, можжевельник, тамариск и*

нильская акация – деревья Осириса. Античный сикамор связывали с богиней неба Нут. Древние иудеи почитали деревом жизни финиковую пальму. Сал священен для индусов и буддистов, как и многое другое. Будда, как известно, был рождён под деревом ашока, достиг просветления сидючи под деревом бодха, или пипалом. Проповедовал он и в мангровах и под баньяном, то бишь – видом фикуса, а умер под деревом сал. В китайской же мифологии, Вселенную поддерживает гигантское персиковое дерево, плоды которого едят боги. Один из этих рисунков явно на то намекает. В Риме кипарис священен и рубить его было строжайше запрещено. Для древних германцев роца любых деревьев была священна изначально. А боги скальдов собирались каждый Божий день под ясенем – скандинавским деревом жизни. Белое цветение слив в японской буддистско-синтоистской поэзии отражено в ряде стихов, их вероятно и привёл убийца. Цветы эти символизируют духовную красоту, а розовый цвет вишен – красоту физическую. У индусов и буддистов почитается лотос – символ чистоты и воскрешения. Из лотоса родилось солнце. Подпись же, Джагернаут вполне соответствует юго-восточному содержанию писем. Джагернаут – одна из форм бога Вишну – перевоплощение Кришны. Впрочем, поклонники Шивы признают его за своего. Его называют и Нарасинхой – человеко-львом. Имя это означает в переводе «Владыка Мира». Подпись Джахангир здесь несколько странна, поскольку имя это мусульманское, казалось бы.

Но, вероятно автор переводит на персидский сам себя. Значение этого имени полностью совпадает с тем же Владыкой Мира...

– То есть, соответствует по смыслу имени Владимир, – по своему завершил мысль маститого учёного Глеб.

– *Оборванные строки китайцев и японцев, как и пустоты на свитках их художеств объясняют многое. А мудрость согласно танским китайцам есть болезнь, – задумчиво продолжил профессор Иркентьев, – ну а что касается отрывка: «В водоёме плавает ароматный слон... В персиковый источник если вдруг попадёшь – не вернёшься сразу... Тщеславие меня давно не гложет. Мечтаю только о родных лесах», то это отнюдь не слова Вишну- Джаягернаута, а насколько я помню, поэта Ван Вэя эпохи династии Тан.* Одно могу сказать, сударь, убивец Ваш, судя по всему, большой эрудит. Джаягернаут – светлое доброе божество, а этот негодяй смеет себя так называть! Как и использовать светлый символ свастики. А дереву он придал форму свастики. Чудовищно!

– Поразительно!

– *Кролик – известный символ похоти, возможно – та самая жрица любви, а из неё произрастает, опять же, дерево персика, а плодами его в Китае питаются боги.* Видимо она служит лишь удобрением, показывается презрение убийцы к её ремеслу?

– Великолепно, господин профессор! – искренне восхитился учёным Глеб, – Премного и искренне благодарен,

огромное Вам спасибо!

– И я Вам благодарен, господин Охотин и Вашему начальнику. Ведь быть учителем, перестав быть учеником, невозможно. Кажется, так гласит старая немецкая пословица. Кстати, нынче к вечеру я приглашён к знакомым на ужин. Рад бы был взять Вас с собой, ведь Вы, всё же, гость нашей столицы.

Глебу стало неловко, но Иркентьев быстро уломал его и, через несколько часов, проведённых Охотиным за изучением богатейшей библиотеки в доме, оба они направились по Владимирскому проспекту²⁶ и Литейному, мимо магазинов фирмы «В. И. Черепенников с сыновьями», державшей колониальные товары. Узкий тёмный двор-колодец, которым они, срезав путь, прошли к парадному подъезду третнёвского дома, пропах жареным кофе, кошками и напомнил Охотину мрачные романы Достоевского.

В роскошной квартире госпожи Третнёвой уже собралось несколько человек. Охотин был принят с обескураживающей теплотой и любезностью. Миловидная говорливая хозяйка, по виду – типичная великосветская прожигательница жизни, представила его расположившимся на диване и в креслах господам, каждый из которых что-то из себя представлял и выражал мысль свою витиевато либо слишком мудрё-

---

²⁶ С 1918 по 1944 годы Владимирский проспект назывался проспектом Нахимсона.

но. Растерявшийся Глеб не запомнил толком имён с отчествами всех почтенных господ – подвязавшихся в искусствах и науке. Вскоре прибыли ещё двое с жёнами, или подругами и все устремились к столу. Запомнился Глебу лишь самый первый из представлявшихся ему гостей: смуглый высокий стройный молодой человек с аккуратными усиками, одетый как денди, возможно, возраста брата Петра, со странным взглядом выпуклых тёмно-карих глаз. Протягивая руку и закидывая назад гладкие волосы с безукоризненным пробором, он проговорил членораздельно и весомо: «Николай Николаевич Врангель²⁷, поклонник живописи». Взгляд его был всезнающим и, в то же время, каким-то шальным, несерьёзным. Тут, стрекоча, подбежала хозяйка в жабо с воротником из белого тюля с кружевами валансьен:

– Следовало бы добавить «и знаток живописи». Сравнимый уже с самим Александром Бенуа. Господа, пора к столу!

27

Младший брат Петра Врангеля – лидера Белого движения, слабый здоровьем Николай, не окончил реальное училище, получил домашнее образование и увлёкся искусством, став искусствоведом высокого уровня изучал искусство и языки в Италии и Германии. Бравировал тем, что пристрастился к педерастии. В ту эпоху это уже представлялось в богемных кругах очень даже пикантным и в духе эпохи. Этот противоречивый человек, в то же время, проводил исследование о русской усадьбе, её обитателях – «культурном дворянстве, которое берегло и любило красоту жизни». Именно в «Помещицкой России» за обязательной врангелевской археологической научностью открывается сентиментальное и поэтическое начало, за каталожным перечнем имён и дат возникают образы ушедших эпох и милых мелочей. Принято считать, что под маской столичного циника у Николая скрывалась по-юношески цельная, патриотичная и глубоко религиозная натура.

Ах, кстати, милый Кока, – повернулась к Врангелю, – не соизволит ли сам Александр пожаловать?

– Не думаю. У Бенуа второй день творческий полёт, но кто знает...

– Что же, мы никого больше ждать не можем, прошу всех к столу!

– Барон, Вы бы о новой выставке своей рассказали, – обратился к Врангелю довольно пожилой и не слишком приятной наружности субъект.

– Я не премину, конечно, конечно... – поднял на него «замонокленный» тёмный глаз Кока.

– А что это будет за выставка? – мимолётно поинтересовалась, поглощённая вовсе иным, хозяйка.

– «Русская портретная живопись за сто пятьдесят лет». Такого название, подразумевающее портреты с 1700 по 850-ый. Приходите, уже немало дней, как открыта. Скоро мы будем знамениты не меньше самого Дягилева!

– Говорят, Вы заняты сейчас разбором коллекции Музея Александра Третьего? – щебетала хозяйка.

– Да есть такое. Работа, право же, без конца и без края...

Кто-то за спиной Глеба тихо себе под нос буркнул с оттенком презрения: «Самоучка».

– О, Вы умница, Вы открыли для России Кипренского! – раздался басовитый голос упитанного бородача купеческого вида.

– Не без помощи нашего любимого Сергея, прошу любить

и жаловать, – с этими словами Врангель выдвинул вперёд примерно также щеголевато одетого видного молодого человека с моноклем в глазу и офицерскими, возможно нафабранными, усами, – Сергей Маковский²⁸, поэт и художник! Крупнейший талант! Он на пути открытий в поэзии и живописи!

Человек с моноклем и видом самовлюблённого и самоуверенного красавчика, ничуть не смутившись, покровительственно отстранил Николая, как главный в команде и произнёс:

– Дамы и господа, пусть копошащиеся у нас под ногами злорадствуют сколько им угодно, но мы будем идти своим путём! Мы и символисты и декаденты, но мы и несимволисты и недекаденты, мы выше! И не надо нам в пример непременно ставить господина Дягилева. «Мир искусства» – это прекрасно, но у нас свой путь. И статьи об искусстве моего юного друга Николая Николаевича ценятся уже наряду с дягилевскими.

– Да вот, работаю как молодая тигра, – хищно осклабился Николай, бесцеремонно разглядывая юную очаровательную зеленооковую особу восторженно-экзальтированного вида, ка-

---

²⁸

Сергей Константинович Маковский (1877-1962) – поэт-символист, художественный критик, автор монографии об искусстве, редактор, организатор выставок и издатель. Сын Константина Егоровича – художника-историка, автора женских портретов и красавицы-Летковой. Племянник знаменитого художника Владимира Маковского. Позже Сергей – масон союза Великой Ложи Франции. Эмигрировал во Францию.

жется представившуюся Глебу, как поэтесса. Она не заметила насмешки и продолжала водить с одного гостя на другого огромными неповторимыми очами.

– Незаконная дочь самих Юсуповых, хороша-а-а, – хрипло шепнул кто-то на ухо Глебу.

Глеб перестал понимать, зачем собрались здесь все эти столь разные люди, чего они хотят и что руководит их побуждением ко всем этим сумбурным разговорам и показухе?

– Господа, к столу!

– Будьте покойны, господа, здесь вам подадут перед сладким сухое шампанское, после сыра – сладкое десертное, а затем – кофе и ликёры, как и подобает, – заглатывает слюну похожий на купца человек, желающий быть донельзя светским, хотя бы нынче, – в этом доме вам не подадут шампанское с хлебным квасом. Ольга Сергевна не их тех...

– Да полноте, а что же в этом плохого? – тут взыграл дух противоречия в Николае, – ведь сам Государь Император шампанским с квасом²⁹ не брезгует, значит в этом что-то есть? Не с огурцовым же квасом-с, не пронесёт-с..., – и Врангель защёлся неприятным по-дикарски бесцеремонным смехом.

– Ах, Кока, Вы неисправимы! Мода эта пришла из дремучей купеческой Белокаменной, что Вы в самом деле? Да и образец ли для подражания сам Он ? – удивляется Ольга

---

²⁹ При дворе квас с шампанским ввёл в употребление Александр III, любивший всё русское.

Сергеевна, поведя всё ещё неотразимыми тёмно-синими глазами. Светло-русые волосы, подобранные по последней моде под маленькой шляпкой, делают её лицо и немного пышную фигуру особенно соблазнительными.

– Вы сводите меня сегодня с ума, Ольга Сергеевна, я начинаю забывать сколько мне лет! – хитро прищуривается под толщиной стёкол Викентий Валерьянович.

– Не думаю, что много больше, чем мне, дорогой мой, – кокетливо отвечает хозяйка, которой исполнился тридцать один год, то есть годившаяся ему в дочери.

Глеб лишь логически догадался об условиях всей этой игры: высший свет старой закалки, признающий всё французское в первую очередь, считает моду на квас с шампанским не ком-иль-фо, но либерально настроенные должны признать возможность подобной смеси. Здесь же собравшиеся и принадлежали к таковым, а тот факт, что сам царь, любящий всё русское, одобрил таковую смесь, уже претил Свету, в котором стало модным смотреть на саму Императорскую фамилию пренебрежительно, как на нечто безнадёжно устаревшее, уходящее в прошлое. Глеб скромно положил себе на тарелку ломтик папель муса³⁰ и, отрезанный прочими гостями от Викентия, продолжал молчать. По обе стороны от Охотина оказались поблёскивающий моноклем Маковский и та самая молодая зеленоглазая загадочная девица с чёрной бархоткой и пером.

---

30 Папель-мусом называли грейпфрут.

– Господин Охотин, – прогремел через стол, смахивающий на купца, крупный бородач лет тридцати пяти, – что-то Вы забываете ухаживать за дамой по левую руку, вам так не кажется, господа? Передаю Вам бутылку Абрау Дюрсо для этой цели.

– Благодарю, – сухо ответил Глеб и наполнил бокалы соседке и себе.

– А вы знаете, господа, что открыл великий Кроули, член герметического ордена Золотая Заря? – вдруг начала юная очаровательно-утончённая зеленоглазая особа с павлиньим пером в небрежно уложенных рыжих волосах, не обращаясь ни к кому напрямую.

– Так, поведайте нам, сирым-с, – с усмешкой бросил Маковский.

– Алистер Кроули – не только чрезвычайно разносторонний философ-окультурист, но и поэт и астролог и великий гроссмейстер и даже альпинист! Сейчас он идёт на огромную вершину, где-то в Британской Индии! Он должен покорить её, и непременно! Именно сейчас, господа! Он постиг тайны буддизма и йогов! Лишь он принёс человечеству откровение свыше! – с уже истерично-восторженной ноткой продолжила девица.

– Что и астролог, так уж не сомневаюсь... – прозвучал знакомый уже Глебу ехидно-елейный голос, – ничего, и у нас в Петербурге, не далее как полгода назад, среди зимы суровой, возник свой Клуб альпинистов при Императорском Русском

Географическом Обществе-с. Растём-с.

– Вот Вы, господин Маковский, всё насмехаетесь, а ведь любой сын Британии достойнее наших, не говоря о великих Её сынах, – вставил толстяк в летах.

«Никогда такой человек, как этот тип Кроули не будет способен покорить очень трудную вершину, высоту, которую ещё никто не смог достичь. Вершина не позволит такому³¹. Убеждён в этом! Не блещет умом бабёнка. «*Stercus cuique suum bene olet*» – «своё дерьмо не пахнет», как сказал Эразм Роттердамский. Да уж, заглядывайся потом на этих столичных красоток», – мелькнуло в голове Глеба, – «но брату Мите ой, как бы захотелось на ту вершину!»

– Ну, уж тут Вы хватили лишнего! И мы не лыком шиты, – отозвался Кока.

– Именно, что лыком, – буркнул кто-то со стороны рояля.

---

³¹

Родители Кроули принадлежали к секте Плимутских Братьев. После смерти отца, все попытки матери укрепить Кроули в христианской вере лишь усиливали его скептицизм. Однажды она в сердцах назвала сына «Зверем 666» и это выражение Кроули, впоследствии став окултистом, с удовольствием использовал в собственный адрес. Алистер Кроули прошёл несколько сложных ледовых маршрутов под руководством швейцарского альпиниста Эккенштейна в Альпах и Мексике, желая доказать свою исключительность. Попытка восхождения на великую вершину пик Гудвина Аустена (Чогори, К-2), ставшая первой в истории, была совершена в 1902 году, однако закончилась неудачно. Тогда человечество ещё не было технически подготовленным для этого. Её покорили итальянцы и лишь в 1954 году. Кроули участвует и в скверно организованной экспедиции 1905 года на Третью вершину мира – Канченджангу. Кроули принимал наркотики от страха и всё закончилось лишь несколькими жертвами, ссорами и полным отсутствием удачи.

– Да, Вы почитайте заметки господина Кроули! Этот человек не чета нам, здесь собравшимся, он бросил дипломатическую карьеру ради Великого! – вновь повышая голос начала та же особа.

– За что бы я стал уважать его, так это за якобы его попытки раскрепоститься в собственной интимной жизни, – вставил неожиданно Врангель, – А что? Так называемый «грех» этот был в порядке вещей в античном мире, так Ганимед наверняка не был для богов Олимпа просто виночерпием, но Зевсу и этого было мало и, он женился на собственной сестре Гере. А это уже и в самом деле «грех», если таковой вообще существует в природе.

– Так, что же он всё-таки открыл, как Вы изволили заметить, очаровательное юное создание? – вставил своё слово посмеивающийся Иркентьев.

– Он приоткрыл впервые завесу над будущим человечества, так и знайте, сударь! – уже и вовсе на высоких срывающихся нотках с блуждающими глазами проговорила рыжая.

– Так, поведайте же и нам...

– Вы все осмеяли Великое, ухожу в сторону, продолжим беседу, – разбитым голосом, встряхивая пышные крупные рыжие локоны, – читайте последние эссе этого великого человека, господа.

«Ох, хороша, если б не была столь глупа» – пронеслось в мыслях Глеба, но он, всё же, не удержался от вопроса, замороженный её чудными глазами:

– А не могли бы Вы сказать, что за вершину собирается покорить Ваш Кроули?

– К сожалению не помню, сударь, – холодно-важно прозвучал ответ, – этот пик оспаривает высоту с пиком Эверест. И кто знает двадцать девять ли тысяч футов в нём?

– Вы знаете, дамы и господа, что и у нас в России в самом деле растёт и ширится альпинистское движение, – неуверенно и тихо промолвил Глеб, – Господин фон Мекк³² уже провёл первые собрания Русского Горного Общества. Да, да, так и называется оно – РГО.

– Не вижу различий с Географическим Обществом в подобном сокращении, – буркнул человек в черепаховом пенсне.

– Так, то – «императорское» – ИРГО, – кашлянул в кулак Глеб.

– Что же, весьма поучительное замечание, – усмехнулось пенсне.

Спустя некоторое время Охотин уже обнаружил зелено-окую газель в кресле, на краю которого бесцеремонно прилежались Врангель. Кока, не понижая тона, вещал нечто вроде того, что «стыдливость есть ничтожное ханжество, что будущее за нами» и прочее в том же духе. Лишь обрывки фраз доносились до Глеба. «Либи́до неуклонно доминирует над

---

³² Потомку богатой остзейской семьи Александру фон Мекку, увлечённому альпинизмом, идея создать свою горную организацию пришла ещё в 1897 году. В 1900 году делегация от России приняла участие в Мировом конгрессе альпинистов в Париже, а в 1902 году открывается РГО.

разумом, что есть закон природы, а торможение его есть сон разума, сударыня. А сон разума рождает что? А вспомните работы самого Гойи, сударыня. «Стыд – это страх честности перед позором». Сам Эразм Роттердамский сказал. Стыда как такового, в чистом виде не существует, он лишний. Он навязан нам вековым церковным гнѐтом. Так, мы с Вами, например, хотим друг друга и сейчас же, так отойдем же лишь немного в сторону, чтобы не мешать разговорам окружающих – только и всего. Всё должно быть естественно и просто». Вдруг, девица вскакивает с кресла, швыряет в сторону гребень, закреплявший её волосы и трясёт всюю огненно-роскошною копной. Набирая сочность звука, с каждым словом начинает декламировать стихи, вероятно собственного сочинения, о том, что она уже чувствует дыхание смерти неподалѐку от груди и ей уж всё равно и так далее. Охотин развернулся и прошѐл в дальний угол гостиной, где Иркентьев беседовал с профессором философии о будущем религии. Но и тут перспективы, обрисованные ими не порадовали Глеба. «Рушится всё и вся вера былая будет погребена под обломками государственности. Они обречены...» Становилось совсем уж безотраднo и тошно, и Охотин метался из угла в угол. Несколько минут спустя, он уже обнаружил безукоризненный пробор с аккуратными усиками Врангеля Младшего в другом конце гостиной. Как ни в чём не бывало, он беседовал с обоими профессорами:

– А почему вы считаете, господа, Елизавету Петровну

столь примитивной и отсталой? Никак не могу согласиться, при всём моём почтении: она же – «подлинное Евангелие в окладе рококо». Никто так не умел сочетать царственную пышность с простонародным пряником, как Весёлая царица. А в помпезное время Екатерины мы уже стали иностранцами, утратили сами себя, господа.

– Ох, и ладно Вы излагаете мысль, молодой человек – не придерёшься, – засмеялся Иркутъев.

Разговоры на исторические темы затянулись, и кто-то неожиданно спросил Глеба, а не имеет ли он отношения к генералу Охотину – герою Туркестана и последней Турецкой? Глеб ответил положительно и тут же услышал возникшую в задних рядах иронию:

– Господа, а кто из здесь присутствующих искренне считает генерала Охотина героем?

Кажется, это был голос Маковского. Свет приглушили, расставили свечи и в гостиной царил полумрак.

– В самом деле, – заговорил профессор философии, – этот типичный солдат, он в нашем представлении герой-патриот, или же царский сатрап? Что сделал он для державы больше: пролил крови солдат её во имя славы будущей России, или в угоду царскому капризу и своей карьере?

Кровь бросилась в голову Глеба и он уже перестал ощущать былое стеснение:

– Мой отец не гнался за погонами, как и дед, а прадед получил их посмертно, будучи крепостным рекрутом в 1812, –

резко, чеканя каждое слово, произнёс он.

– Да, Вы не кипятитесь так, молодой человек, я ведь лишь поставил вопрос, открыл дискуссию и не берусь ничего утверждать, не зная деталей...

– Почему же тогда, не зная их, Вы начинаете демонстративно очернять человека?

– Что говорить, – вздохнула в стороне от Глеба хозяйка, обращаясь к кому-то другому, – у нас даже генерал, желающий оставаться честным, не может им быть. Клеветы...

– Прекрасный пример, Ольга Сергевна, – начал Николай, – слово «клевет»: *употребляется в русском очень давно, заимствовано из латыни. Каких-то полвека назад оно означало нечто гораздо более положительное: Союзник, единомышленник. В наш извращенный век же, оно превратилось в «приспешника, приверженца, не брезгающего средствами, чтобы угодить хозяину».* Чем это можно объяснить, господа, подобные лингвистические метаморфозы? Не стали ли мы сами грязнее?

– В этом государстве всё стало грязнее, господа, – вздохнула Ольга.

– Да куда уж дальше и идти-то некуда: декольте возникли на Западе в шестнадцатом веке, а в отсталой России лишь к восемнадцатому, – расхохотался Врангель, позволивший себе вытянуться на цыпочках и демонстративно заглянуть в декольте Ольги Сергеевны.

– Вы всегда невыносимы, Кока, но сегодня особенно, – по-

следовал жеманный хохот Ольги, бывшей лет на восемь-девять старше Врангеля.

– Господа, выпьем же за нашу добродетельную хозяйшку! – парировал Николай.

– Я бы добавил, – вставил совершенно невозмутимым тоном Маковский, – Уж очень добродетельную.

– Каковы ёрники! – рассмеялась Ольга.

– Господа, изменим тему, например, зададим вопрос иначе: кто в этом зале считает Николая Александровича находящимся на своём месте? – вдруг раздался ровный голос тихого человека с обрюзгшим лицом лет тридцати пяти в очках, до сих пор молчавшего.

По комнате прошёл приглушённый гул голосов. Собравшиеся понимали, что здесь, в салоне Ольги Сергеевны, хорошим тоном считается колкие высказывания в адрес Императорской семьи, но не столь же резко и ребром.

– Да вы не бойтесь, господа, в этих стенах нет Иуды...

– Как же это, собралось столько русских и не найдётся ни единого провокатора? Да быть такого не может! – захохотал Врангель.

– А Вы где служите, господин Охотин, позвольте поинтересоваться? – продолжил профессор философии, закидывая назад длинные редкие волосы.

– В Московском сыске, если Вам будет угодно, – сухо ответил Глеб.

– Поразительно! – с гротескным удивлением воскликнул

толстяк в черепаховом пенсне.

– Если Вам так угодно, – холодно бросил Глеб.

– Нет, я право восхищён! – благоутробно пророкотал с клокочущим смехом толстяк.

После этих слов, что-то изменилось в зале, и никто уже не захотел развивать тему о «заслугах» императора. Откуда-то донеслось до ушей Глеба: «И кто его сюда привёл? Нельзя же так!» Охотину невыносимо захотелось уйти и он направился было демонстративно попрощаться с хозяйкой, но тут всё общество стихийно пришло в движение, начиная расходиться, и это уже выглядело бы нелепым.

– Я просто решил Вам показать, чем поглощены умы столы, чтобы Ваше чувство собственной значимости оставалось на высоте, господин Охотин, – бросил на прощание Иркентьев, – Для кого я только пишу свои труды? Эта, понюхивающая кокаин, публика по большому счёту не интересуется ничем. Кстати, Кока, самый из всех баламут, как ни странно, делает своё дело и очень успешно, не имея специального образования. Он стал воистину сильнейшим искусствоведам уже в свои двадцать два. Какие статьи он пишет! Дягилева³³ уже переплюнул, а скоро может и Бенуа! Да только не знаешь, что и ждать от него дальше. Но прочие... В этом госу-

Сергей Павлович Дягилев (1872-1929) – сын кавалергарда, русский театральный и художественный деятель, антрепренер, один из основоположников группы «Мир Искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и знаменитой группы «Русский балет Дягилева». Печально известен тем, что был втянут в гомосексуальные проделки своих богемных дружков.

дарстве скоро никто не окажется способным читать статьи Коки, либо мои. Людей таких не останется, – и с горечью после паузы, – или же я во славу одной лишь криминалистики всю жизнь тружусь? Да только непросто выдать ей мои нынешние заключения, не перелопатив толстые тома. Прощайте, Охотин, да не посетит Вас чувство никчёмности трудов Ваших в Вашей жизни. Аминь!

Глеб в совершенно сокрушённом настроении брёл к своей гостинице под не прекращавшейся непогодой, покрывшей Петра Творенье непроницаемой кисеей дождя. «Второй день льёт – не унимается, хлябь небесная...» Голова Охотина старалась работать в одном направлении: «Что мы имеем на сей день: вероятно, что его зовут Владимир, что блондин он средних лет и роста и комплекции с неприметным лицом. Он обладает незаурядными познаниями в Восточной мифологии, а также, разбирается в живописи: из всех картин, он «прихватил» самую ценную. Но, может быть, просто размер прельстил – незаметнее? Он имеет очевидную склонность к садизму, бравате, изощрениям. Возможно и к маниакальности. Психически он не устойчив и рано или поздно всплывёт на поверхность. Он не из тех, кто сможет уняться, уйти на дно. Только это и обнадеживает. Но какой ценой? Он уже порешил, как минимум, пятерых, а шестой чудом выжил... Слишком мало данных, чтобы поймать сейчас, слишком распространённое имя, да и внешность... Ещё есть сла-

бая надежда на то, что отследим процесс обмена процентных бумаг, сумма солидная, или продажу картины, если взята она не для своей коллекции. Либо какая-то неожиданная случайность даст зацепку. В Свято-Даниловом должны же на кого-то выйти, кто может викарию питьё подал? А может архимандрит чего вспомнит, в доме судьи ещё чего найдут, или через знакомых выйдут? Иначе, увы – до следующего злодеяния». В последней телеграмме от Стефанова, поджидавшей его в «Астории», говорилось, чтобы он выудил всё возможное из корифея восточных культур, а также, что в Киеве и Москве производится отслеживание от специалистов в области ботаники до рядовых травников. «Ну и работёнка! Травников море на Руси. Любителей ботаники развелось! Так у нас времени и сил на мелкие кражи не останется». Мысль об убийце быстро терялась и возобладала более горькая о неправильности столичного общества, о том, что все эти людишки, возомнившие себя великими поэтами, литераторами, художниками и учёными, к тому же разбирающимися непременно в политике, не стоят и ломаного гроша, что его предки – честные солдаты много достойнее этих умников.

Утром у Глеба оставалось время погулять по столице, и он не преминул этим воспользоваться, тем паче, что погода на Неве выдалась в тот день на удивление сухая. Близ памятника Александру III на Знаменской стоял шарманщик, покручивая свой заветный ящичек на кожаной перевязи, пе-

рекинутой через плечо, украшенный бубенцами, и извлекал из него заунывно-гнусавые звуки, подпевая, время от времени, с явным немецким акцентом. Шарманщики-итальянцы зародили тут сам промысел, привезя однажды сей инструмент со своей Отчизны в Северную Пальмиру. Если шарманщики-итальянцы вкладывали умение и душу в пение, то немцы брали своё жалобностью, а их последователи-русские предпочитали привлекать публику, обезьянкой ли в платянице, попугаем ли. Иные нанимали уличных акробатов. Позже появились уличные барабанщики с полумеханизированным барабанами и тарелками и даже арфистки. Старательный щегол в клетке колченогого старика-шарманщика, вытягивающий свёрнутые билетки с предсказаниями судьбы, разжалобили Охотина. Глеб бросил монетку в шляпу шарманщика и зашагал дальше к набережной. На углу Глеб наткнулся на двух отнюдь не казённокостного³⁴ вида студентов, распиивающих прямо на улице бутыль Абрау Дюрсо, несмотря на утреннюю свежесть воздуха. Оба почтительно подняли бокалы навстречу проходящему Охотину и пригласили его присоединиться:

– У нас сегодня праздник, сударь, уважьте!

– А что за праздник, позвольте вас спросить? Вроде как не Татьянин день³⁵, – рассеянно поинтересовался Глеб.

---

³⁴ Казённокостные – студенты, учащиеся за государственные деньги, за счёт казны.

³⁵ Татьянин день отмечается студентами шумными пирушками с 1775 года,

– А мы и не в Москве. Вот, прознали, что недавно Сипягина³⁶ не стало, вот и решили Абрашкой отметить, – немного смутившись от строгого взгляда Глеба.

– Человека убили, а вы, что же получается? Радуетесь этому? Вас радует, что есть в этой стране преступники, иль что кровь чья-то пролилась?

– Мы уважаем Вас, сударь, как пацифиста, но мы и рады слышать, что становится меньше и меньше палачей! – звонким голосом выдал более бойкий с крошечными усиками. Возможно Вы не знаете, кем был убитый?

– От чего же, читал и про убийство и знал о нём до того.

– Так, Вы, сударь, не поддерживаєте наше мнение, что человек этот кровопийца народный?

– Нет, господа, никак не могу разделить ваше мнение, к вашему и моему сожалению.

– И за отважного Балмашева не выпьете?

– За убийцу пить? Ну это, уж позвольте, просто грех.

Студенты замялись, не зная что ответить и тут, почти молчавший до сих пор, и лишь поддакивающий очкарик, словно взбеленился:

поскольку с ним совпадает основание Московского университета (12 января).

³⁶ 2 апреля 1902 года по старому стилю, по какому указываются даты и в прочих случаях, в Мариинском дворце 20-летним эсером Балмашевым был смертельно ранен министр внутренних дел России егермейстер Дмитрий Сипягин. В 1888 году курляндский, в 1891-93 годы московский губернатор и консерватор, он проводил карательные меры против рабочего, крестьянского и студенческого движений, осуществлял русификаторскую политику на национальных окраинах.

– Лишь эксплуататоры, пьяницы и умалишённые могут считать грехом лишение жизни тирана, губящего массы! – взвизывается в воздух его фальцет и разносится гулким эхом пустой улицы.

– Так стало быть, Вы, молодой человек, причисляете меня к одной из этих групп? Так, к какой именно, позвольте спросить? – усмехнулся Глеб.

– Судя по Вашему виду, сударь, к первой из них! – буквально взвизгнул хлипкий студентик.

– Какой же я эксплуататор, когда я служу в сыскной полиции? Защищаю людей от злоумышленников своим трудом.

– Очень даже просто, тогда Вы типичный представитель пособников эксплуататоров. Мой друг не успел поточнее все группы перечислить. Именно по этому, простите покорно, Вы не пожелали распить шампанское с простыми свободолюбивыми студентами, – без запинки отчеканил бойкий.

Охотин резко разворачивается к ним спиной и продолжает свой путь, но синева Невы уже более не ласкает его взор, настроение подмочено: «Они все будто с ума тут походили. Город умалишённых! Что эти недотёпы, что любая реплика в толпе. Да, прав господин Победоносцев³⁷, что Россию подморозить надо! Куда всё катится? И Борька туда же, вот что наповал убивает. Так и не стала душой державы новая чуж-

---

³⁷ Константин Победоносцев – мудрый политик сторонник консерватизма и противник войн. Советник Александра III, воспитатель Николая II. Обер-прокурор «Великого Синода».

дая ей столица на Неве. Народ не смог её принять». Вдогонку Глебу уже более развязным тоном доносятся голоса: «Да будет Вам небо усыпано алмазами!». Порыв ветра уносит повторный выкрик в сторону. «Вернуться бы, да по роже обоим холёным студентам-белоподкладочникам. Да нет, руки пачкать противно». От тяжких мыслей Глеб, незаметно для себя, забрёл в Летний сад, где уткнулся лбом в замшелый сырой ствол толстой старой липы, а потом поскрёб ногтем молодую кожуцу свежего её побега. Выступила сокрытая влага: «весна!». Хотелось забыться.

4. Будни Московского сыска и в доме Охотиных

«Народ с загаженной и ограбленной исторической памятью будет всегда лишь объектом унижения и ограбления»

А. Тюрин

«Наш русский девиз «за веру, царя и Отечество» не составляет кабинетного измышления, а является результатом всей истории русского племени. И чем труднее приходилось нашему войску или мирному русскому населению, тем яснее и ярче зрела в умах русских людей необходимость жертвы «за веру, царя и Отечество»

Генерал А. Куропаткин

Серая безотрадность мокрой весны потихоньку съедала

каждого жителя за исключением, разве что, упрямых стариков. Даже старые предметы в тесной квартирке громоздились вокруг холодно и отчуждённо, словно каждый из них занят своими делами и иные из которых были и вовсе забыты Сергеем Охотиным. Настроение вновь стало упадническим – не писалось. Вдруг- скрип шагов за тонкой дверью на лестничной клетке и возня, как будто в поисках звонка. За дверью оказался мелкий сутулый человек, переживавший тот возраст, когда Вы ещё не старик, но уже и не человек средних лет:

– Да, да, я к Вам, молодой человек!

– Прошу...

Вошедший с минуту вращал удлинённой лысой головой, слабо прикреплённой длинной тощей шеей к тщедушному тельцу, осматривал прихожую немигающим птичьим взглядом. Круглые белёсые глаза без бровей в кольце морщин, наконец, остановились на неприметном, в хаосе вещей, хозяине квартиры.

– Чем могу быть полезен? – спросил Сергей.

Взгляд незнакомца вновь начал блуждать по стенам квартиры и, вдруг, остановился на зелёной настольной лампе хозяина.

– Вот, я так и знал! – зашёлся он довольно гнусным смешком.

– В чём дело? – растерянно и раздражённо бросил Сергей.

– Не выйдет! Не на таких напали! – взгляд вошедшего вы-

ражал уже неприкрытую ненависть.

– Да в чём дело, что я Вам сделал?– отступив на шаг заговорил Охотин.

Человек погрозил ему узловатым пальцем:

– От того и статическое электричество у Ваших соседей сверху появилось, так я и знал! А я смыслю в электричестве, сударь.

Для Сергея вся ситуация стала немного проясняться: судя по всему, к нему явился сосед, а он помнил разве что соседей на своей лестничной площадке. Но, как может, от того, что его единственный электрический прибор, помимо убогой люстры – настольная лампа стоит на столе «злостное статическое электричество ползти» вплоть до соседей сверху? Спросить бы у нашего физика и математика Пети. Бред! Да псих он, и всё тут, выпроводить его надо поскорее, не терять время. Сосед согнулся и постучал жёлтым ногтем по злополучной лампе:

– Теперь Вы так легко не отделаетесь, молодой человек! – продолжил он со злобным смешком.

Хотелось лишь одного, чтобы сей скверный тип убрался поскорее и Сергей начал:

– То, что Вы изволите утверждать, что статическое электричество распространяется отсюда до Вас есть ничем необоснованное дилетантское заявление...

– Это мы ещё посмотрим, кто из нас тут дилетант! – взъерепенился посетитель.

– Будьте добры, любезный, покиньте мой дом! – рассердился не на шутку хозяин.

– Попробуйте-ка выставить меня! Да я полицию вызову! – бесился с истеричными нотками в голосе незваный гость.

Тем не менее, Сергей, превосходящий его по массе раза в два, легко и просто выставил его и захлопнул дверь. Оттуда некоторое время доносились ещё раздражённые выкрики, но вскоре всё стихло.

«Душевнобольной, бедняга, – с сожалением вздохнул Серёжа, – эх всё не так. Некогда Охотины всенепременно встречались в течение Светлой седмицы и даже христосовались от мала до велика. Ещё не так давно. И этого не стало. Отчуждение внутри семьи нашей нарастает, как и напряжённость во всей Империи. И не только Боря виновен в этом».

В тот день больше так и не писалось, а к вечеру, вместе с прорывом в тучах и неуверенно выглянувшем солнышком, почтальон принёс Серёже приглашение от любимой сестрёнки Евпраксиюшки на её день ангела, что намечается уж скоро, в мае. «Ты одна – последняя радость в моей жизни, а та, вторая – просто кара для меня. Как рад я вновь видеть тебя, Прося, но как боюсь я очередной встречи с женой брата! Настасья, ты несчастье моё! Наказание мне Свыше. Вот, кажется, и рифма пошла. Это будет нечто трагически-возвышенное, но вместе с тем и греховное. Назову «Крыло Чёрного Ангела», пожалуй. Должно потянуть на поэму!». Сергей хватается за гусиное перо, но выходит вновь не то:

«В то утро хмурое я в лепрозории нашёл себя навеки за-
творённым.

В том лепрозории поручено отхожие места мне было очи-
щать...

И спорадически порос я спорыньёю,
Уж целый год с тех пор я в струпьях весь брожу,
В потёмках часто спотыкаясь.
Колтун в власах, куски коросты, перхоть,
Мне тошно от того, что существую я...
Панурговым бы стадом облаков
По небу в пароксизме боли я б промчался
Сакральный смысл тех слов
Стал ясен для меня!
Я сдал себя в виварий на закляние!»

Сергей решительно отбросил перо, до конца дня читал
Монтеня, а затем долго возился со странным непонятным
ему растением, разрыхляя почву. Было похоже на то, что
растение это ощущало себя в чужом тёплом доме преспокой-
но-уверенно и даже нахально.

Надвигалась середина месяца мая с клейкостью тополей и
грозами, а вместе с ней и день ангела всеобщей охотинской
любимицы Евпраксиюшки. Все члены большого семейства
давно получили приглашения и ожидали этого дня, по боль-
шей части с радостью, не говоря о родителях. Исключение
составлял Борис, у которого было слишком много забот и

огорчений, как на службе, так и дома. Пётр, после пасхального загула, исправно посещал университет, а на досуге пытался разгадать вековые математические загадки. Дмитрий и вовсе погрузился в подготовку к экзаменам и сидел за книгами ночи напролёт, а юный кавалерист переживал, что на этот раз ему не удастся выбраться в Белокаменную. Глеб сидел за рабочим столом, перелистывая скучноватую сводку важных преступлений за вчерашний день, переданную ему самим Лебедевым. Ничто не приковывало взгляд – одни пьяные драки ломовых, да мастеровых, до тех пор, пока он не дошёл до строки со словами: «Ограбление отделения Русско-Китайского банка с кражей значительной суммы». Обратившись за деталями по этому делу, Глеб докопался до неожиданной детали: «Ограбление с отсутствием улик, за исключением обронённой, возможно злоумышленником, косточки персика посреди коридора». Почесав затылок и разгладив коротко стриженную каштановую бородку: «Надо будет обсудить с Василием Степановичем. Руки до всего не доходят». Для очистки совести Глеб решил просмотреть и «Полицейскую сводку городских Происшествий», обыкновенно пестревшую лишь новостями о подкидышах, да самоубийцах. На этот раз обратила на себя внимание заметка о младенце мужского пола, с кожей истерзанной колючками, подкинутом в Сандуновские бани. В тот же день Глеб лично осмотрел визжащего от йода и боли в кишках несчастного подкидыша и удостоверился в том, что младенца израни-

ли не колючки, которые цепляются за кожу и рвут её иначе, но намеренно резали чем-то острым. При дальнейшем изучении дела Охотин убедился, что младенец был усыплен травами, а потом порезан. Орудие истязания, как оказалось, было завернуто в его пелёнки. Это была такая же косточка с очень острым концом. Выяснил Глеб и небезынттересную для них деталь ограбления банка. Налётчики действовали чётко очень профессионально. Не было ни единой лишней полочки, или никчёмной крови, кроме одного оглушённого охранника, а второго, внутри помещения, отравленного газом. Ни малейших следов оставлено не было. При этом среди хаоса бумаг на столе, Глеб обнаружил бумагу со знакомым аккуратным почерком с рисунком дерева с подчёркнуто-утрированными огромными плодами персика, в кроне которого была наклеена маленькая фотография невзрачного человека средних лет с самодовольным выражением. Глеб отметил сам про себя, что попроси его кто описать это лицо через полчаса, он бы и двух слов не выдал.

Через несколько дней состоялся очередной семейный сбор в доме старика Охотина по случаю дня ангела младшей его дочери. И всё проистекало, казалось бы тихо мирно и радостно, на этот раз. А главное, что обнадёжило Сергея, не пришла Настасья. «Можно было сохранить присутствие духа и собственного достоинства, а не опасаться прорыва чувств с неизбежным оскорблением брата. Но ночь, ко-

нечно же, предстояла бессонная даже и не встретив Её, ночь в источающем душу зове к Ней лишь от одной мысли о Ней. Ужаснее всего, что и описать эти чувства поэтически никак не удавалось ни в ходе такой ночи, ни после». Сергей боялся подобных ночей с зовом, исходящем из глубин подсознания. Не на шутку опасался сойти с ума, и стремился избегать даже мыслей о Настасье, не то что встречи. «От Лукавого все эти мысли и чувства, от Нечистого!» Неприход Настасьи, объяснённый мужем её недомоганием, был многими воспринят не иначе, как капризом гордячки и её нежеланием уважить ту, у которой мать всего лишь купеческая дочь. Но и это не омрачило ход застолья с многочисленными яствами, коим все отдавали должное. Общение членов семьи в тот тёплый весенний вечер в садике у генеральского особняка за столом под отцветающими яблонями, казалось бы, не предвещало бури. С ними рядом сидели Прохор Парфёнович и даже Гликерия Карповна, под присмотром которых вырастали дети и воспринимавшиеся детьми не иначе, как членами семьи. Закусив очередной стаканчик сливовой наливки маринованным груздем, Глеб коротко рассказал о своих малоприятных столичных впечатлениях, остановившись подробнее на двух студентах, распивающих шампанское поутру посреди города.

– Что делается с державою нашей, – мрачно констатировал, почёсывая бородищу, Гордей Евграфович.

– Дошла-а-а, – как всегда вторил командиру своему не со-

всем уже трезвый Прохор блеющим голосом.

– Да что же это на свете делается!– развела некогда пышными руками Капитолина Климентьевна.

– Ох, горе нам будет, – после всеобщей паузы прошамкала невнятно Гликерия, перекрестившись.

– Полноте, господа, Россия и не через такое проходила, – попытался подкинуть за стол оптимизма Сергей.

– А я б по рылу им обоим, студентам тем, – тихо добавил Пётр.

– Ты б за языком своим следил в обществе, – одёрнула его Варвара, которую меньше всего взволновал рассказ о студентах.

– Не в Обществе же, Настасья-то не пришла, – парировал Петя, – Остынь немного, сестричка.

– Молоды ещё, одумаются, – вставила своё виновница торжества.

– А что вы хотите, господа, – вальяжно откинувшись на стуле, не спеша, взял своё веское слово Борис, – общество расколото на полярные группировки и мирно им уже не жить. И за год до того министр просвещения России, Боголепов, был смертельно ранен террористом-тоже студентом. И уже тогда многие рьяно оправдывали убийца. Почему лучшая часть общества защищает даже убийцу, казалось бы?

– А кто сказал, что они – лучшая его часть? – усмехнулся Глеб.

– Господи, опять вы, братья, о политике, – почти неслыш-

но произнёс тихий хрупкий отрок Антон, – Можно бы и отложить.

– О политике, милый Антоша, на сей раз начал не я, а наш Глеб, – продолжил, как ни в чём не бывало, Боря, поглаживая гладко выскобленный подбородок с ямочкой, – Народ до сих пор не накормлен, столичная аристократия продолжает пировать, а пир-то, глядишь, во время подступающей чумы. Но они там не замечают этого, а скромных дарований глава державы, прошу простить за прямоту мою, не способен видеть опасность и шаткость положения. Лишь Конституция успокоит тех двух студентиков и сотни тысяч прочих, полностью разделяющих их мнение по всей Империи.

– Вы знаете, дорогие мои, а ведь брат наш прав, к сожалению, – вмешался Дмитрий с горящими глазами, – Поверьте моему слову, а я студент ещё: настроения в рядах почти всех студентов из разных сословий именно такое. В эти дни слышал от однокашников примерно те же речи о том самом убийстве. Да знаете, да я и сам бы сказал так же, хотя убийство и грех большой, – замялся юноша и опустил глаза.

– Одумайся, брат наш, – неожиданно зазвучал отрочески-тонкий ясный голос Антоши, – Что ты говоришь есть грех великий. Лишение жизни, Господом данной! Нет греха большего!

Все примолкли, а Борис не нашёл в себе сил встретится взглядом с младшим братом. Дмитрий попытался было вяло возразить ему, что мол, иначе никак нельзя бороться с

несправедливостью в этом мире, но сам по-себе смолк и съёжился под наивным чистым взором Антона.

– Слышали, ироды, глас праведный?! – зарокотал бас отца семейства, – Ты уже и Дмитрия с пути совратил истинного! Мало тебе своей души заблудшей! – Гордей неуклонно приходил в ярость и жена, успокаивающе, положила свою руку на его пульс, – Анчар удушения склоняется над Отчиной нашей и отравляет сознание народа! Цитирую вам труды генерала Куропаткина, – начал немного сдерживаться генерал, – а выразил он мысль свою примерно так: Немецкий студент, то бишь «бурш», со всеми его корпорациями ничего, кроме чувства презрения, в русском «передовом» студенте не возбуждает. Но и зрелище пирующих бошей не из приятных и отвечающее в общем тому, что о нем пишут. Но и это глупое веселье не возбуждало в господине Куропаткине такого тяжёлого чувства, как попойки русских «передовых» студентов, кончающиеся, большей частью, ночной визитацией публичных домов. Самое тягостное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и тому подобном, приводит Куропаткин слова Александра Изгоева, автора Вех и иудея: «хотя Бурш пьянствует, плоско острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Разбивая уличные фонари, он и сознает, что буянит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же и в кабаках, и в ме-

стах похуже «передовые» студенты с особой любовью поют и «Дубинушку», и «Укажи мне такую обитель», что есть отличительная черта лакейского мышления в любой его форме – это нелюбовь к народу на чисто физиологическом уровне, глубокое презрение к нему». Они сами и не сознают этого, но оно так и есть. Теперь вот господин Вячеслав фон Плеве³⁸, что на место Сипягина сел, им покажет, – с этими словами Гордей испустил вздох и успокоился, хитровато-победоносно поглядывая на непонятных ему отпрысков.

«Скобелевская, вернее даже Макаровская³⁹ бородача у папы, а взгляд как у Пугачёва» – подумал Пётр.

---

³⁸ Вячеслав Константинович фон Плеве (1846-1904), православный из немецких дворян, участвовал в охране порядка на улице во время польского восстания 1863 года. Состоял членом первой монархической организации в России – «Русском Собрании». Был назначен министром внутренних дел и шефом Корпуса жандармов в 1902 году. На этом посту последовательно проводил жёсткую политику в отношении оппозиционных движений. В 1904 году Плеве убит студентом, эсером Егором Созоновым. Поводом для убийства стали якобы спровоцированный в верхах нашумевший еврейский погром в Кишинёве, которому Плеве, на самом деле, твёрдо противодействовал.

³⁹ Скобелев Михаил Дмитриевич (1843-1882) – генерал русской армии, получивший известность во время похода русских войск в Хиву (1873), против кокандцев (1875–1876) и особенно в Русско-турецкую войну (1877–1878). В 1880–1881 годы был руководителем Ахалтекинской экспедиции в Туркестане. Макаров Степан Осипович (1848-1904) – флотоводец и учёный, начавший исследования по проблемам непотопляемости судна, впоследствии развившиеся в самостоятельную теоретическую дисциплину. В 1877 году Макаров впервые в мире применил торпеды против турецких броненосцев. В 1897 году он выдвинул идею исследования Арктики при помощи ледоколов. По его проекту был построен первый мощный ледокол «Ермак», на котором он дважды ходил среди льдов.

– Вы правы, отец, без малейшей иронии: всё что Вы сейчас изложили есть истина от начала до конца, – ответил Борис, – но студенты есть незрелая часть общества и показателем его глубинных настроений быть не могут. Я же вращаюсь во взрослых кругах образованных мужей, которые, в определённой степени, разделяют мнение таких студентов, но выражают всё это трезво и мудро. Суть же, при этом, не меняется.

– Значит и они ничем не отличаются от буяна, огульно протестующего против существующего строя.

– Нет, отец, они глубоко образованные, сведущие в науках общественных люди и смогут камня на камне не оставить от любых высказываний того же консерватора Куропаткина, вздумай он с ними поспорить, развивая ту же мысль.

– Твои учёные есть предатели Отечества, Борька, и больше никто!

– Они патриоты, отец, и видят свой путь спасения Отечества. По моему глубокому убеждению – путь единственно верный. А про изучение истории хорошо сказал Вольтер: «История есть не что иное, как картина преступлений и несчастий». И заниматься-то ей противно.

– Ну нашла коса на камень, – буркнул Петя, – ни вкусно не поешь больше, ни отдохнёшь душой.

Расходились гости как обычно в скверном настроении. Прощались вроде бы и тепло с родителями и самыми младшими у ворот под жужжание калильного фонаря. А на чёрст-

вые именины⁴⁰ Гордей Евгафович заставил себя вновь углубиться в работу и «не хандрить от скверностей настроения душевного».

Через пару дней московский сыск неожиданно вышел на одном из рынков на травника, который покупал у прибывшего крестьянина мешочки с болиголовом и цикутой. Разбирающийся в травах сотрудник выкрал мешочки, чтобы убедиться в своём предположении и проследил, куда возвращается с рынка травник. Установив названия ядовитых растений с помощью профессора университета, сыщики нагрянули в домик травника, что ютился на дальней окраине Марьиной Роши. Обыск, который проводили Глеб со сведущим в травах полицейским, показал, что дом подозрительного мужичка буквально завален всевозможными ядовитыми травами. Хозяин-травник и не скрывал этого, куражился и хвалился:

– Да вот, и болиглав имею, всё что хошь есть у старого Мины Панкратыча! Вот вам и зелье ведьмино, возьмите, да отведайте: тирлич-трава да жабья косточка смиряют гнев властей, оставите, может, старика в покое. Золототысячник ещё называется, аль бешена-трава.

– Вы бы, отец, помолчали немного, – раздражённо заметил сыскарь.

– Вот вам и разрыв-трава, она же и ключ- и спрыг-трава, брось её в кузницу, кузнец и работАть-то не сможет. На

которой траве в Иванову ночь коса переломится, та и есть разрыв-травы, – не унимался старик, – Разрывает она заборы тюрем, сажайте мя, не сажайте, всё равно убегу. Сатанинскую силу она превозмогает, клады находит. И поляницу и водяницу⁴¹ отваживает. Ты попробуй разок. И одолень-травы – цветок рудожёлтый русалочий есть. Едешь ты в дальний путь, положи её в ладанку – сбережёт в дальней дороге. И нечуй-ветер есть и плакун-травы. А приворожить кого надо – любжу-травы ищи. Можно и изурочить⁴².

– Ты, старик нас зельями приворотными своими не страшай, надоел. Скажи лучше, а сонное зелье имеешь? – нахмурился знаток ботаники.

– Это мужской корень, что-ль? А то как же! Как же без адамовой головы быть. Царь всех трав, поди! Но нету яго у мя. Не растёт он тут.

– Ты нам честно все свои сонные зелья покажи, при суде поможет и разрыв-травы не понадобится на засовы тюремные – сбережешь травку-то.

– Так, зелье сонное то – особый корень⁴³, а просто травы для сна крепкого покажу. Много их у мя. Сон-травы просто так не нарвёшь – и не пытайся. Наговор знать надо, тогда

---

⁴¹ Поляница – полевая и прочая сухопутная нечисть, водяница – болотная и прочая водная нечисть. В отличие от паленицы – богатыря, наездника, товарища удалой вольницы.

⁴² Изурочить – навести порчу.

⁴³ Имеется в виду адамова голова, мужской корень, покрик, сонное зелье, они же – пресловутый корень мандрагоры.

она и поможет. Потом её в холодную воду надо и так – до полнолуния. Согнувшись трава слегка шевелится и тут-то её надобно под подушку и увидишь вещей сон тогда.

– А кто покупал в последнее время у Вас болиглав и сонные травы? – задал вопрос, до сих пор молчавший Глеб.

– Да мало ли кто. За день столько подойдёт народу.

Тут Глеб приступил к осмотру небольшой библиотеки травника и обнаружил, бегло пробежавшись по корешкам, учебник ботаники для гимназий рядом со Святым писанием. Он немедля извлёк книгу и перелистал. Страницы с рисунками плодовых деревьев в нём не доставало.

– Вот это удача! – невольно воскликнул Глеб, – А теперь так, сударь, Вы подозреваетесь в содействии убийству викария Московской епархии. Эта книга служит неопровержимой уликой тому!

– И кочедыжник есть у мя, огнецвет перунов. Так-то... – продолжал хвалиться старик, словно и не испугался несколько, – А левкой не сажай – душу вытянет всю. Травы тоже дышат, как и мы – уважать надо – только вот ночью, говорят, дышат, в темноте. Так-то, – не унимался старик.

– Я не шучу, милейший, убит человек. Ближе к делу: не думаю, что Вы непосредственный убийца, но Вы можете помочь нам выйти на него. Кто выдернул из учебника страницу номер 27 ? Я Вас спрашиваю. Вам каторга грозит, поймите же!

– Не выдирал я ничего оттуда. Свои книжки берегу, –

неподдельно удивился старик.

– Кто рылся у Вас тут в книгах, или кому Вы давали почитать этот учебник?

– Не так давно погостил один человек Божий, он кое-что покупал, многое спрашивал, немного в книги мои заглядывал. Любопытный такой.

– А как он выглядел?

– Да неприметный такой, светленький, молодой ещё.

– А точнее?

– Лет сорок будет. Не помню его лица толком.

– Какие-нибудь ещё приметы у него были?

– Нет, любопытство одно и речи странные.

– А в чём их странность была?

– Спросил старика, какой травой мир можно одолеть, от какой держава распадётся...

– Действительно странно. Но в наше время, увы, многие бездельники такими вопросами задаются. А ещё что, вспоминайте!

– А больше ничего и не говорил. А что он страничку ту вырвал, оно и не исключено. Не читал я эту книжку давно.

– А что купил?

– Один раз болиглава, а второй раз ещё приходил, на днях, так сон-травы посильней просил.

– А зачем же Вы, отец, яды сильные собираете, продаёте? Ведь грех за этим стоит, людей ими губят!

– А любопытна растительная жисть мне, вот и собираю,

сушу... А что, тот человек отравил кого? Грех...

– А ежели Вас под суд, да на каторгу, тогда что?

– Да не боюсь я уж ничего, стар стал, – устало уже отвечал травник, потягивая свой холодный чай из носика маленького медного чайника, – А что, много людей Божьих тот человек потравил?

– Да не мало. Вы бы лучше ещё чего вспомнили, когда именно он приходил, что поточнее сказал, что купил и сколько? Щедро ли платил, али жался?

– Человек он денежный, платил не задумывался, – маленький сухой старик как-то весь сжался в комок на стуле.

– Вам плохо? Что Вы так живот поджали? Отвечайте же! – спохватились оба сыщика, выхватив из цепких рук старика чайник.

Травник злобно усмехнулся:

– Да хоть на дыбу поднимай, – при этих словах, чело его покрылось крупными каплями пота, а на губах начала выступать мутная белая пена, – немного опоздал ты.

Глеб понял, что очередная надежда хоть немного приблизится к разгадке утрачена, лишь когда они второй раз попытались промыть желудок странного человека. Уж слишком стар и слаб оказался, чтобы выжить после такого. «Как бездарно глупо всё вышло. Остаётся попробовать оставить засаду в этом домишке, да только шанс, что тот заявится сюда ничтожен. Уж слишком хитёр. Но почему старик внезапно прибег к такому крайнему средству? По умственному рас-

стройству ли, или был столь запуган убийцей?».

5. Дальний Восток стал русским Диким Западом

«Только неразумное резонерство спрашивало: к чему эта дорога? А все вдумчивые люди видели в ней великое и чисто русское дело... путь к океану – Тихому и Великому, к равновесию центробежной нашей силы с центростремительной, к будущей истории, которая неизбежно станет совершаться на берегах и водах Великого океана»

Д. Менделеев

Перед поездкой Глеб имел встречу с почитаемым им опытнейшим человеком, чья скромность не дала ему до сих пор взобраться выше околоточного. В московскую полицию Василий Степанович Стефанов поступил письмоводителем первого участка Мясницкой части уж более десяти лет назад. Через четыре года его перевели на должность околоточного надзирателя, а последние лет пять Стефанов уже околоточный надзиратель в третьем участке Лефортовской части, где случалось невиданное количество краж. Там удалось ему раскрыть несколько притонов по скупке краденого и незаконной торговле казённым вином. Весь воровской мирок как свои пять пальцев знал. Обсудили с Глебом очередной раз всё запутанное неразгаданное «дело о персиковых косточках», а в качестве напутствия в дорогу, Василий сказал:

– Будешь там в далёких краях, держи связь с нами, телеграф поди уже есть. Не забывай, что дел раскрытых у нас всё меньше и всё больше намешанных уголовно-политических. Помяни моё слово, скоро и мы будем работать как Особое отделение⁴⁴, или вместе с ним. Что-то внутри меня подсказывает, что «персиковое дело» замешано в политике. Уж больно запутанное. Ничего, – добавил он, – Найдём злоумышленника. Кто чесночку поел – сам скажется.

Когда их пролётка проезжала мимо обгорелых стен «Мюра и Мерилиза»⁴⁵, нагретых щедрым августовским солнцем, Стефанов задумчиво заметил:

– А ведь никто до сих пор не знает, почему случился тут пожар...

За день до того Лебедев вызвал к себе Охотина и объявил ему о необходимости отправиться на Дальний Восток. Оказалось, что на корейской территории убийцы русского

---

⁴⁴ Особое отделение – сверхсекретный орган, который с 1898 года должен был служить центром кампании против подрывных элементов вместо Департамента полиции, сменившего николаевское Третье отделение в 1880 году. Особое отделение вело непрерывную слежку за революционерами в России и за границей и устраивало хитроумные провокации для их выявления.

⁴⁵ В первой половине XIX века шотландцы Арчибальд Мерилиз и Эндрю Мюр основали фирму «Мюр и Мерилиз» на Неве, а в 80-х годах из Петербурга переехали в Москву. Они – основатели первого в России торгового дома для людей среднего класса, где можно было купить почти всё, кроме продуктов. Магазин их сторел в 1900 году и был воссоздан в неоготическом стиле в 1908 зодчим Клейном и инженером Шуховым. Также называли его Флагманский торговый центр в Москве на Петровке. В советское время он стал Московским ЦУ-Мом (Интернет).

управляющего лесоразработками выкололи ему перед смертью глаза персиковыми косточками и оставили их в глазницах. Поскольку там, в горных лесах, персика в помине нет, известие, чисто случайно дошедшее до ушей московского начальника, сразу заставило его серьёзно задуматься: уж слишком большое совпадение, «а не там ли теперь наш «приятель – любитель персиков»? Глеб получил толстенную папку с инструкциями и прочими сведениями, имеющими отношение к тем краям и российской политики в ней. «В поезде будет время...» Перед подъёмом, когда конку⁴⁶, в которой сидели Василий Степанович с Глебом, форейторы впрягли пару дополнительных лошадей, коллега внезапно ударил по бедру Глеба ладонью, выкрикнув что-то невнятно. Оказалось, что один из подростков-форейторов норовил, между делом, вытянуть кошелёк из кармана Охотина. Стефанов спугнул воришку, и заметил, что в этом городе подобная рассеянная задумчивость весьма опрометчива. Глебу вспомнилась случайно попавшаяся на днях статейка: «Человек под конкой!» и на ту же тему: «Еще одна жертва городского транспорта: Пора обуздать наших коночных Гекторов! Ав-

Конка – чаще закрытый экипаж, иногда двухэтажный с открытым верхом (империал). Вагон по рельсовым путям тянула пара лошадей. В местах, где линии конки взбирались на крутые подъёмы, экипажи поджидали форейторы, которые запрягали ещё одну-две пары лошадей и помогали преодолеть трудное место, затем, на ровном участке, выпрягали дополнительных лошадей. Конка появилась после возникновения железных дорог. Используя лошадей, хотели устранить, казавшиеся чрезмерными, опасности парового движения.

томедоны из управления конно-железных дорог становятся угрозой жизни москвичей!»

Под стук вагонных колёс, навевавших сон, Глеб приступил к чтению увесистой папки и, с первых же строк, ощутил интерес к сухому материалу, смешанному и с живыми письмами начальника владивостокского сыска Лебедеву: *«Лесные концессии в бассейне реки Ялу, что на границе между Китаем и Кореей, были получены в 1896 году у корейского правительства владивостокским купцом Бринером, выходцем из Швейцарии, принявшим российское подданство. Он поспешил купить у корейцев права концессии на обширных землях долин двух рек с участком леса около тысячи вёрст длиной, сроком на 20 лет. Но, уже в 1901 году, концессия была им неожиданно продана «Русскому лесопромышленному товариществу», за которым стоял некто Александр Безобразов. Группа политических деятелей, возглавленная Безобразовым, заявляет об угрозе возможного проведения англичанами железной дороги от Шанхая к границе России на Амуре, что скоро позволит им расчленить Россию, отрезав Дальний Восток. Наш Император, при содействии князя Ухтомского, «прорубает окно» на Дальний Восток с перспективой возможности выхода в Тихий океан, имея незамерзающий порт! Князь Ухтомский – негласный представитель царя во Владивостоке, создаёт на Дальнем Восто-*

ке разветвлённую агентурную сеть⁴⁷. Кроме того уже очевидна опасность скорого столкновения с Японией и такие концессии, расположенные преимущественно вдоль границы Маньчжурии с Кореей, дали бы возможность подготовить передовую оборонительную линию перед этой границей. Об подобных стратегических задачах, разумеется, не подобает писать открыто и, увы, в обществе сложилось превратное представление, будто речь идёт о том, что «жадная придворная клика» никак не хочет отдавать Корею Японии, хотя бы сие грозило России войной. В марте 1901 года Германский дипломат князь Бюллов делает заявление о недействительности соглашения с Англией в отношении Маньчжурии, что разрушает создаваемый блок Великобритания – Германия – Япония против России, а в апреле, опираясь на поддержку Англии и Японии, Китай отказывается подписать соглашение с Россией, в соответствии с которым получает контроль над Маньчжурией». Тут же прилагались комментарии Игнатия Аверьяновича, коллеги из Владивостока, который совершенно случайно наткнулся на описание

«персикового убийства» из попавшей к нему киевской газеты, сравнил с почерком корейского, связался с Киевом, а уж потом вышел на Московский сыск: «В 1896 году с севера Кореи вернулась нашуевшая экспедиция полковни-

Одним из известных агентов Ухтомского стал Пётр Бадмаев, который был убеждён, что только Россия способна спасти буддистский мир от жестокой западной колонизации, или поглощения Японией. Его ученик Доржиев назвал Россию священной страной-Шамбалой.

ка Стрельбицкого, доклад о которой взволновал многих высокопоставленных лиц столицы. Масла в огонь подлил и немецкий географ Рихтгофен, заявивший о несметном количестве золота в недрах Кореи, что якобы было известно ещё арабским мореплавателям времён Синбада Морехода. Именно с подачи Рихтгофена при дворе и началась та самая золотая лихорадка. Об этом мне рассказал весьма почтенный владивостокский купец Первой гильдии, сам Юлий Иванович Бринер, а уж этот человек осведомлён буквально обо всём, что творится на берегах Невы. Расстояние для него не помеха. Но кроме золота Кореи, манили ещё и лесные её богатства, а главное в Петербурге, почему-то, казалось, что земли эти буквально ничьи, в то время как японцы давно рассматривают Корею как свою законную вотчину⁴⁸. Во Владивостоке в народе

поговаривают, что Бринер, подобно царю Мидасу, превращает в золото всё, к чему прикоснётся. Он уже владеет и угольными копьями и рыбными промыслами и медными рудниками и даже собственной судоходной компанией. А прошло всего лишь одиннадцать лет, как он тут появился. Теперь он берётся ещё и за торговлю лесом! Осенью 1898-го

Китайский император признавался давно сюзереном корейских монархов, но японцы с этим не считались. С начала 1890-х Япония стремилась политически и экономически вытеснить цинский Китай из Кореи. С этой целью японское правительство развязало в 1894 году войну против Китая, в результате которой Пекин потерял сюзеренитет над Кореей. Почувствовав защиту России, правитель Кореи Коджон объявил себя сразу же императором.

года на север Кореи отправляется экспедиция Звегинцева, прошедшая огромные пространства за три месяца. Однако, спустя несколько лет, Бринер неожиданно решает продать только что приобретённый участок, что настораживает русского посланника при корейском королевском дворе и консула пограничных районов Маньчжурии и очень ушлого человека, Николая Гавриловича Матюнина⁴⁹. Видимо Бринер почувствовал пока едва заметную угрозу со стороны Японии. Причины внезапного решения продать концессию не ясны. Бывший пограничный комиссар Уссурийского края и человек весьма решительный, Матюнин пользуется всеобщим уважением на Дальнем Востоке, в том числе и среди хунхуз⁵⁰. Он –

49

Матюнин, родом из дворян Казанской губернии (1849-1907) был и дипломатом, участником Большой Игры и даже писателем. Был лично знаком со славным адмиралом Макаровым, писателем Крестовским и очень активным участником Большой Игры на юге – Фрэнсисом Янгхасбэндом. Позже Матюнин стал консулом в Сеуле.

50

Слово «хунхуз» есть русификация китайского «хун хуцзы», то есть – «красная борода», или «краснобородый». Под «красной» подразумевается рыжая борода. Есть две противоположные трактовки происхождения этого названия. Возможно, что в старину разбойники отправлялись на дело, приклеивая себе красноватые фальшивые бородки для устрашения. По другой версии «рыжая борода» вполне понятное для китайцев прозвище европейских колонизаторов, которые были в глазах туземцев теми же разбойниками. Хунхузами называли не любого грабителя, а организованные банды. Основную часть населения Маньчжурии в середине XIX века составляли деклассированные элементы – разорившиеся крестьяне из Застенного Китая, ставшие временно пролетариатом, спасающиеся от долговой кабалы, ссыльные, беглые преступники, дезертиры. Значительна была и категория мстителей от крестьянина до купца, которые столк-

сторонник осторожного и постепенного вовлечения Кореи в сферу русского влияния. Стратегически Северная Корея очень важна для предотвращения неожиданного вторжения японцев в Маньчжурию и «перерезанию» Китайско-Восточной железной дороги. Именно Матюнин одобрил первую русскую концессию на Ялу, как стратегическую базу под видом коммерческого предприятия. Через посланника о продаже бринеровской концессии узнаёт бывший гвардейский офицер из старинного рода Александр Михайлович Безобразов, незадолго до этого переехавший из столицы в Иркутск по неясным мне причинам. Под влиянием Матюнина он составляет обширную записку, в которой предсказывает правительству неизбежность войны Японии с Россией, подчёркивая агрессивность японцев в Корее. Далее Безобразов предлагает создать в Маньчжурии, по границе с Кореей вдоль реки Ялу, особые заслоны, под видом коммерческих предприятий, напоминающих по организации

нулись с алчным китайским чиновничеством, норотившем пустить их по ветру. После начала строительства железной дороги в Маньчжурии, туда устремился и поток русских криминальных элементов. Обширные ещё дикие и лесистые районы с обилием золота, пушнины, женьшеня, открывали широкие возможности к обогащению. Более полувека китайский бандитизм стал бичом всей Маньчжурии, Уссурийского края и Северной Кореи. Общая численность хунхузов в России заметно колебалась и достигала во времена Русско-японской войны 30 тысяч! Начиная с хаоса Гражданской войны, в России хунхузы стали просто полновластными хозяевами от Амура до реки Сунгари, что у границ севера Кореи. Лишь жёсткий советский режим 30-х сумел раздавить этот бандитизм (Ершов Д. Хунхузы: необъявленная война).

британские Chartered companies, и таким образом, произвести постепенное мирное завоевание Кореи. Но, вовлечь в это предприятие казну Безобразову не удаётся, поскольку в лице министра финансов Витте он встречает убеждённого противника, небезосновательно полагавшего, что участие в этом деле казны придаст предприятию непопулярный политический окрас. Затем Безобразов поспешил разыскать в Петербурге влиятельного родственника, коим оказался командир Гвардейского флотского экипажа капитан первого ранга Абаза, племянник покойного министра финансов Александра Агеевича Абазы. Последний уже выходит на Великого князя Александра Михайловича с министром Двора графом Воронцовым, который может изрядно влиять на течения придворных денег. И об этом знает наш удивительный Бринер! Вскоре чиновник министерства Двора Непорожнев выкупает у Бринера его концессию и теперь лесными концессиями на Ялу владеет Восточно-Азиатское торгово-промышленное товарищество с капиталом немного-немало в два миллиона рублей. В числе учредителей, как поведал мне Бринер, и Их Сиятельства граф Воронцов с князем Юсуповым, и даже граф Алексей Павлович Ипатьев, и граф Гендриков, и капитан Абаза и многие другие. Безобразовскую задумку в Корею уже поддерживали такие персоны, как сама императрица-мать⁵¹ и, ставший дальневосточным наместником, адмирал Алексеев, как извест-

но – внебрачный сын... Появились слухи об участии в этом деле самого Н.А., о чём предпочитают говорить в полтона. Вопреки здравому стратегическому смыслу в обществе тут же стали говорить: «Швыряют миллионами, чтобы великим князьям можно было наживаться на лесных концессиях на Ялу». За раздуванием этого стоит оппозиция. Далее Матюнин поведал мне, что делегация к Сеульскому Двору от Непорожнева уже требует разрешения на строительство железной дороги по корейской территории русскими силами от портового Цзинампо до российской границы, а также права на эксплуатацию всех рудников Кореи. Король даёт Непорожневу право первенства, при рассмотрении на разработку природных богатств, но не более. Через однокашника⁵² по Императорскому Александровскому лицейу Вонлярлярского⁵³ Матюнин входит в состав деятелей, так называемой, «безобразовской клики», о чём говорил мне сам, но я уверен, что он-то особо к личной выгоде не стремился. Да и осторожен он слишком, уверял, что Бринер продал неспроста. Тем не менее, и он клюнул. Права

---

⁵² Через контр-адмирала Алексеева Евгения Ивановича (1843-1909), который был внебрачным сыном Александра II. В 1899-1903 годах Алексеев – главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами Тихого океана, а с 1903 года наместник императора на Дальнем Востоке.

⁵³ Владимир Михайлович Вонлярлярский (1852-1939) отставной гвардии полковник, гофмейстер императорского Двора. В 1900-1902 годах пытался организовать добычу золота на Чукотке. Поддерживал Безобразова с концессиями в Корею. В 1909 году вместе с сыном Дмитрием был обвинен в подлоге завещания князя Огинского. Умер в Париже в полной нищете.

концессии от Непорожнева переходят к Матюнину через барона Гинцбурга⁵⁴, но тоже лишь на время. Матюнин утверждает, что пока нам рано забирать Корею, так как это приведёт к неизбежным человеческим жертвам, но необходимо добиться того, чтобы и Япония не могла полностью завладеть всей Кореей. Он уверяет, что приобретение Порт-Артура есть наша крупнейшая ошибка и, что она лишь подорвёт доверие к нам китайцев и сделает естественный переход в наши руки всей Маньчжурии долгим и болезненным. С другой стороны, Государь уступил недовольству японцев и, чтобы их не раздражать решил арендовать китайский порт для российских целей, а не корейский. В том же году, после интриг японцев и неудачи с концессией на строительство железной дороги в Корею, Матюнина заменяют бывшим морским офицером и знатоком иностранных языков консулом Александром Ивановичем Павловым. Всё это не помешало неутомимому Матюнину стать в 1901 году одним из учредителей Русского лесопромышленного товарищества на реке Ялу и одновременно – директором-распорядителем Северо-Восточного Сибирского общества, организованного Вонлярлярским для разработки недр Чукотки. По контракту 1898 года на разработку минеральных богатств Пхеньянской провинции Матюнин получает с 1901

---

⁵⁴ Гораций Гинцбург (1833-1909) предприниматель, меценат, первый барон из еврейского рода Гинцбург. Титул пожалован великим герцогом Гессен-Дармштадтским в 1870 году, а пользование титулом в России Высочайше разрешено в 1871 году.

года права на эту концессию от барона Горация Гинцбурга, после чего передаёт их Русскому

лесопромышленному товариществу. Такие происходят, как видите, метаморфозы... После Восстания Боксёров, охватившего весь северо-восточный Китай в 1900 году, работы Товарищества свёртываются, но уже в начале 1902 года на реке Ялу полным ходом идут

подготовительные работы и бывший капитан Абаза, теперь в чине статс-секретаря Двора, лично курирует деятельность Товарищества. Вырастает посёлок Николаевский. Но тут начинается самое главное, что касается непосредственно нашего дела. Товариществу предоставляется право содержать особую лесную охранную стражу, учитывая туземный бандитизм. Руководство Товарищества, после опыта своих экспедиций, понимает, что рабочих следует охранять от хунхузов и решает, уже было, отправить переодетых солдат в Корею. Тогда, ответственный за работы подполковник Генштаба Александр Семёнович Мадритов, человек с немалым опытом усмирения ихэтуаней, но не слишком разборчивый в средствах, предлагает политически безобидный вариант – использовать разбойников

против разбойников. В результате, подполковник начинает покровительствовать некоему хунхузу Линчи, которого в прессе называли «полковником хунхузов». Маньчжурские власти обещали за поимку Линчи огромные деньги, а тот сбежал в Корею под крылышко русского офицера Ген-

штаба и имел ещё жалование от Товарищества, которым руководят столь высокопоставленные лица... Возможно, что Мадритов и Линчи были знакомы уже со времён покорения восставших. Хитрый хунхуз заводит карточки с начертанным на них своим именем на русском и китайском. Лишь обладатель такого ярлыка мог себя чувствовать спокойным во всей северной Корее, кишасцей уже бандитами, стягивающимися из обезлюдевшей после резни 1900 года Маньчжурии. Имя Линчи, как и самого Мадритова, внушает местным жителям неподдельный трепет. Сам же Линчи опасается только Мадритова. Помимо охраны, Линчи со своими головорезами доставляет лодки и лодочников для перевозки леса ниже горных потоков, куда лес прибывал сплавом. Никто там не смеет отказаться работать на Товарищество и за сущие гроши. Вскоре Линчи со своим хозяином показалось и этого мало и оба начинают чинить произвол. Шайка Линчи уже ворует лес у соседних иностранных концессий и всё им сходит с рук. Мадритов на всё закрывает глаза. Не исключено, что та же банда Линчи, но может и другие хунхузы убивают в начале июня заведующего строительством в Николаевском, не поладив с ним, и оставляют те самые косточки в его глазницах. Японские лесопромышленники буквально разъярены от такого грабежа. Уже весной нынешнего года, прослышавший об этом военный министр Куропаткин запретил Мадритову службу в Товариществе и тот вынужден был передать свои де-

ла малоопытному егермейстеру Балашеву. Самоуверенный егермейстер, находясь в Порт-Артуре, поспешил избавиться от сомнительного подручного-хунхуза. Его приказ убрать хунхуза на Ялу полностью игнорируют. Тогда Балашев посылает от устья Ялу пароход с отрядом солдат, которым велено пригнать китайца под конвоем. Как только они прибывают в Николаевский, Линчи исчезает. С этого дня посёлок живёт днём и ночью в страхе нападения хунхузов, а разбой на пресловутом Дальнем Западе в прошлом веке, на мой взгляд – просто детский лепет по сравнению с тем, что творится уже десятилетиями в наших краях («Не зря мне советовали прихватить личный револьвер» – мелькает в голове Глеба). Из устья Ялу, сразу же, полезли морские хунхузы, против которых приходится присылать вооружённые катера из Порт-Артура». Подобных бумаг в папке ещё хватало, были и чисто политические обзоры, видимо Лебедев разделял мнение Стефанова, что им пора заняться немного и политикой: «В 1896 году имело место установление совместного русско-японского протектората над Кореей при фактическом преобладании России. Через два года Россия арендует на двадцать пять лет Порт-Артур и Ляодунский полуостров и добивается согласия китайского правительства на постройку железной дороги Порт-Артур – Харбин. После ввода войск в Маньчжурию для подавления Боксёрского восстания в 1900 году Россия фактически оккупировала Маньчжурию. Великобритания настаивает на немедленном

выводе войск. В Санкт-Петербурге, с тех пор, идут дебаты, что лучше для нас: вывести их скорее, или протянуть с выводом? В следующем году начинаются переговоры между Великобританией и Японией о военном союзе. Открыто движение поездов по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), построенной русскими в Маньчжурии. В ноябре 1901 года Японский принц Хиробуми Ито прибыл в Санкт-Петербург для достижения согласия России с японскими планами в Корее. А с декабря Япония прерывает переговоры с Россией, решив заключить Договор о союзе с Великобританией. В конце года в Берлине оформляется партия социалистов-революционеров, сокращенно – эсеров⁵⁵, которая зародилась ещё два года назад, параллельно с монархическим обществом бессарабского помещика Пуришкевича «Русская беседа». В начале 1902 года Россия обязалась в течении восемнадцати месяцев поэтапно вывести свои войска из Маньчжурии, при гарантии соблюдения определенных российских

55

Партия социалистов-революционеров (эс- эров) создана на базе слияния народнических кружков, Союза социалистов-революционеров за границей и Аграрно-социалистической лиги. Руководят новой партией Чернов, Гоц, Брешко-Брешковская, Гершуни и прочие. Скоро в её ряды вливаются самые отчаянные террористы. К началу XX века среди русских социалистов оформилось два течения. Одни, называвшие себя «неонародниками», стали социалистами-революционерами, или кратко – эс-эр-ами (эсерами). Они считали общину подготовкой к будущему социалистическому строю. Другие – марксисты, члены Российской Социал-демократической Рабочей партии, говорили, что для перехода к социализму нужно сначала превратить крестьян в пролетариев. В дальнейшем марксисты разделились на меньшевиков и большевиков.

интересов в этом районе. Россия и Франция сделали совместное заявление о своих интересах в Китае и Корее». «Всё это, конечно, обостряет политическую ситуацию на Дальнем Востоке, – подумалось Глебу, – но мы-то с Францией куда мощнее Англии с жалкой Японией. Но не верю я, что сам Государь наш приложил руку к авантюре с корейскими концессиями. Он выше всего этого». Охотин отложил папку, достал монпансье из жестяной московской коробки и, посасывая, сладко задремал, пригревшись под одеялом. После европейской части России смотреть в окно стало куда занятнее. Природа становилась всё дичее. Ещё пару дней начинался участок от Оби до Енисея. Такой глухой тайги Глеб никогда и не видывал. А народ всё бегаёт по вагону за кипятком в буфет, где покупает тощих жареных цыплят, а на всё более редких станциях обязательно приобретает солёные огурцы, картошку в мундире и ягоды. Впечатление, что всех пассажиров обуял невиданный голод. Уже нет былых гор пирожков разных сортов и вездесущих татар-разносчиков, что были в Сибири. На станциях голоса торговки и торговцы горячей «картовью, солёными грибками» да прочей снедью. Степные казаки-старики по-отечески раздвигают толпу, пытаясь унять пыл продавцов, которые норовят влезть в вагон, невзирая на протест проводника. Охотин избегал общения с кем бы то ни было и запирался в своём купе. У Байкала в те времена ещё приходилось покидать поезд и добираться до противоположного берега озера водным путём, что изрядно

затягивало поездку⁵⁶. Кругобайкальской линии от Иркутска до Мысовой на восточном берегу озера ещё не было. Только по участку Москва-Иркутск состав двигался одиннадцать дней! Ещё два дня спустя поезд незаметно пересёк Забайкалье и въехал в совершенно плоские Маньчжурские степи. Теперь уже они неслись по столь нашумевшей недавно Китайско-Восточной железной дороге – КВЖД, любимому детищу Сергея Витте⁵⁷, на которой и по сей день случались на-

---

⁵⁶ В 1891 году было принято решение о сооружении Транссибирской железной дороги. Её строительство началось одновременно из Владивостока и Челябинска, велось на государственные средства и продемонстрировало невиданные до того времени темпы железнодорожного строительства. С восточной стороны магистраль была доведена от Владивостока до Хабаровска, где строительные работы затормозились необходимостью возведения огромного моста через Амур. С западной стороны железнодорожные пути были доведены до Забайкалья, где начиналась наиболее гористая местность. Транссибирская магистраль полноценно заработала на всех участках только с июля 1903 года, но и тогда хватало ещё недоделок.

⁵⁷ Сергей Юльевич Витте был назначен министром финансов в 1892 году. По отзыву, сменившего его на этом посту Коковцова, Витте – умный человек, мало разборчивый в средствах, лишённый чувства благодарности и с ужасных характером. В 1896 году министр провёл успешные переговоры с китайским представителем Ли Хунчжаном, прибывшем в Москву по случаю коронации Николая II, добившись согласия Китая на сооружение в Маньчжурии КВЖД – участка Транссибирской магистрали Челябинск-Владивосток, который было проще провести через равнинный Китай. Такое решение позволило бы завершить строительство до Владивостока в гораздо более короткие сроки. Одновременно с Китаем был заключён союзный оборонительный договор. Успеху переговоров содействовала выдача китайскому сановнику взятки в размере более 500 тысяч рублей. В 1897 году Витте проводит денежную реформу, в результате которой Россия до Первой Мировой получила устойчивую валюту, обеспеченную золотом. Это способство-

падения хунхузов на составы. «Вот и попал впервые за границу» – проносится в голове Глеба. Охотину бросилась в глаза монументальная помпезность станций на новом участке дороги после убогой преждевременной ветхости сибирской. «Почему Витте бросает все средства только на чужую территорию? Не странно ли это?» В тот вечер задул сильный ветер, да так, что в купе Глеба стало подвывать в щелях, навевая уныние. «Эолова арфа какая-то, а не вагон, чёрт бы её побрал. Сплошной Жуковский⁵⁸ часами!» Вспомнил, как Миклухо-Маклай у себя на Новой Гвинее специально смастерил эолову арфу, чтобы воздействовать на своё окружение, поддерживая репутацию колдуна. «Да, было когда-то время на чтение о пленительных заморских путешествиях. Хорошо жилось тогда, подростком. Всё было ясно и понятно и на своих местах. И семья, и предки-герои, и герои-путешественники. Преклонялись и перед Суворовым и Пржевальским и многими другими, а теперь что поговаривают? Что тот же Суворов – душитель свободы, едва зародившейся в Европе, под стать самим монархам, что даже Пржевальский – слепое орудие в руках имперских колонизаторов, угнетателей окраинных народов. Чего только не услышишь от тех же Бори с Митей...» На станции, уже в сумерках, Глеб сорвал

вало усилению инвестиционной активности и увеличению притока иностранных капиталов, что имело и обратную сторону. Витте призывал за свободный выход из крестьянской общины – то есть за капитализацию. Позже он уверял, что Столыпин похитил его идею.

пучок пахучей степной травы, положил его себе под подушку и продолжил чтение политического обзора своего начальника при тусклом свете лампочки: *«Витте создаёт Русско-китайский банк с участием четырёх французских банков и выступает за железнодорожное строительство в целях экономической экспансии⁵⁹ – это его конёк. Однако он уверен, что союзнические отношения Японии с Англией и Америкой могут сильно осложнить наше положение на Дальнем Востоке...»* Тут же была вложена записка от Лебедева о том, что *«Витте начал пробивать мечту Александра III о строительстве стратегической дороги к Тихому океану. Дальневосточные земли были слишком отдалены и уязвимы с военной точки зрения. Эта мысль появилась ещё в 1870-е годы, но временно была забыта, как финансово непосильная. В ходе проектирования в 1894 году стало ясным, что если*

59

В секретном договоре о союзе России с Китаем и постройке КВЖД подчеркивалось, что сооружение железнодорожной линии через Северо-Восточный Китай не может служить предлогом для захвата китайской территории и предпринимается в целях облегчения доступа российских войск в пункты, которые могут оказаться под угрозой захвата японцами. Россия получала право транзита своих войск по этой дороге как в военное, так и в мирное время. Договор предусматривал создание Русско-Китайским банком специального акционерного Общества Китайско-Восточной железной дороги, акционерами которого могли быть только российские или китайские подданные. Срок концессии устанавливался в 80 лет (по некоторым источникам – на 99 лет) с начала эксплуатации линии. Китайское правительство получало право выкупить дорогу досрочно, через 36 лет после открытия движения, но только при полном возмещении всех затрат на строительство дороги и уплаты всех сделанных КВЖД долгов с процентами.

часть железной дороги проложить по территории Китая, а не через Сибирь, строительство обошлось бы дешевле и завершилось бы скорее».

Ещё через несколько унылых степных дней поезд, не спеша и устало пыхтя, подходил к Харбину. Лишь пару лет назад железнодорожный посёлок Сунгари был официально переименован в город Харбин⁶⁰. Это место было очень разумно избрано для главного пункта всей КВЖД. Посёлок стоял на судоходной части реки Сунгари, что давало возможность доставлять сюда товары по воде от Амура. Наконец, это место находилось в середине дороги от Читы до Владивостока, и отсюда же отходила Южная ветка к Порт-Артуру. Так и возник этот необычный русско-китайский город в самом сердце чернозёмной равнины. Сказочной скоростью роста Харбин мог потягаться с городами Великих равнин Дальнего Запада. Уже тогда Харбин стал привлекать внимание предпринимателей разных мастей, стремившихся сколотить себе состояние на пустом месте. Нахлынувшие со всех концов России и Китая⁶¹ подрядчики и бирже-

---

⁶⁰ Харбин как русский город в Полосе отчуждения КВЖД основан в 1898 году на месте китайского селения Хаобин, позже именуемого станцией Сунгари. Харба по-маньчжурски переправа, возможно поэтому город у реки назвали так, а не по имени старого посёлка.

⁶¹ До конца XIX века основным населением Маньчжурии были маньчжурцы (манзы) и монголы, а китайцам (ханьцам) было запрещено селиться на этих землях.

вики, спекулянты и коммерсанты, ремесленный люд, старатели и откровенные воры и грабители в начале века, уже довели численность населения городка до пятнадцати тысяч российских подданных и в два раза больше китайцев, что было для Дальнего Востока в те времена немало. Стремительно богатели подрядчики на строительстве дороги, лесоповале и лесобработке, но и конечно, на выгодной торговле, особенно самыми насущными вещами. А не хватало там на первых порах самого необходимого. Нередко баснословные состояния тут же бездумно проматывались, а их незадачливые обладатели начинали пить, пускались во все тяжкие, зачастую пополняли ряды хунхузов, а то и пускали пулю в лоб. По грязной привокзальной площади сновала баба с шалым взглядом мутных глаз и метлой подмышкой, бродили какие-то неприкаянные усохшие то ли от голода, то ли от опия китайцы. Высокий берег Сунгари вдали портило довольно хаотичное скопление кособоких хибар, но инженером Обломиевским уже возводилась масштабная анфилада зданий Управления железной дороги, что на Большом проспекте и здания Железнодорожного собрания. Новый Город был уже заложен и украшен Свято-Николаевским собором⁶², радующий взор с любой улицы и площади. У здания вокзала Охотин наткнулся на обер-кондуктора с могучими усами в парусиновом сюртуке и расспросил его о возможности разместиться в городе. Чиновник любезно рассказал, куда сле-

дует направиться и, в тот же миг, извлёк из своего медного свистка залиvisto-озорной свист на который схоже ответил сам запыхавшийся паровоз. Напоследок обер-кондуктор спросил:

– А что Вы в этих забытых Богом краях потеряли, сударь?

– У моего начальства коммерческий вопрос к администрации КВЖД, – постарался избежать прямого ответа Охотин.

Мимо продефилировал вальяжной походкой дюжий бородатый офицер Охранной стражи КВЖД, подчинённой не военному ведомству, а прямому командованию Витте. Казалось, что офицер упивается своей новенькой чёрной тужуркой с жёлтыми кантами, синими кавалерийскими шароварами и жёлтым же суконным верхом чёрной казачьей папахи. На чёрной его петлице красовался жёлтый кант и эмблема со скрещёнными ружьём и шашкой. Вместо погон – золотой наплечный шнур. Глеб подивился странной форме без погон, а позже сообразил, что европейские державы могли бы иначе с радостью обвинить Россию в использовании регулярной армии на чужой территории, пусть даже и в полосе отчуждения КВЖД. Нашёлся бы повод. Глеб проводил казака взглядом и с удивлением заметил, что кокарда папахи его повернута на ровно сто восемьдесят градусов на затылок. Охотин взял ваньку⁶³ до гостиницы и помчался мимо возводящихся с лихорадочной скоростью кирпичных кавэжэдэковской

---

⁶³ Ванькой часто звали легковые дрожки.

постройки зданий Русско-Китайского банка и Гарнизонного собрания.

– У нас в ХарбинЕ, – с ударением на последнюю гласную с важным видом сказал извозчик, – гостиниц хоть отбавляй!

К глубокому удивлению Глеба гостиница оказалась совсем новой и каменной, да ещё имела центральное отопление и водопровод. В такой глуши всех этих удобств ожидать было никак не возможно, и Глеб с превеликой радостью устремился принимать ванну. Охотин извлёк из мешка мелкую суконку – лоскут для мыления и заветный длинный брусок будто мраморного, белого с синими разводами, «жуковского» мыла, на бумажной обложке которого имелся симпатичный синий жук.

На следующее утро Охотин, с немалым трудом, отыскал в конторе управления нужных ему людей и, лишь к вечеру, вышел на вечно занятого господина Дудинова. Глеб не роптал и был несказанно рад удаче застать этого подвижного человека именно здесь в нужный момент. Чиновник посоветовал ему встретиться со знаменитым полковником Стрельбицким, который как раз на пути из Кореи, где он отслужил военным агентом: «Этот человек знает все корейские тропки, ну словом, как и Звегинцев. Подскажет Вам кого пригласить в провожатые до Ялу». Через полчаса Глеб сидел, приглашённый приветливым, хотя и строгим на первый взгляд, поджарым высушенным солнцем и морозами чело-

веком с лихими гвардейскими усами и военной выправкой. Иван Иванович Стрельбицкий наливал гостю душистый китайский чай и размышлял вслух несколько рассеянно:

– Здесь, у последней границы, у нас нравы не хитрые, народ простой, но если честный, то – одно загляденье, что за люди. Ежели Вам надо отсюда до Ялу, то посуху, это не так много времени займёт, любезный господин Охотин, ну а коли осенняя распутица раньше времени наступит, считайте, что не повезло, но за дней двадцать, всё же, справитесь. Самое главное, это надёжного проводника иметь и прочих спутников. С этим я помогу.

– Буду очень признателен, господин Стрельбицкий.

– Давайте перейдём на имя-отчество, так приятнее, – скромно улыбнулся офицер, бывший на тринадцать лет старше Глеба, а также и по чинам куда повыше, не говоря об очень знатном происхождении.

– Хорошо, раз Вам так будет угодно...

– Так вот, Глеб Гордеевич: к нашему общему счастью, в ХарбинЕ (с тем же ударением) сейчас находятся несколько славных ребят- матёрых таёжников, которые участвовали в моей экспедиции и я их попрошу Вас проводить. Они иной раз сопровождают туда артели. Один из них даже у Мадритова там служил. Но тоже, рассказывает, с причудами был начальник, уж больно хунхузов любил... С оружием личным Вы в тех краях лучше не расставайтесь...

– Да, вот мне и в Москве о том же сказали...

– Очень надёжные казаки: Кунаковсков, уралец Олсуфьев и Смоленко с Кубани – славные ребята. Кунаковсков – истинный таёжник, ещё из тех, коренных уже можно сказать, дальневосточников, что со времён алексадровского заселения Усури в этих краях. Не он сам, конечно, но родители его. Говорил мне как-то у костра, что казаки-старики из забайкальских, в детство его, ещё припоминали о казачьей вольной республике в Албазине⁶⁴. А было это в семнадцатом столетии, когда китайцы крепосцу их месяцами взять не могли. Амурское казачество возникает как раз в годы первого заброса казаков на Усури, в 1858. Из забайкальских казаков, попозже и амурских, а потом и собранного отовсюду люда, незадолго до моего появления на Дальнем Востоке, формируется самое молодое казачество – уссурийское. Мо-

⁶⁴

В 1670-е годы в Илимском остроге казаки и крестьяне убили алчного воеводу и зажили вольной казачьей республикой. Позже они ушли на Амур и соорудили там острог Албазин. Вскоре, однако, казаки поняли, что долго им так не выжить: маньчжурцы начинали теснить. Албазинцы били челом Алексею Тишайшему и царь простил. Казаков он назначил гарнизоном того же Албазина. Установить мир с Цинской империей там так и не удалось: в 1684 году китайцы с помощью вассальных монголов наносят удар по Селенгинску и Албазину. Обе стороны были долгой осадой сильно измучены и порешили, что китайцы уйдут, но и русские бросят крепость. Через год русские вновь отстроили крепость и поставили гарнизон в 800 человек. На них двинулись пять тысяч китайских солдат. Осада длилась пять месяцев, казаки стояли до последнего уже на руинах острога. Количество осаждающих достигло 10 тысяч, но взять Албазин им так и не удалось. По Нерчинскому договору 1689 года Забайкалье и Верхний Амур отошли России, но Приамурье тогда досталось Китаю. По Пекинскому Трактату 1860 года Уссурийский край был присоединён к России. В нём был выделен Приморский край (Шамбаров В. Казачество: спасители России).

жет сначала и косо на Вас смотреть будут, как и на всякого «столичного» в этих краях, но почувствуют, что Вы свой человек, без лишнего гонора, начнут уважать и станут хорошо относиться.

– Дай-то Бог, чтобы вместе мирно до Николаевского на Ялу до начала зимы добраться.

– А на досуге сходите в харбинский собор-гордость растущего города! *Свято-Николаевский собор заложен был зодчим Подлевским из самого Питера около двух лет назад. Тёмного дерева, словно шоколадный, храм этот – крестомобразно лежит на могучем подклете. Вологодской резьбой украшен – загляденье! Да и сам город уже своим размером почти полувековому Хабаровску не уступает. А всего-то Харбин У от силы год, со статусом города. В начале строительства Харбин представлял собой сплошное топкое болото, заросшее осокой и камышом с утками, куликами, бекасами. А знаете, какие дома добротные тут уже строят? Для административных чинов возводят особняки, а для рабочих и служащих механических мастерских одно- и двухэтажные прекрасные красно кирпичные домики на Пристанни попроще по устройству, чем новгородские, но лучшего и желать нечего. Получившие уже такое жильё окружают его садами и цветниками, стараясь не вырубать уже растущие деревья, во дворах у них сараи, летние кухни, ледники, коровники. Администрация КВЖД обеспечивает каждого сотрудника дороги казённой квартирой, что заманивает*

народ на работу в далёкую и опасную Маньчжурию. В начале меня тут поражало несоответствие цен. Например, за пустую бутылку манзы давали курицу, а побриться у парикмахера стоило до двух рублей золотом! Но всё меняется в лучшую сторону. Сам бы не против здесь осесть. Я не шушу! Неспроста наше продвижение в этих краях воскрешено славным графом Игнатьевым⁶⁵! Будущее за Дальним Востоком! – светлые глаза мечтателя с погонями устремляются куда-то вдаль, – Да только из Петербурга пришёл указ на эвакуацию наших войск из Маньчжурии... Кстати, Безобразов энергично настаивает на приостановке её.

Потом Иван Иванович расспросил Охотина об истинной причине столь не близкой поездки и Глеб не нашёл причин скрывать это от человека, подобного Стрельбицкому, и поведал ему о деле.

– Странно всё это. Какая-то прямо мистическая связь, противно всякой логике! Не случайность ли? Об убийстве управляющего на Ялу слышал, но без таких подробностей. Хунхузы на всё способны, но это уж слишком, как бы сказать... пикантно.

---

⁶⁵ Дипломат и панславист граф Николай Павлович Игнатьев (1832-1908) был генерал-адъютантом, военным атташе в Лондоне и Париже, послом в Бухаре, Турции в 1864-1877, министром внутренних дел в 1881-1882 годах. Прозорливый дипломат провёл решающие переговоры с Китаем, которые открыли новые возможности для России на Дальнем Востоке. Был возведён Александром II в графское достоинство. Его второй сын после 1905 года спасение видел в самодержавии по образцу первых Романовых. Он был изображён Репиным на картине Государственный совет и вскоре убит эсерами.

Из затянувшейся беседы выяснилось, что Иван Иванович оканчивал Николаевское кавалерийское, а когда Глеб сказал, что там учиться его младший братец, Стрельбицкий ещё больше расположился к Охотину. Полковник окончил по второму разряду и Николаевскую Академию Генштаба, приобретал практический опыт в Закаспийской области ещё в восьмидесятые, а в девяностые семь месяцев скитался по дёбрям тогда ещё совсем нехоженных бассейнов верхнего Сунгари, Ялу, Туманганга. Первым из европейцев увидел знаменитый кратер вулкана Пектусана с неопишуемой красоты озером. Но и за семь месяцев ему не удалось пройти задуманный маршрут: приближалась суровая зима. Хунхузы на них так и не рискнули напасть, побаиваясь отборного оружия, но свежие их бандитов попадались по пути не один раз.

– Самое неприятное в этих убийствах, что краснобородые не могут просто достойно сразиться, пусть даже с целью ограбления: в их повадках неминуема подлость, они способны на совершенно немислимые и ничем не оправданные жестокости. Мы видели, что они творят с оседлыми манзами и корейцами. Это не поддаётся описанию! Своими глазами видел зверски вырезанную деревню, в которой оставались одни лишь женщины с детьми. Их мужчины ушли на промысел. Некоторые трупы лежали заживо выпотрошенные. Другим отрезали конечности, языки, носы, а кое-кто висел, подвешенный за большие пальцы рук на потолке. Было видно, как они корчились, будучи связанными, перед тем, как

истекли кровью. Хунхузы мстили деревне за неуплату дани. Вы там, в столицах, и не ведаете того, что тут рядовая повседневность это борьба за существование в полном смысле слова. Часто с оружием в руках. И если нищий паупер-китаец становится хунхузом, в принципе понять можно и простить. Жизнь их ужасна. Если он мстит алчному чиновнику, тому же китайцу, то такого бы можно было отнести к весьма условному романтизированному разряду «благородных разбойников». Да только не видно их в этих краях, благородных. Всякое оправдание перечёркивает лютая жестокость, злодейство, какое трудно себе вообразить. Партизанявшие после Японо-китайской войны очень быстро переродились в таких же кровавых поддонков, а их ряды пополнила дезертирствующая солдатня. А браконьеры – их проводники, становящиеся тоже членами шайки. Это уже не люди. Хотя и у них бывают свои законы, которых большая часть придерживается. Например, запрещено грабить одиноких путников, женщин, детей и стариков. Старались не трогать и иностранцев, но русский люд тёмный, хлынувший в Маньчжурию со времён строительства дороги, перечеркнул это правило. Русское отребье манзы не жалуется. Понимают, что они им ровня. Казаков же побаиваются. КВЖД изменила здесь многое даже вооружение краснобородых, которое значительно модернизировалось. Ещё недавно у них преобладало холодное оружие, да пистонные и даже кремневые ружья. Произвол на Дальнем Востоке столь всеобъ-

емлющ, что известны случаи, как солидные коммерсанты поставляли хунхузам современное оружие, как некий Кайзер из Владивостока, продавший им в 1880-м партию американских винтовок.

– Наказали купца-то?

– Даже не знаю, чем дело кончилось. Кстати, резкое увеличение числа хунхузов на русской территории произошло в 1860-е, когда впервые возникли местные законы в Приморье, запретившие туземным манзам самовольную добычу золота, порубку дубовых лесов, произвольный пушиной промысел и тому подобное. Они были несказанно возмущены и начали уходить в леса, становясь грабителями. Другие озлоблялись на всех русских подряд и начинали избивать мирных жителей русских сёл. Вооружённые имперские силы в тех краях были тогда представлены считанными десятками солдат, не считая пока не организованных уссурийских казаков, которые и не были ещё таковыми, а лишь растерянными единичными семьями измученных переселенцев, мужчины которых составили Уссурийский пеший казачий батальон Амурского войска. Понятно, что все действия манз оставались безнаказанными. Их численность в тогда ещё первобытном Приморье заметно превышала таковую русских переселенцев с местными народами. Усмирить их впервые сумел лишь храбрый полковник Яков Дьяченко, кажется в 68-м году, подавивший произвол, затеянный старателями, получивший название Манзовской войны.

– В самом деле поразительно! А у нас там никто и не слы- хивал о таких событиях.

– Велика Империя, а ведь поезд лишь несколько лет как ходить стал. Ещё недавно добирались бы Вы сюда на лоша- дях месяца полтора-два от Иркутска...

– Ну а после Манзовской, поунялись хунхузы?

– Да не сказал бы... Почитайте *записки Пржевальского о его экспедиции по Уссурийскому краю в тот же год войны, об опустевших посёлках, разрушенных манзами уже после окончания кампании. Путешественник вынес оттуда край- нее предубеждение в отношении китайцев. Лет десять спу- стя, погранкомиссар господин Матюнин с казаками спалил форт нашедшего хунхузского атамана в глухой тайге. Я не преувеличиваю, называя это сооружение крепостью: ло- гово шириной в сотню саженей окружал частокол высотой больше двух саженей. Ворота имели двухъярусные башни! Как выяснилось, этот главарь был родственником мань- чжурского крупного чиновника и регулярно поставлял фу- дутуну пленников из разгромленных его шайкой мелких кон- курентов. Граница же тогда была совершенно прозрачна. После разгона китайскими властями нелегальных золото- добытчиков, так называемой Желтугинской республики*⁶⁶,

«Республика» эта возникла на Желтуге, притоке Амура, в 1883 году. Раздутая слава о новой Амурской Калифорнии прокатилась по всей Азии. Толпы старателей и авантюристов устремляются в Маньчжурию, где границы не кон- тролируются. Две трети из двух десятков тысяч старателей составили русские «горбачи» с опытом сибирских приисков. Для поддержания порядка на приисках

сотни краснобородых бежали в российские пределы. Ну а с тех пор, лютуют хунхузы лишь пуще прежнего. Законы свои, воровские, всё меньше блюдут. А морские хунхузы уже до Харбина по Сунгари добираются. И, специально созданная, Амуро-Уссурийская казачья флотилия им не помеха. Да, и такие есть хунхузы. Трудно разделять: есть ещё и «речные». Кто их разберёт. Берут на бордаж неуклюжие лодки русских купцов и китайские джонки. Да только это Вам, увы, не «морские гёзы»... Впрочем, и всякое зверство относительно. Слышал, что не так давно жил некий сердобольный индейский вождь, который никогда не снимал полные скальпы для своей коллекции, но предпочитал обходиться лишь крошечным кусочком кожи с макушки, то есть давал шанс побеждённым выжить. Только не подумайте, что я сравниваю индейцев с хунхузами – и мысли такой нет. Одни – честные воины, борцы за свою свободу, а другие – кровавые ублюдки.

– А если индейцу и вовсе лысый попался? – попробовал

был избран некий Карл Карлович в качестве «правительства», которое начало карать за разбой и воровство. За подделку золота, кражу, пьянство, мужеложство и стрельбу в посёлке полагалось линчевание либо порка кнутом со вплетёнными гвоздями. После этого, добытое оставляют в незапертой лачуге – воровства не стало. Проституток в «столицу» поначалу не пускали, но потом разрешили, и их приток стал огромным. Карл начал создавать «армию» из наёмных хунхузов. Имелась православная молельная с беглым каторжанином из семинаристов. Через три года процветания цинские войска разгромили Желтугу, перебив всех китайских подданных, а российские всё бросили и бежали за Амур (Ершов Д. Хунхузы: необъявленная война).

отшутиться Глеб, – А каковы размеры банд краснобородых?
– От нескольких головорезов и до сотни-другой. Чаще всего – человек до сорока. Большему числу тоже не просто в лесах скрываться.

Потом Стрельбицкий рассказал и подробности своей экспедиции и о своих предшественниках на севере Кореи – Джеймсе, Фулфорде и Янгхасбэнде, а за ними и о пути экспедиции Звегинцева:

– Кстати, русская экспедиция не имела права мыть золото в Корее, а лишь проводить географические исследования и мы это свято выполняли.

– А Вы лично знакомы со Звегинцевым?

– Встречал в этих краях его. *Экспедиция Александра Ивановича началась через два года после окончания нашей. Впечатление Звегинцев производил бравое. Окончил некогда Морское училище, но служил во флоте недолго и, вдруг, подался в кавалергарды. Звегинцев лично проводил все астрономические наблюдения в ходе работы экспедиции. Есть одна странность во всём этом. Был в рядах экспедиции ещё и некий Михайловский, ставший публицистом и даже известным литератором. Подписываться он стал «Гарин-Михайловский». Возглавлял он одну партию Звегинцевской группы, но почему-то, в своих*

заметках, описал всё так, что имя Александра Ивановича не звучит вовсе. Словно и не было у них начальника экспедиции. Надо признать, что партия Михайловского имела

самостоятельное задание, действовала независимо, но всё же не слишком любезно, так описать. Вынужден признать, что этот Михайловский сразу мне чем-то не понравился. Слишком уж либерален, что ли. Наверное, в силу этой особенности, Михайловский недолюбливал Звегинцева, как известно, – представителя древнего рода, известного с шестнадцатого века. Сам вид щёголя Звегинцева в добротном тирольском костюме и белом пробковом шлеме с чёрной вьющейся бородкой – олицетворение колонизатора. При этом сам Звегинцев отнюдь не из числа стойких монархистов, вроде меня, и весьма либерально настроен. Казаков Михайловский недолюбливал и был нелюбим взаимно. Но, следует признать, что браваый инженер-путеец-литератор весьма отважен. Попадал в нештучные переделки с краснобородыми. Впрочем, мало что знаю о путешествии его партии. Читал записки Михайловского, по ним и сужу. Под его началом, кроме техника Борминского и десятника Пичникова, было ещё трое отставных русских солдат – людей бывалых и умевших прекрасно обращаться с оружием. У Михайловского были также переводчики с корейского и с китайского: русский кореец Ким, учитель, и некий подданный Китая, которого русские звали Василием Васильевичем. Иногда Михайловский нанимал ещё и местных корейцев в качестве проводников. Багаж экспедиции, включавший запасы провианта, в начале путешествия был настолько велик, что для его перевозки понадобилось ещё и три арбы с быками, помимо

многочисленных лошадей. После нападения хунхузов, лошадей у них осталось мало и пришлось бросить почти весь багаж. Михайловский особенно сожалел о потере «великолепных постелей». Комфорта, как видите, хватало. Гарин делал лишь пробы на содержание золота, то есть – не мыл, а пробовал... Слышал, что Звегинцев уж года два, как вышел в отставку и поселился в своём воронежском имении.

– Премного Вас благодарю, мне, наверное, пора. Да и Вам уж подобало бы ко сну, наверное, – смущаясь молвил Глеб, опуская часы в карман.

– Пора, конечно, да только Вы оставайтесь ночевать у меня, а то завтра надо будет очень рано выйти, чтобы казаков на месте застать. Да и гулять по городу в темноте без нужды не очень желательно.

С рассветом, за чаем, полковник Стрельбицкий ошарашил гостя:

– Лежу вчера и пытаюсь уснуть. Чувствую, что какая-то мысль подспудно лезет в голову и никак не может родиться. Сосредотачиваюсь и вспоминаю кое-что не о Желтугинской, а другой не признанной «республике». Один раз мне показывали банкноту, якобы выпущенную для внутреннего пользования в старательской «республике» Цзяпигоу, что вроде Желтуги, выросшей в истоках Сунгари. Там краснобородые заправляют всем. Так вот, помимо соболя и лосося, изображённых на ней неумело, там было нечто очень странное. Сейчас я уже совсем уверен в том, что это была косточка

персика, ведь она достаточно характерна и спутать с чем-то иным её сложно...

– А когда Вы видели банкноту, и когда она была выпущена?

– По-моему, показали мне месяца три назад. Когда именно деньги намалевали, сказать не могу. Но уж больно явная косточка была, как сейчас вижу... *Вообще-то Цзяпигоу означает «Соболиная падь» и поначалу была местом сбора охотников. Уже в 70-е годы туда прибыло с десятков тысяч старателей. Некий Хань Юйбяо ввёл там свои законы и порядки, чем нарушил заповедь хунхузов и позволил своим жёнить, чтобы привязать их к Пади, создал «армию» под руководством отставного немецкого офицера. Лет пять назад они успешно разгромили китайский правительственный отряд, посланный разогнать нелегальную добычу золота. Имеют они и пушки... Недавно Юйбяо сменил его внук Хань Дэнцизюй. Около двух лет назад хунхузы Хань Дэнцизюй приняли к себе преследуемых русскими китайских солдат, участников «боксёрской заварушки», и убили двоих русских подданных, после чего на Падь были брошены отряды генералов Ренненкампа и Фок⁶⁷, но оба потерпели неудачу, попав в окружение в тайге. Вскоре Хань Дэнцизюй сдался в плен генералу Каульбарсу, а Фок дошёл до «столицы республики»,*

---

⁶⁷ Оба генерала печально прославились: Фок – чуть ли не изменой в Японскую, а добросовестный, но не владевший методами ведения новой войны Ренненкампа – неудачами в Первой Мировой.

Золотого Лагеря, и рассеял хунхузов. Сама же «республика» преспокойно существует и по сей день... Но, нам пора идти.

Навстречу им шёл по улице уже знакомый по вокзалу офицер стражи, при той же папахе с кокардой развернутой на затылок.

– Гм, похоже, что этот тип не случайно одел папаху наоборот, – обратился к спутнику Глеб, – я его и вчера приметил, подумал, что он по ошибке.

– Не удивляйтесь. Все казаки «гвардии Матильды» носят фуражки и папахи задом на перед. Дело в том, что кокарды и петлицы их додумались украсить жёлтым китайским драконом, ну а сами понимаете, «змея басурманский» не может быть лоб казаку нашему. Тем паче, уральцу. Заявили: «так что иначе не желАм!» и всё тут. Так и носят, зная, что за спарывание кокард их могут назад отправить уже по этапу. Говорят казачки, что мол, «печать антихристову не на затылок, а на лоб ставят, стало быть на затылке можно».

– Ясно. Но почему же «Матильды»?

– Матильда Ивановна это супруга господина Сергея Юлиевича Витте, как бы отца КВЖД. Кадровые военные иронизируют таким образом. За этим кроется наша зависть, ведь стражники получают более крупное жалование и вооружены получше. А служат в страже тоже далеко не последние из офицеров: и Александр Гучков и Лавр Корнилов и Антон Деникин, а командует знаменитый полковник Герн-

*гросс*⁶⁸. *Руководит КВЖД сам генерал Хорват.*

В очередном встречном из рядовых стражников Глеб заметил ту же особенность: его фуражка с медной овальной кокардой была развёрнута козырьком назад. На кокарде красовался дракон.

– Здравия желаю, Вашескородье! – встретил Стрельбицкого басом коренастый крепко сбитый мужик с бородой лопатой в пёстрой ситцевой рубахе навыпуск, который выпрямился в струнку, показывая военную выправку. Одевать форму стражника в свободные дни казаки избегали, а на территории Кореи не имели право её использовать.

– Вот и наш Олсуфьев, – отдавая честь, представил Глебу казака Иван, – ну а где друзья наши Кунаковсков со Смоленко, урядник Олсуфьев? Надо бы помочь нашего гостя на Ялу забросить. Справитесь?

– Отчего же нет, Вашескродь! Мы тут артель Шкоро поведём туда, вот заодно, милоШти просим, и барина доШтавим! – отвечал урядник, выговаривая букву «эс», в некоторых случаях, на уральский манер.

---

⁶⁸ Гернгросс Александр Алексеевич (1851-1925) имел дворянское происхождение, образование получил в Смоленской гимназии. Окончил Рижское пехотное юнкерское училище. Участник Русско-турецкой войны 1877-78, где был контужен и стал штабс-капитаном за боевые отличия. Председатель комиссии по проверке имущества Закаспийской железной дороги. Командир Геок-Тепинского резервного батальона (Туркмения). Главный начальник Охранной Стражи русской железной дороги через Маньчжурию 1897-1901. Участник подавления Боксёрского восстания 1900 года. За оборону Харбина награжден орденом Святого Георгия.

– Да какой-же я барин, Олсуфьев, я простой служащий, Глеб Гордеевич Охотин, – смутился служитель Московского сыска.

Через несколько часов были найдены двое других казаков, и Стрельбицкий представил им всем Глеба, как своего московского друга. Из забайкальцев родом, влившийся в молодое Уссурийское казачество, Кунаковскос оказался мелковатым, но очень жилистым малым лет под сорок с обветренным смуглым широким лицом с узким разрезом глаз и мясистым веком жителя Сибири, а кубанец Смоленко, будучи несколько помоложе, выглядел рядом с ним сущим великаном, но с некоторым избытком жирку. Но и он немного уступал ростом огромному Охотину Второму. Было заметно, что все трое «матёрых дальневосточника» относятся к своему бывшему начальнику с глубоким почтением, которое в некоторой степени перенесли на Охотина.

– Не извольте беспокоиться, Вашскродь, гоШподин Охотин будет в Шрок на Ялу доставлен в целоШти и сохранности, – отчеканил за всех Олсуфьев, бывший за старшего, – А выходит артель, которую мы охранять по Штавлены, Господь даст, через два дня. Вот только продукты закупают, да упакуют – и вперёд.

– Посоветовал бы Вам, Глеб Гордеевич, приобрести новинку, доступную здесь – многозарядный карабин системы Маузера. Если, конечно, средства позволяют – не дешево. Очень может пригодится, – сказал на прощание Иван Ива-

нович, протягивая сухую руку.

Охотин сердечно распрощался со Стрельбицким и тремя казаками. Листья мелких и чахлах деревьев начинали еле заметно уставать от долгого лета и незаметно желтеть. Вернувшись в гостиницу, Глеб застал телеграмму от Стефанова. Один из сотрудников его коллеги в Вильно, разбирая старые дела, зная уже о «персиковых загадках», обнаружил в описании места преступления при очень дерзком и крупном ограблении банка пять лет назад, преданное забвению упоминание о «сухой косточке, кажется персикового дерева», найденной на полу здания банка.

6. Священник в либеральной гостиной госпожи Третнёвой

«В России всё секрет и ничего не тайна».

А. де Сталь-Гольштейн

– А вы слышали, господа, чем закончилась, так называемая очередная «беременность» Её Величества? – звонким до писклявости голосом обратилась молодящаяся Ольга Сергеевна Третнёва к собирающимся гостям.

– Так, чем же именно? – оживились гости.

– Ровным счётом ничем. Говорят, её и не было вовсе.

– Ваша осведомлённость просто настораживает, Ольга Сергеевна! – сказал грузный господин в черепаховом пенсне

НИЗКИМ ГОЛОСОМ.

– «В России всё секрет и ничего не тайна». Это ещё мадам де Сталь⁶⁹ заявила, – рассмеялась хозяйка салона, – Из высшего света просачивается сплетня, что родился урод и пришлось его придушить.

– А вы слышали, что сам господин Половцов⁷⁰ назвал всю эту историю «постыдным приключением императрицыных лжеродов»! – вставил толстяк, – Народу необходимо было объяснить куда же делся младенец, ну и написали в «Правительственном вестнике», что беременность завершилась выкидышем.

– Как бы Половцеву за такое резко не понизиться в долж-

---

⁶⁹ Анна-Луиза Жермена баронесса де Сталь-Гольштейн (1766-1817) – блестяще образованная французская писательница очень популярная в светском обществе. Бежала во время революции в Англию. Потом приглашена назад, но составила оппозицию Наполеону и вновь выслана. Жила в Германии и Италии. После разгрома Бонапарта возвратилась в Париж. Описала историю революции.

⁷⁰ Александр Половцов-Младший был в то время Государственным секретарём. Половцов-Младший (1867-1944) – дипломат, этнограф, ориенталист, имел крупную коллекцию антиквариата. Сын члена Государственного совета. Офицер лейб-гвардии Конного полка. В 1896 году – чиновник особых поручений МВД, командирован в Ташкент для изучения состояния и задач переселенческого дела в Средней Азии и Закавказье. Перевелся в МИД. В 1906-1907 годы генеральный консул в Бомбее. Потом несколько лет посвящает развитию тяжёлой промышленности на Урале, чем много способствовал общему усилению потенциала отечественной металлургии и поднятию благосостояния местного населения. Член Совета Дома призрения душевнобольных учреждения Императора Александра III. В 1917 году директор Музея и художественной школы Штиглица, член художественной комиссии по Гатчинскому Дворцу. В 1918 году пешком переходит границу с Финляндией и перебирается во Францию.

ности... – ехидно-елейным голоском пропел кто-то за роялем в углу.

– Наш директор Повивального института, лейб-акушер, консультант и профессор по женским болезням при Клиническом институте Великой княгини Елены Павловны, доктор медицинских наук и действительный статский советник – каково звучит – господин Дмитрий Оскарович Отт, наверное уже на пути глубоко вниз по служебной лестнице, – усмехнулось черепаховое пенсне.

– А ещё говорят, господа, что Департамент полиции велел исключить слова о рождении «неведомой зверушки» из оперы «Царь Салтан»! – с глумливой улыбочкой, сверкая монотонно, вставил Кока Врангель, заходясь желчным смешком – уже самого Александра Сергеевича пытаются отредактировать⁷¹.

– Ах, Кока, Вы неисправимы! Ну как так можно! Государыня старается принести нам Наследника... – несколько наиграно-жеманно воскликнула хозяйка.

– Уж так старается, что пополнила ряды, не хотел употреблять слово это – дармоедов, великих князей, то бишь – княжон, четырьмя дочерьми-с, – голос из тёмного угла за роялем, – да всё на плечи русского народа-с.

– Вы бы, всё же, полегче, сударь, – насторожилась хозяйка салона, – не ровен час – из университета Вас, да с волчьим

---

⁷¹ В самых разных слоях общества появилось множество слухов, что царица родила уродца с рогами (Зимин И. Детский мир императорских резиденций).

билетом...

– Да какой может быть ещё Наследник, когда первую дочь, говорят, тянули щипцами, а с тех пор Александру Фёдоровну, всё чаще, видят «в креслах»⁷², да лет-то ей было сколько? Года двадцать три, не больше, а здоровья уже и тогда не хватало, – черепаховое пенсне блеснуло отражением свечей на столе, – А когда помер чахоточный Георгий, у нового потенциального наследника по великокняжеской линии, волею монарха отняли титул Цесаревича из суеверных соображений. Года полтора назад начали прорабатывать юридическое обоснование для обхода закона и возможной передачи власти старшей дочери Николая Александровича.

– В осмнадцатом столетии будто-бы баб-с на троне мало им показалось, – вновь голос Коки.

Белые ночи отошли и, несмотря на ранний час, старый слуга госпожи Третнёвой уже зажигал свечи по многочисленным канделябрам и подсвечникам. Когда собирались гости, хозяйка предпочитала их электричеству.

– Тут-то и полезли изо всех дыр шарлатаны, берущиеся помочь с рождением Наследника. И если свои подданные дают советы бескорыстно, то иностранцы – отнюдь нет. Так возник при Дворе этот коротышка Филипп⁷³. А вы знаете,

---

⁷² Имеется в виду инвалидная коляска. Великосветские грязные сплетни окончательно расстраивали здоровье царицы.

⁷³ Филипп Незье-Вашо из Лиона бросил медицинский факультет. Обнаружив в себе способности гипнотизёра и бывал привлекаем к уголовной ответственности за медицинскую практику. Ему удалось вылечить сына Милицы (Чер-

господа, насколько Государь подвержен влиянию собеседника, вот и получается, что после Николаши с Черногоркой, на Ники⁷⁴ начал влиять и этот галльский проходимец, – разговорился человек лет пятидесяти в строгой тройке и с бородкой клинышком, с насмешливым взглядом несколько выпуклых глаз из-под пенсне в металлической оправе.

– Позвольте, Фёдор Измайлович, а не из логи ли мартинистов этот Филипп? – спросила Ольга Сергеевна.

– Именно так, Ольга Сергеевна, именно так оно и есть. Собственно говоря, я ничего не имею против всех этих лож, но этот тип появился совсем некстати. И никакие старания Сергея Нилуса⁷⁵ не подействовали на их твёрдое убеждение в ниспослании этого французика Свыше. Как-бы такие убеждения не зашли слишком уж далеко...

ногорки номер один), супруги Великого князя Николая Николаевича, что дало ему шанс быть представленным императорской чете, которая поверила авантюристу. Когда родился Алексей, царская чета оказалась глубоко убеждённой, что в этом помог Филипп, что предопределило появление местных юродивых, влияющих на царицу и, через неё, на царя (Илиодора, Мити Козельского и, наконец, Распутина), что в конечном счёте, пагубно отразилось на репутации императрицы и всей Семьи (Зимин И. Детский мир императорских резиденций).

⁷⁴ В семье Романовых Николашей звали Великого князя Николая Николаевича, а царя в более тесном кругу, всё ещё звали Ники.

⁷⁵ Своими «Протоколами сионских мудрецов» Нилус, в частности, пытался предупредить влияние на трон мартинистов в лице Филиппа Незье-Вашо и второго шарлатана – Папюса, через свою жену – фрейлину императрицы-матери. Возможно, что труд его и возымел действие, в конечном счёте так как царская чета пререклужилась на доморощенных авантюристов.

– Или, напротив, господин Родичев⁷⁶, Филипп появился очень кстати, чтобы лишний раз показать чего стоит весь этот Двор без парламента, – оживился молодой человек в оловянных очках с копной кудрявых нечёсанных волос, похожий на засидевшегося студента-неудачника.

– Ох, как радикальна наша нынешняя молодёжь! – рассмеялась Ольга, – а не опасаетесь, что Приказ тайных дел... Тайная канцелярия⁷⁷ Вами заинтересуется?

– Француз смекнул, что его репутация тает на глазах, поскольку Наследник, так не появился на свет, а лейб-акушер заявил, что беременность, патронируемая «святым Филиппом» вовсе не являлась беременностью как таковой. Кстати это, господа, последние новости Двора. Так вот, что самое поразительное, после всего этого, императрица не потеряла доверия к Филиппу! Многие полагают, что в этом-то и скрывается истеричность её натуры, – хитро прищурил свои глаза навывкате Родичев.

– Позвольте, сударь, а как удалось вышеупомянутому французу проникнуться таким доверием? Не обладает ли он талантом медиума? – неожиданно заговорил с монотонной интонацией, молчавший до сего момента, неприметный

---

⁷⁶ Фёдор Родичев (1854-1933) был из крупных помещиков и представителем тверского земства, а также активный деятель Союза освобождения, Союза земцев-конституционалистов, член Думы созывов 1906-1917, главный оратор партии кадетов и противник Столыпина.

⁷⁷ Третнёва назвала с иронией Особый отдел Департамента полиции на манер XVII, а затем и XVIII веков.

светлый господин в шикарном модном летнем двубортном костюме для прогулок.

– Совершенно верно, сударь, именно на своём магнетизме Филипп играл ещё будучи у себя в Лионе.

– Наверное, Государыня очень подвержена магнетизму? – погружённый в себя взгляд неприметного господина несколько оживился.

– Так говорят люди сведущие, сударь.

«Откуда взялся этот тип, – подумала Ольга, – не по душе он мне, уж не знаю и чем. Есть что-то недоброе во взгляде его тусклых бесцветных глаз и манере говорить. Кажется он представился, что он – друг Петра Бернгардовича⁷⁸, который не смог сегодня прийти и давно звал его с собой. Странно, не вяжется он с другом этого учёного. Даже не помню его имени, а свой визитный билет он забыл дома... Самое заурядное имя, как и внешность. И зачем-то приволок с собой целую корзину отборных персиков. Хочет показать широту души, или полноту кармана? У самого взгляд как у медиума. Бросается в глаза лишь то, что он отказывается от мясного и нахваливает принципы вегетарианства. А так – ни песен, ни сказок».

– Парижем уже овладела мода на восточные краски и мотивы. Медиумы с восточным оттенком очень даже уместны и

---

⁷⁸ Пётр Струве (1870-1944), сын пермского губернатора и внук известного астронома. До 1900 года был вовлечён в марксизм, а после этого стал умеренным либералом и кадетом. Не принял большевизм и был до конца с белыми Врангеля в Крыму.

на берегах Невы, – продолжил гость в костюме для прогулок.

– Восток Европе не понятен и понят ею быть никак не может. Такого моё мнение, сударь, – вставил своё слово Кокка, уминая за обе щеки сочный розоватый персик из корзины, который он, противник великосветского жеманства и излишне хороших манер, разрезал всего на две половины.

– Ну есть и исключения среди европейцев, можете быть покойны, молодой человек, – слегка усмехнулся блондин.

– А правда ли, что Вы, Фёдор Измайлович, отправились в последнюю Турецкую на защиту сербов? – неожиданно спросил нечёсанный студент.

– Было такое. Летом 1876-го отбыл я волонтером за Дунай отыскивать свободу. Всё мне тогда мерещились Лафайет да Костюшко⁷⁹ повсюду. И считал я тогда, по молодости, что дело свободы славянской есть дело свободы русской.

– А теперь Вы, надеюсь, пришли к тому, что душа славянская есть душа рабская и её требуется пробудить? Что без европейского примера ей не проснуться?

– Экий Вы максималист, молодой человек! – устало усмехнулся Родичев, – Хотя ничего нового Вы не заявили в этих стенах. Ведь так считали ещё декабристы, хотя и выражали своё отношение к народу в более пристойной фор-

---

⁷⁹ Костюшко (1746-1817) – борец за независимую Польшу, шляхтич. Участвовал в войне за независимость Америки, а в 1794 году организатор восстания в Польше. Павел I освободил его из заточения. Александр I отнёсся к нему с чрезмерным почтением, но благодарности не получил.

ме. Но и они хотели лишь управлять этим народом, а не давать ему власть. Их последователи, ещё четверть века назад, стали уж и вовсе молиться на народ, а потом пошёл раздробой, который мы имеем в нынешней России. И чем всё это закончится? Одно лишь очевидно, что без конституции будущего у нас нет. *Недавно на московской квартире Дмитрия Николаевича Шипова⁸⁰ на Собачьей площадке имело место нелегальное общеземское межгубернское совещание с участием около пятидесяти представителей от большинства земских управ.* Какое гражданское мужество! Но главный недостаток позиции Шипова – отрицание всеобщего избирательного права.

– А не кажется ли Вам, Фёдор Измайлович, что и конституционная монархия не может быть самоцелью, а лишь переходным этапом к полной республике? – не унимался студент-неудачник, приобретавший лихорадочный блеск в черноте своих глаз.

– Полноте, «республике»! – пропел Кока, – Не в ней ли кроется самый утончённый обман народа? Она есть «дьявольское измышление», если верить нашему обер-прокурору «Великого Синода».

– Не забывайте, что само слово «самодержец» историче-

---

⁸⁰

Дмитрий Шипов (1851-1920) один из лидеров земского движения, отражавшего стремление дворянства к большей политической самостоятельности. Славянофил и толстовец, он выступал за народное представительство в правительстве, но против всеобщего избирательного права. Его брат, Николай, был наказным атаманом Войска Донского.

ски значит только одно: «не-данник, суверен». Оно вовсе не значит, что царь всё делает «сам как хочет», что может показаться на поверхностный взгляд. Самодержцу не ставит границ другая земная власть, и он не может быть поставлен пред земным судом, но над царём православным домокловым мечом всегда суд собственной совести и Божий суд! – вдруг быстро и страстно заговорил, хранивший долгое время молчание, впервые приглашённый сюда как «прогрессивный служитель Церкви и философ», некий отец Виссарион Благовещенский из Москвы. И замявшись, не решаясь вымолвить «дети мои», – Таким образом, ...господа, при всём моём скептическом отношении к нынешнему правительству, никак не могу одобрить власть избирательную и продолжу мысли господина Победоносцева о том, что монарх проводит реформы, но те, которые действительно назрели. Он не бросается опрометью в авантюры, лишь бы не упустить власти. Честолюбие же избранного избирателями обострено: ведь надо насытить его в отведённый срок! Избирательная кампания, по сути – фейерверк изощрённой лжи! Наш обер-прокурор мудрый человек.

– Bravo, отец Виссарион! – восклицает Кока, щедро подливая себе шампанское. И, несколько смутившись, под взором очаровательной хозяйюшки, – Не хотите ли освежить свой бокал, милая Ольга Сергеевна?

– Сами подумайте, господа, как можно дать голоса люмпенам, или просто юнцам? Ведь при республике убелённый

сединой имеет столько же прав и влияния, сколько безусый юнец? Подобная упорная тяга ко всеобщему равенству есть лишь примитивный самообман, и республиканцы его умело эксплуатируют. Что говорить о России с её доверчивым броским посулам народом! – не может успокоиться священник с выражением душевного надрыва в страстных глубоко посаженных глазах на худом ещё не старом лице.

– Полностью Вас поддерживаем, отец Виссарион! – улыбается Родичев, – но парламент нам, всё же, необходим.

Наступает затянувшаяся пауза.

– А как же случайность рождения, отче? – последовал ележный голос из-за рояля.

– Но существует и удачность рождения, – попытался отрезать священник.

– Ну уж нет, слишком велик тут риск... – усмехнулся лохматый студент.

– А выдающийся самодержец на троне? Может ли он сравниться с трясущимся от мысли о перевыборах республиканским правителем? Пусть даже и средних способностей самодержец. Ведь он не нуждается ни в чём, он обладает всем о чём мечтают алчущие власти, монарх не замазает себя поступками недостойными в погоне за богатством и властью! Смутное время лишний раз показало, что лучше уж самый посредственный самодержец... – продолжил отец Виссарион приятным слегка поющим старомосковским говорком.

– Это как сказать. Возьмём пример Филиппа Красивого.

Как известно король этот позавидовал богатству тамплиеров и пошёл на процесс с подлогом, чтобы отнять их золото. Если покопаться...

– Вы, наверное, изучаете историю, молодой человек. Но короли Западной Европы отличаются от самодержцев все-российских, прежде всего отношению народа к ним. Они не святы. Спорить с Вами я не стану. Не может быть ничего прочнее союза самодержавия с земством для России. Но даже земство стало у нас вырождаться в конституционалистов. Не исключаю, что Вы знаете больше моего, но я чувствую истину душою.

– Так может заявить любой...

– Ну полно! Пора сменить тему, – настояла Ольга, – Согласитесь, отец Виссарион, что конституционная монархия позволит нам сохранить саму традицию, русскую идею.

– Тут Вы глубоко ошибаетесь, Ольга Сергевна, – печально ответил Виссарион и отмахнулся от попыток продолжения дискуссии.

– А что вы думаете, господа, о Неплюеве⁸¹? – как бы по-

---

⁸¹ Николай Неплюев (1851-1908) из древнего рода боярина Андрея Кобылы – христианский мыслитель, духовный писатель, педагог и социальный практик. Окончил Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета и был направлен на дипломатическую службу. Служил советником при русском посольстве в Мюнхене, вёл великосветскую жизнь и имел блестящие перспективы для развития своей карьеры. Такая жизнь совершенно не устраивала Николая. Однажды ему приснился сон, в котором он ощутил себя в своём родном имении, среди крестьянских детей, и почувствовал, что его призвание состоит в том, чтобы сделать их счастливыми. Он без колебания оставил блиста-

слушавшись хозяйку, тут же спросил студент с хитровой усмешкой.

– Николай Николаевич – это особое явление на Руси, – важно заметил Кока.

– Естественно, молодой человек, что особое, ежели он из рода боярского, давшего Шереметьевых, Колычёвых и самих Романовых, это Вы очень даже верноподданнически подметили, – бросило пенсне с ехидцей.

– Но человек, похоже, святой, – тихо молвил отец Виссарион, – *своими трудами праведными уже в 80-е создаёт у себя на Черниговщине детский приют для одарённых крестьянских детей-сирот, открывает в Воздвиженскую мужскую сельскохозяйственную школу, а позже и Преображенскую, женскую.*

– Каков каламбур! – вновь голос Коки, – «Женская-преображенская». Тогда уж и тот полк бы сделать женским...

– Сам туда ездил и видел своими глазами, – не обращая внимания на комментарии, продолжил Виссарион, – *в при-*

тельную карьеру и посвятил себя этому делу. Готовя себя к этой миссии, он поступает вольнослушателем в Петровскую земледельческую академию, где получает фундаментальные экономические знания и обстоятельно знакомится с православной литературой. Трудовое братство его входило в состав международных гуманитарных ассоциаций: в Лигу мира, Союз единения, Англо-русский союз, Детскую лигу. В 1915 году его принял под свою эгиду Международный Красный Крест. Поначалу Братство рассматривалось Советской властью как пример коммуны, но вскоре начались репрессии и его превратили в колхоз, а с 1929 года на месте Братства основана колония для особо опасных преступников (Фурсей Г. Истинно русский дворянин, занимающийся истинно дворянским делом).

юте воспитывалось уважение и радостное отношение детей к труду. Любой труд считался достойным и равнозначным, вне зависимости от того, труд ли это учителя, работа ли в поле, или прачки. Питание у них добротное и здоровое, православные посты выдерживаются, всем обеспечено лечение. Братство брало на себя и обязанность обеспечения тихой старости братчиков.

– Идиллия... Но как же это так, отец Виссарион? Православная церковь, как известно, официально не одобряет начинания Неплюева, а Вы его лично посещаете, – удивился Родичев, расскажите-ка поподробнее.

– Потому и сажу сейчас здесь, в этом доме, пытаюсь что-то понять о нынешней политике, узнать течение мысли столичного света, с тем, чтобы критиковать такое мнение отцов церкви в дальнейшем. Или – наоборот... *Вижу слабое место у Неплюева в том, что в отличие от истинного православия, под христианкою любовью он понимает не настроение сердца, но дела внешние... Господь судья ему. Неплюев даже ездил для получения благословения к отцу Варнаве, знаменитому старцу Троице-Сергиевой Лавры, а это, надеюсь, о чём-то вам говорит. Дело «Трудового братства» было поддержано самим Иоанном Кронштадтским, который назвал Неплюева «истинно русским дворянином, занимающимся истинно дворянским делом»! Отец Иоанн также сказал Неплюеву: «Пошёл за Христом, нельзя, чтобы не гнали, не злословили, не ненавидели за имя Его. Радуйся тому.*

Это доказательство, что ты служишь делу Божию, а не делаешь дело человеческое. Терпи!» Это только те служители Церкви, о которых я слышал... Не только вечно сомневающаяся интеллигенция, но и крестьяне окрестных деревень к Братству относятся с большим недоверием. Ни те, ни другие не могли поверить в бескорыстность намерений Неплюева, мол: «хоть на поверхности это и не видно, но уж какую-нибудь выгоду он наверняка имеет». Интеллигенции, как известно, свойственно придавать религии субъективный привкус. «Первое трудовое братство» сменяет название на «Крестовоздвиженское трудовое православное братство». Был утверждён Устав его, как основа юридической и экономической самостоятельности братства. Николай Николаевич Неплюев долго добивался и получил Высочайшее соизволение на утверждение Устава Александром Третьим лет семь назад. Идеи Неплюева одобрили Владимир Соловьёв⁸², славянофил Хомяков и даже Лев Толстой, а также зарубежные общества. Хотя, одобрение Толстого, Соловьёва и, особенно, «зарубежных обществ» вызывают у меня настороженность. Но если Лев Толстой, несмотря на все его заслуги в прославлении русской литературы, воинствующий еретик, а Соловьёв и того хуже, то даже Розанов и

Владимир Соловьёв (1853-1900), сын знаменитого историка, философ и богослов, поэт и публицист, литературный критик и почётный академик по разряду изящной словесности. Стоял у истоков русского «духовного возрождения». Оказал влияние на религиозную философию Бердяева, Трубецких, Флоренского. Склонялся к своего рода унитарству и сектантству.

Мережковский уже помягче – заблуждающиеся. К такому же отношу и господина Неплюева. Нынешнее богоискательство и повальные заблуждения, рост сектантства всё же лучше, чем холодное равнодушие интеллигенции прошлого века к вопросам церковной жизни и к вере вообще. Нет ничего хуже равнодушия.

Церковная жизнь оживилась, пусть даже союз нынешней интеллигенции и Церкви так и не состоится. Важно, что с обеих сторон уже приложены к тому усилия и не последний раз⁸³.

– Ещё бы! Еретик Толстой! – донеслось глумливо из-за рояля.

– Не столько наш любимый самоуверенный и заблуждающийся писатель-патриот, сколько убеждённый униат Соловьёв и какие-то международные силы настораживают... – ответил с паузой священник, ещё глубже уходя в самого себя взором, затерявшимся в глубоких глазницах.

– Соловьёв, по словам Анны Шмитд – само воплощение Христа, а она, то есть – Шмитд, при этом – Душа Мира, ни больше ни меньше, – усмехнулся Кока.

---

⁸³ Имеются в виду общественные диспуты служителей Церкви с представителями интеллигенции, организованные четой Мережковских с позволения Синода. К сожалению всё это окончилось небывалым отчуждением интеллигенции от Церкви – принципиальный отход от православия по соображениям совести, подогреваемый левой пропагандой. До этого интеллигенция хотя бы имела формальную воцерквлённость в качестве уступки народным традициям. Тяга к вере остаётся, но отходит от вектора православия.

– А вы слышали, господа, что наш Василий Алексеевич⁸⁴ провёл своё первое судебное разбирательство по просьбе Толстого, с которым был знаком лично? Защищал он обвинявшегося в «совращении в раскол» и в «кошунстве». Также, по просьбе Льва Николаевича, защищал «толстовца» Фельтена, обвинённого в хранении запрещённых сочинений Толстого. Потом доводилось ему представлять интересы обвиняемых на ряде вероисповедных процессов, в том числе в деле «сектантов-бегунов», обвинявшихся в ритуальном убийстве. И добивался повсюду адвокатского успеха! – округлил рот Родичев.

– Уверен в том, что доживи Фёдор Михайлович Достоевский до славы Братства, он бы его одобрил, – продолжил священник, – *Всех членов Братства Неплюев разбил по профессиональным склонностям на «братские семьи»: семьи учителей, хлебопашцев, молочников и так далее. Важнейшим принципом распределения доходов в Братстве стало всеобщее равенство. Все, вне зависимости от занимаемой должности, получают равную долю дохода на свои счета. В Братстве есть и своя электростанция и телефонная связь, а их урожаи в два раза превышают соседние хозяйства. Год назад Неплюев решил, что Братство встало на ноги и пере-*

Василий Маклаков (1869-1957) из дворян Московской губернии – известный адвокат и левый политический деятель. Крупный масон. Член Думы II, III и IV созывов. Брат его Николай был, напротив, убеждённым монархистом и членом Государственного Совета, временно побывал и министром внутренних дел.

дал ему в дар всё своё огромное состояние! Опыт Неплюева уже изучается в Сорбонне! Уж этот-то факт вас здесь должен покорить?

– Да они там ну просто социалисты какие-то, – усмехнулся Врангель, – И Вам это по душе? Идея-то не нова, а ещё с душком первых христиан, да апостолов.

– До сих пор я не могу высказать моего отношения. Оно мне самому не ясно...

– Вы, кажется, житель Первопрестольной, отец Виссарион, Вам виднее, что у вас там на юге творится, – примирительно сказал Родичев, – А Лев Толстой и сам создал в своей Ясной Поляне нечто подобное Неплюевской общине. Complimentами Неплюеву он оправдывает и себя заодно.

– Братство начало умножаться, – спокойно продолжил священник, – *и численность его уже достигла нескольких сот человек. Если бы не исключительная настойчивость Неплюева и не его родственные связи с Царской фамилией, начинание его никогда бы не смогло воплотиться в жизнь. Особенно ополчился против Неплюева тот же господин Победоносцев, мысли которого о самодержавии я сам только что излагал. В 90-е он даже запретил издание сочинений Неплюева по всей России.* Тут для меня ясности нет: такой патриот, как Победоносцев не может желать державе зла, может быть, он в чём-то заблуждается, не видит важности начинаний Неплюева, или же за всем этим таится нечто мне, простому смертному, не ведомое? *Сам Неплюев мне сказал*

однажды: «Я – только немоющее орудие в руках Божиих». А когда юные питомцы Неплюева просили позволить считать его их духовным отцом, этот скромный человек отвечал: «Если ты находишь, что я его достоин, великая для меня в том честь и я приму имя это с радостью и любовью».

– Уж не смазливые ли мальчики привлекают так нашего Неплюева? – как бы невзначай и всё тот же Кока.

– Уж на сей раз я Вам запрещаю развивать начатую мысль, дерзкий и злой юноша! – строго сказала Ольга.

Виссарион отвернулся в сторону, а светловолосый незнакомец прыснул гаденьким смешком, поливая своим шампанским цветы на окне. «Он не только вегетарианец, но и не употребляет спиртное» – заметила про себя Ольга.

– Доводилось мне бывать и на заседаниях «Собрания Мережковских»⁸⁵ в малом зале Императорского Географического Общества, что на Фонтанке, – ровным тоном продолжил отец Виссарион, – Могу подтвердить, что обе стороны этих сборищ, как отцы Церкви, так и интеллигенция, неуклонно удаляющаяся от церковной жизни, не созрели для подобных дискуссий. Всех их на мелочи и неумные сравнения тянет. Но полагаю, что таковые собрания нам нужны и митрополит Антоний не зря благословил их проведение. Могу полностью согласиться со мнением видного богосло-

Чета Мережковских добилась от Синода разрешения на проведения подобных дискуссий с целью нахождения общего языка между духовенством и столичной интеллигенцией. Называлось это «Религиозно-философскими собраниями». Заметную роль в них играли Философов, Розанов, Миролубов.

ва-эрудита и историка господина Терновцева, что внутреннее положение России полно противоречий сложно и безысходно. Возрождение возможно лишь на религиозной почве и интеллигенции это важно понять. Скоро православие столкнётся с такими враждебными силами, не поместно-русскими, а мировыми, борющимися со христианством давно, что в одиночку духовенству такой поединок не выиграть. За кем пойдёт народ – вот в чём вопрос. Пока интеллигенция наша не совсем выродилась, но тяжёлый нравственный кризис в ней назрел давно. Союз с Церковью необходим.

– Вот также и их степенство Райнер-Мария Рильке богоскательством на Руси занимался, а сам ничего в этом не смыслит. Что сама русская интеллигенция. Несколько напоминает чету Мережковских, – усмехнулся Кока, – Рильке считает, что «правда» придёт непременно из России. Он с трудом изучил русский язык, но всё же пробовал «ходить» по России. Некоторое время жил в Казани, затем и у Льва Толстого. Рильке в порядке вещей уверял всех, что «по России ходит Христос». Толстой же, как я слышал, возразил поэту: «Что Вы! Если бы Христос явился в нашу деревню, то его бы там девки засмеяли»!

– Этот юнец приехал в Россию под руководством умудрённой подруги своей⁸⁶. Сам он, право, ни на что не спосо-

⁸⁶

Лу Саломе (1861-1937) – философ, писательница и врач, любовница Рильке. В 1897 году 36-летняя Саломе знакомится с начинающим поэтом, 21-летним Рильке. Она берёт его в две поездки по России (1899, 1900), учит его русскому языку, знакомит его с психологизмом Достоевского и Толстого. Рильке,

бен. Он даже меняет своё излишне женственное имя Рене на Райнер по её совету, – вставила Ольга Сергеевна, – Райнер захотел стать великим исключительно для неё, признавая её неоспоримое превосходство над собой. Разве это мужчина?

– Говорят, что Рильке написал поэму об искателе Бога и правды – русском дьяконе, ставшем отшельником, – продолжил Врангель, – Но сам её не читал и читать не собираюсь.

Усилиями Ольги разговор зашёл об искусстве.

– А как вы, господа, отделяете символизм от декадентства, в чём главный критерий? – с озорным прищуром спросила хозяйка салона.

– Главный критерий для всех людей искусства в столице – это кто из них ходит в дом Мурузи⁸⁷, а кто предпочитает

как и многие другие возлюбленные Лу, живёт с ней и её мужем в их доме. Через четыре года Лу уходит от поэта, ибо он так же, как и многие её любовники до него, хотел, чтобы она подала на развод. Рильке говорил, что без этой женщины он никогда бы не смог найти свой жизненный путь. Друзьями они остались на всю жизнь.

⁸⁷ Так называли дом четы писателей Мережковских, в котором жена Дмитрия Мережковского, Зинаида Николаевна Гиппиус (1869-1945), держала свой салон. На протяжении полутора десятилетий перед революцией 1905 года Гиппиус предстает пропагандисткой сексуального раскрепощения ещё до Александры Коллонтай, что было раздуто недоброжелателями, тогда как её муж уже начинает призывать повернуться к истинам христианства, под её же влиянием. Оба супруга стремятся годами к созданию особого духовного обновления православия, осуждая официальную Церковь вплоть до начала травли её большевиками. Дмитрий доходит до контактов с Савинковым и Керенским, а в эмиграции становится деятелем русских масонских лож и, вместе с тем, сравнивает Гитлера с Жанной Д Арк. Подобным отношением к фашизму запятнала себя и его жена до тех пор, пока Германия не напала на Россию.

его избегать, – вызываяще улыбнулся Врангель.

– Да уж, Зинаида Николавна так любит проводить свои эксперименты над людьми помимо их воли... – сладко зевнула в руку Ольга, – Едкость её, впрочем, с изюминкой.

– Именно поэтому мы зачастили к Вам, обожаемая Ольга Сергевна!

– Наша Декадентская мадонна уж слишком возомнила о себе. Мы сами её испортили! – вмешался человек средних лет с обрюзгшим лицом и резким нервным голосом, по виду опустившийся художник или поэт, до того не проронивший ни слова. Он сидел в стороне наедине с бутылкой ликёра.

– Ах, была бы наша Мадонна чуть помоложе и не настолько на глазах у своего тоскливого мужа, который лишь призывает нас всех «охристианиться»! – нарочито мечтательно вздохнул Кока, – Эта неповторимая женщина занимает умы многих в столице. Златорунностью лисьих волос, что могут до пят спасти, напоминает нашу Аглаю. Она гордо несёт свой «крест чувственности» и видит лишь один истинный грех – «самоумаление»!

– Так, значит и я для Вас безнадёжная старушка, насмешник? – со строгой миной спросила Ольга.

– Ну что Вы, что Вы, Ольга Сергевна! Как можно такое подумать! Кстати и мадам Гиппиус, несмотря на свои годы, всё ещё пленяет сердца зелёным омутом глаз больше нашей свеженькой Аглаи с её более правильными совершенными чертами. Злато волос! Нечто между роскошью кудрей известной

дамы у Климта с чарующим дьволизмом фигур с безгрудой грудью Обри Бердслея! Что Вы! Зинаида Николавна много старше Вас, несравненная Ольга Сергевна.

– Да у Вашей Зинаиды Николавны волосы рыже-красные в отличие от Аглаи. Не путайте! Или Вы о другой известной Зинаиде Николаевне⁸⁸? – со стальными нотками продолжила Ольга, – Говорят у Гиппиус давний туберкулёз, который она успешно сдерживает ваннами... – а потом уже про себя, постеснявшись злости своей: «Тощая безгрудость. Недаром взяла псевдоним Антон Крайний⁸⁹... Говорят, что Мережковский не спит с ней никогда. Она вроде малоизвестной нам Лу Саломе с её Ницше⁹⁰. Либо злые языки, либо сам Мережковский грешен, подобно Великому князю⁹¹, либо что-то с ней не в порядке... Просто – «жадная губка, охочая до

---

⁸⁸ Имеется в виду знаменитая красавица княгиня Юсупова, бывшая гораздо старше Гиппиус.

⁸⁹ Имела Гиппиус и прочие мужские псевдонимы (Лев Пущин), а также писала стихи от лица мужчины, что подтолкнуло злые языки слать хулиганские письма в дом Мережковских вплоть до: «Отомстила тебе Афродита, послав жену-гермафродита». Как уверяют исследователи, союз Гиппиус с Мережковским был чисто духовным.

⁹⁰ Лу Саломе, вышедшая замуж за историка-ориенталиста при условии отсутствия между ними половых отношений, стала «Великой Русской революцией» в жизни Ницше. Её боготворил и воспевал Рильке, ею восторгался Фрейд, её собеседниками были Ибсен и Толстой, Шпенглер и Гамсун, Тургенев и Вагнер. Её и прозвали «Жадной губкой».

⁹¹ Великий князь Сергей, сын Александра II, как и князь Мещерский, так и Мережковский обвинялись злыми языками в мужеложстве. Либералам было выгодно очернять обоих князей и писателя без особого повода.

лучистых ежей эпохи⁹²», с голосом морской птицы.

– Мережковские перегибают на своих Религиозно-фило-софских собраниях, разрабатывая своё «неохристианство». Стремление сделать что-то наперекор «стадной общественности», не более, – вздохнул Маковский, – А Розанов⁹³ – подающий надежды философ, скатился до статеек для славянофильского журнала.

– Декадентство есть усталость нации и выживание из ума, – вздохнул отец Виссарион.

– «Но в этом безумии есть нечто систематическое», – должен бы сказать мещанин, почтенных профессоров не читавший, как говаривал мой московский приятель⁹⁴, – усмехнулся Врангель, глядя на Виссариона, – А ещё один его знакомый предвычислил диалектику перерождения «храма» в публичный дом. Так что, и у вас в Белокаменной есть такие...

– А что мне понравилось у Розанова – его убеждение, что процесс воцерковления не может проходить пассивно, через приятие таинства святого крещения, но требует осознанной веры зрелого человека, – заметил Виссарион.

– Вполне еретическая мысль, Ваше Высокопреподобие, –

---

⁹² Слова историка Сергея Соловьёва.

⁹³ С 1890-х Василий Розанов (1856-1919) стал известным журналистом позднеславянофильского толка, а Мережковский, Гиппиус и Минский вместе с ним в 1900 году основали «Религиозно-Философское общество».

⁹⁴ Имеется в виду молодой Борис Бугаев, ставший писателем Андреем Белым (1880-1934).

задумался Кока.

– Вновь поднимая вопрос о Западе и Востоке, – внезапно громко проговорил незнакомый всем светловолосый гость, – Не кажется ли вам, что Восток лаконичнее и тоньше в своём более древнем, отшлифованном тысячелетиями, искусстве?

– Вы наверное имеете в виду не магометанское, но более древнее и географически более восточное искусство? – уточнил Врангель.

– Да, конечно.

– Пожалуй, Вы правы. У них было в распоряжении больше времени на шлифовку. Хороший художник тоже должен иметь очень много времени на свою картину, как впрочем и литератор на свою книгу.

– А их боги ели персики, – улыбнулся блондин.

На следующее утро служанка пожаловалась Ольге Сергеевне, что кто-то из гостей злостно «украсил» всю гостиную разбросанными повсюду персиковыми косточками.

7. В Стране Утренней Свежести

«Ни одной нации или вере не дано судить другую»

А. Солженицын

Страна Утренней Свежести, как называют своё отечество корейцы, встретила русский отряд ледяным ветром с гор. Изменчивая красавица Сунгари осталась в стороне. Мест-

ность становилась всё отраднее и краше. Лесостепь с чахлыми рошицами-колками сменяли высокие холмы с тёмной тайгой, за которыми уже белели высокие вершины припорошенные первым сентябрьским снегом. Таких высоких гор, да ещё со скалами, Глеб ещё в жизни не видел и они очаровали его. На биваке у вечернего костра казаки, как обычно, бойко подшучивали друг над другом, избегая крепких выражений и, обращаясь меж собой по имени и отчеству, с подачи урядника, почитавшего свои патриархальные яицкие порядки.

– Дров-то хоть подбрасывайте, Ануфрий Онисимыч, – говорил уссуриец Олсуфьеву, – а то им и дров набери, а оне и топить ленятся!

– Нечего ворчать, Автоном Антипыч, где ж енто видано, шоб урядник Олсуфьев дал костру потухнуть! По дрова – не по грибы...

– А Вы, «вашсродь», Протас Потапыч, сбегали б ещё за дровишками, а то каша-то не успеет и на картовь угольков не хватит. Глянь только на него: самый тут молодой, а баклуши норовит бить! – продолжил уссуриец Кунаковсков.

– Слушаюсь, господин есаул! – заголосил кубанец Смоленко.

– Есаулом стану, как будешь обращаться?

– Генералом остаётся. Атаманом-то ближе как-то. Кубарить-то⁹⁵ будет. Вот у вас в войске Кубанском одни хохлы ведь?

– Так... из запорожцев бывших, черноморцев, то бишь.

– Знамо. Так, я к тому, что ваше войско числом побольше других будет. Разве, что Донское с ним потягаться может.

– Достиг ты мя, Антипыч. К чему это Вы, Автоном Антипыч?

– А к тому, Протас Потапыч, что вас, хохлов, побольше выйдет, чем великороссов, наверное? Больше всех других казаков, так это ж очевидно.

– Хохлов их конеШно поболе будет, да што говрить, – молвил Ануфрий весомо, – Нас, уральШских, так раз, два и обчёлся. Зато мы старшинством своим вам кубанцам нос утрём!

– Ну уж не надо, Ануфрий Онисимыч, мы-то из запорожских сечевых, а значит много старше иных казаков.

– А Вы, казак, ко слову старших-то прислушивайтесь, так-то. А ум излишний когда, так похужЕй дурости выходит. Языкоблудие, да суемудрие вся болтовня эта, – завершил спор уралец с чувством правоты старшего по возрасту.

Вся эта перебранка в ходе приготовления ужина забавляла Глеба. Один из артельных обратился к уряднику неучтиво и тот потребовал величать его не иначе, как «по-батюшке».

– Потеплее укрывайтесь, Глеб Гордеич, ночи тут в горах очень холодные. К утру и подморозить может – сентябрь месяц, – Кунаковсков заботливо протянул Охотину дополнительное шерстяное одеяло. Было сухо, и спали под открытым небом.

– Тут, дело есть, Глеб Гордеич, – подкатился поближе Ануфрий, – Шледопыт наш – Кунаковсков приметил подозрительный Шлед на пути, когда за полдень перевалило. Он один такое замечает: не так ветка лежит, не так камень повернут, всё засечёт. Такой глаз у него. Лихих людей в лесах хватает. Есть соображения о хунхузе. Как только Штемнеет нам надобно дозор выставить. Артельным мы не больно-то доверяем, так – шантропа одна, свежаки⁹⁶ Штрелять-то не мог Ут. Шугой⁹⁷ наши старожитые⁹⁸ таких прозвали. Придётся нам не Шпать ночь. Вы Шами спите, но чутко, готовы будьте, ружьецо зарядите. Сейчас, в сентябре, комара тут уже почти не осталось. Похолодало – хорошо спиться.

– Понял, Ануфрий Онисимыч, – отозвался Глеб, как-то не очень веря во всё это во столь прекрасном девственном месте. Всего в отряде было человек пятнадцать, считая их четверых. Прочие должны были быть доставлены на Ялу, как артель лесорубов, на подмогу расширяющемуся промыслу Товарищества. Где-то каркала ворона.

– У худой птицы худые и песни, – философски заметил

---

⁹⁶ Свежаки – новички, переселенцы.

⁹⁷ Шуга – скопление рыхлого льда, снежуры и сала в водоёмах, которое забивает ход воды в реке и поднимает её уровень. Снежура – снег на поверхности воды, сало – мелкий лёд или пропитанный водой снег на поверхности воды перед ледоставом, (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка).

⁹⁸ Старожитые, или домовитые казаки – обладатели прочного частного хозяйства и положения в государевом войске, в отличие от бедноты – голутвенных казаков, голытьбы.

Кунаковсков.

За ужином Олсуфьев рассказал о полковнике Гернгроссе, которого именовал Янгрошем, так, что Глеб поначалу и не понял о ком речь. Бравый полковник быстро стал любимцем уральцев, звавших его «наш Янгрош», особенно после того, как уважил просьбу уральцев не называть их по номерам и прекратил подобные новые веяния. После ужина казаки разбрелись по дальним концам лагеря, предупредив и рабочих. Одного из них, вызывающего хоть какое-то у них доверие – в солдатах служил, поставили на четвёртый угол лагеря, у протоки, откуда меньше всего ожидали нападение. Крепкий сон Охотина Второго, в котором он видел ту самую столичную зеленоокую диву был грубо прерван треском выстрелов и криками. Глеб сжал в руках новенький карабин Маузера, но не понимал, куда надо стрелять, боясь попасть в своих. При отблесках ещё теплящихся углей костра было лишь видно вскакивающих со своих лежанок артельщиков. Внезапно, прямо перед Глебом, возник силуэт бегущего с развивающейся косой, а когда он повернулся лицом к Охотину, оказалось, что это вообще не человек, а чудовище. Луна озарила жуткую маску с оскалом вепря и рогами вола. Из леса уже доносился жуткий вой, словно волчья стая окружала лагерь. Глеб припадает на колено и разряжает карабин почти в упор прямо в отвратительную харю, силуэт падает, как подкошенный, крики усиливаются. Глеб палит из скорострельного карабина в пригнувшиеся силуэты в масках с огромными то-

порами, кладёт пули густо и косит их одного за другим. За спиной его крики о помощи и пощаде, он разворачивается и видит избиваемых артельщиков. Какой-то монстр в огромных прыжках, сеет вокруг себя смерть саблей и револьвером, паля и рубя едва проснувшихся людей. Только кучность боя «маузера» позволяет поймать прыгучее чудовище в плен густо посылаемых пуль. Какой-то момент внезапности атаки упущен и бандиты уже бегут спасаться в лес. Перекрёстный огонь метких казаков, едва улавливающих в темноте силуэты стремительнодвигающихся фигур в прицел винтовок, а чаще – на слух, совершают всё новые опустошения в рядах хунхузов. Через какие-то секунды всё кончено и вновь наступает резкая тишина предгорной ночи, нарушаемая шумом речки и стонами раненых. Кто-то подбрасывает дров изголодавшимся углям, и костёр вспыхивает с новой силой, озаряя содеянное. Глеб с ужасом видит первого в его жизни человека, убитого им. Того самого, что появился первым, в гнусной размалёванной красными тонами, или пропитанной уже кровью, рогатой маске. Охотин сдирает с него маску и видит совсем не страшное лицо пожилого, уставшего от жизни кули, с длинной грязной косой.

– Вот они, живодёры, набили Вы их изрядно, Глеб Гордеич, уважили Вы нас своею маузерой, – раздался голос Олсуфьева, передёргивающего затвор винтовки.

Казаки волокли прямо по траве нескольких убитых и раненных китайцев, схватив их за косы.

– Дык мы ж постарались. Косачи прямо на нашу засаду и нарвались! – совершенно обыденным ровным тоном приговаривал Смоленко.

– Смотрите, среди них есть раненные, так же нельзя, за косу! Перевязать надо! – нервно вскричал Глеб.

– А тем, что живы ещё косы-то и пообрубаем, – усмехнулся Кунаковсков, – ишь, в хари вырядились, идолы прокажённые!

Глеб уже слышал из их рассказов, что без косы для манзы нет дороги в рай. Отрубить косу перед смертью – хуже наказания нет. Часто косы их фальшивые, но это не имеет значение.

– Пленным положено оказывать помощь, Смоленко! – строго сказал Глеб, не оправившийся от шока первой крови.

– Окажем. Больно шибко Вы жалостливы для своих-то лет, – вяло бросил кубанец, – Дык токмо души-то у них, ко-соглазых собакоедов нэма, пар один...

– Так не надо, грех так про душу говорить, Смоленко, – строго сказал Охотин, – Нет, негоже так. Вот, тебя взять: говядину бы рад мять. Чем корова хуже собаки?

– Собака це друг человека... А что за язык такой? Сушяя грамота китайская.

– А вот у индусов, корова – животное священное. Закланию не подлежит. Строже, чем конина у православных! Так, что это, брат, смотря с какой стороны посмотреть. А другие народы и обычаи их тоже уважать надо, – помолчал и доба-

вил, – Как, впрочем, и всех животных, тварь Божию. У буддистов настоящих грех любую тварь убивать без явной нужды.

– Если б не наш Кунаковсков, лежать б нам всем со вШпоротыми животами на этом самом месте, – проговорил вдру Олсуфьев, – Нам ещё повезло, что эта шайка вооружена плохо.

На немое удивление Глеба ответил Смоленко на своём невообразимом суржике⁹⁹:

– Дык ежели б ентот лесовик не услышал бы своими волчьими уХами хруст валежника во время, не подал б нам сиХналу...

Казаки раскладывали убитых, снимая с них тяжёлые ленты с патронами, подсчитывая их потери, прикидывая сколько было нападавших и сколько ушло живыми, были ли среди них раненые, хвастались кто скольких подстрелил. Они были уверены, что после такого урока бандиты больше не сунутся. Оказалось, что самые крупные топоры хунхузов были бутафорскими и служили для устрашения – известный приём краснобородых. Напуганные артельщики перевязывали троих раненых револьверными пулями и готовились отпевать двоих с расколотыми топорами и саблями, черепами. По подсчётам казаков в банде было не меньше двадцати нападавших «Зуб даю – за два десятка их было!» Троих из нападавших уложил насмерть «маузер» Глеба, троих тя-

жело ранил, а казаки перебили ещё пятерых и ранили как минимум шесть. Наконец, Глеб начал сам перевязывать истекавших кровью хунхузов. Казаки крепко связали легкораненых и заявили, что им необходимо поспать и, будучи уверенными, что никто из рабочих не сомкнёт глаз остаток ночи от страха, тут же забылись сном младенцев. Остаток холодной ночи Охотин провёл у костра, не смыкая глаз от возбуждения. С рассветом он горячо помолился и, наконец, успокоился. Только утром заметили, что проводник-манза, прикрепленный к артельщикам как подсобный рабочий исчез. Казаки были уверены, что «тот манза» и был наводчиком. Глеб, на всякий случай, пересчитал мелкие плитки серебра, перелитые из двухпудовых серебряных болванок, которые были выданы ему в Москве в качестве универсальной валюты на Дальнем Востоке. Раненных хунхузов оставили на месте бивака, развязав «лёгких», от которых Глеб ожидал помощи «тяжёлым», ну а свои раненые, к счастью, оказались способными продолжать путь. Лишь казаки могли предугадать участь оставленных тяжелораненных краснобородых. Их животы были вспороты «лёгкими», едва последний артельщик отошёл от места лагеря саженей на пятьдесят. Уцелевшим в плену хунхузам было бы несдобровать, при встрече с остатком банды, и они поспешили скрыться по следам артельщиков в сторону Харбина.

Последующие дни в горах было спокойно. Следопыт Ку-

наковсков уходил с утра раньше всех вперёд и по полдня никто его не видел. Появлялся он лишь на обед и исчезал до вечера. Другие два казака справлялись с нахождением еле заметной тропки и без него. Приходил уссуриец лишь к ужину довольный и уверял, что нынче можно спать спокойно. «Ель – не сосна, шумит неспроста». Даже осторожный матёрый воин Олсуфьев был совершенно спокоен после его слов. Иной раз Кунаковсков приносил свежую птицу, боровую¹⁰⁰, что вносило приятное разнообразие в скудный ужин из туземных чечевицы-чумизы либо соевых бобов жаренных на кунжутном масле с чесноком. «Мать наша – гречневая каша. Да только где её здесь возьмешь? Да только силушек-то нас треба. Мельница сильна водой, а человек едой». У костра Кунаковцева порой просили рассказать что-нибудь из его таёжной жизни на Уссури. Неизменным успехом пользовались его рассказы об охоте на бобра уссурийского – крупнейшего в мире тигра. Тут, правда и Олсуфьев мог своё слово вставить, поскольку он служил до КВЖД в Туркестане и ходил на тугайного туранского тигра в одиночку. Это было своего рода бравадой у них в полку. Непременно в одиночку добыть шкуру тигра. На Дальнем Востоке на тигра в одиночку народ не ходил и это Кунаковсков оправдывал размерами бобра, мол, не чета вашему там, на Сырдарье. В таком случае, Олсуфьев сидел с видом неизменного превосходства, ибо был глубоко убеждён в том, что тигр же не в два раза

длиннее, значит вдвоём ходить на него уже не столь опасно, как одному на туранского, а ходят чаще и большим числом. . . Кунаковсков брал своё байками о страшных топях Усури, стычках с манзами-панцуйщиками – искателями женьшеня с самовольными засельщиками из Маньчжурии, промышленниками¹⁰¹, то есть манзами-зверобоями браконьерами. О том, как сами казаки там зверовали – заготовливали медвежью желчь от трахомы, панты да олени выпоротки – плоды стельных маток для надорвавшихся, соболю, рысьи, куньи, беличьи меха на продажу. И заработок неплохой имели. Казаки ещё там летом кормятся дровяным промыслом для пароходства на Амуре, а зимой – санным извозом. Уралец мог произвести впечатление рассказами о холоде и разреженном воздухе Памира, а кубанцу было посложнее с его опытом службы в «тепличных» условиях Европы. Он брал своё восхвалением доблести предков из пластунского¹⁰² ба-

---

¹⁰¹ Если «зверопромышленником» называли вольного траппера, то «промышленником» – охотника-разбойника, любителя поживиться разбоем, в том числе и хунхуза.

¹⁰² Пластунами тогда называли не солдат, ловко ползающих по-пластунски, а напротив, выражение «по-пластунски» пошло от названия казаков из станицы Пластуновской. Это имя она получила от запорожцев, переселившихся на Кубань, назвавших новую станицу так в честь сечевого Пластунивьского куреня. Станица эта была бедной, и у казаков не хватало средств на коней. Они нанимались на кордоны вместо богатых казаков и овладели пограничной и разведочной службой в самых горячих точках Кавказа на профессиональном уровне. Они носили, подобно горцам, крашенные бороды, владели местными языками разработали свои приёмы рукопашного боя. В стрельбе их не мог превзойти никто. Умели безошибочно стрелять в темноте на слух.

тальяна, вспоминая даже деда при Николае I в ходе Дунайской заварушки. Хвалился, что сам «як взаправдашний пластун» стреляет. На это Кунаковсков поведал о трагичном сплаве казаков до Уссури в 1856 году, когда отряд из четырёх сотен солдат-линейцев и сотни казаков добирался до нижнего Амура слишком долго. Баржи с продовольствием застряли на мелях, и голодный путь начался уже с осени. Маханиной¹⁰³, грешным делом, давились, а то и вовсе, с голоду пухли. Половина отряда погибла в снегах, еле живые люди добрались до казачьих постов, где тоже не хватало продуктов, но казаки делились с несчастными. После этого и их спасителей ждала голодная зимовка. Добровольцев приходилось привлекать льготами, но их были единицы. «Уссура – место гиблое» – поговаривали казаки, благословляя судьбу, коли их миновала участь перебираться на Уссури. Вербовка производилась жребьеметанием, причём допускалась замена желающими, или захребетниками, то есть, бедняками, которые покупались середняками для исправления барщины. Даже матёрые, уже давно осевшие в Забайкалье варнаки¹⁰⁴, старались избежать участи такого переселенца. «Приамурский край – пасынок Империи»... В те же годы отряд казаков забросили в залив Ольги с океана, и ими был основан посёлок Новинка. Первый же их урожай хлеба смыло

103

Маханина, то есть – конина. Пища, неподобающая православному христианину.

104

Варнаки – сибиряки, а другое значение – беглые каторжники.

наводнением, весь скот сожрали тигры, ставшие нападать и на людей. Позже пришли китайцы, куда лучше освоившиеся здесь и стали нанимать голодных казаков в свои земледельческие фанзы батраками. Всё же, рассказ Олсуфьева об участии в подавлении Боксёрского восстания о жаре, недостатке воды, коварстве и лютости ихэтуаней, падали, брошенной в колодцы, взял «первый приз». Под такие байки люди постепенно засыпали, но строгий Олсуфьев непременно вставал и удалялся перед сном на молитву подальше от щепотников¹⁰⁵, поскольку придерживался старой веры как и большинство уральских казаков.

После нескольких нелёгких перевалов уже со снегом, волнующих ледяных переправ, топких болотистых пойм в совершенно девственных верховьях, артель прибыла на земли Товарищества и неожиданно оказалась в Николаевском, окружённая любопытствующими лесорубами:

– Что же так поздно-то? Снега, поди уж, по сопкам намело.

– Не такое видали, – с немногословной гордостью отвечали казаки, – Вы бы лучше нашим раненым помогли. Хунхузов встретили.

– Врач есть в Николаевском? – вмешался Охотин.

– А то как же, коль в честь Государя посёлок назван!

105

Щепотниками, от крещения «куриной щепотью», а не двумя перстами, называли старообрядцы никониан.

Тут подошёл новый управляющий и почтительно представился Глебу, будто не замечая прочих, встречал явно по одежке:

– Безродный, Фирс Филатович.

– Охотин, Глеб Гордеевич, ведущий расследование, – ответил Глеб, стараясь, чтобы никто больше не слышал последних слов, пожимая вялую руку маленького помятого жухлого человечка. Охотину показалось, что от управляющего несёт вчерашним перегаром.

– Милости просим к нам в Николаевский. Прошу в мой кабинет. А чего Вы так, на Ялу? Быстрее бы по океану по нынешним временам. Да и безопаснее. Да, от устья почти что до концессии можно на корабле – тихо и спокойно.

– А как же речные хунхузы?

– Их много меньше, чем сухопутных, господин Охотин.

Он провёл Глеба в убогое дощатое жилище, более напоминавшее сарай, и немногословно занудным тоном описал всё известное ему об убийстве с косточками в глазницах. Ничего нового Глеб не услышал. Затем поговорили о том, да о сём и Безродный начал было разогревать чай и как бы спохватился:

– А не изволите ль пожелать винца по случаю благополучного прибытия?

– Если Вам так хочется, можно, – ответил Глеб без желания в голосе.

Господин Безродный долго рылся в шкафчике и вдруг раз-

разился проклятиями:

– Вот ведь собачьи дети – желторожие, нехрять дикая!

– Что случилось?

– Последнюю бутылку сули¹⁰⁶ стянули! Какое коварство!

– Действительно нехорошо...

– А ваши казачки, случайно не прихватили ящик-другой?

Они-то знают, что у нас здесь потребность имеется.

– Понятия не имею...

– Эх, господин Охотин, господин Охотин, знали бы Вы какого жить здесь, с комарами летом, в морозы без печей зимою. Поживёте собачьей жизнью – сами захотите изнутри согреться.

– Хорошо, я спрошу у казаков...

– А я потребую от вновь прибывших работяг! Соображать должны, куда едут. Выносливы тутошние манзы-артельщики, на миске риса с чумизой долго пашут. Но и совсем без вина рисового, аль зернового тоже не могут...

– М-м-м...

– Так вот и живём. А нравы тут суровые. Всегда под рукой револьвер держу. Слишком много вина здесь тоже нельзя – озвереют. Но и совсем лишить – всё одно – озвереют и сами себя перебыют. Сами подумайте, кто сюда поедет? Платят им гроши. Вот были тут подполковник Мадритов с Линчи, так работа кипела, а теперь рабочие разбегаются, лодок сни-

зу по Ялу не хватает, а наниматься никто не хочет. Соседние концессионеры платят, по-видимому, лучше. У них и выработка леса больше. А Балашев, будь ему неладно, Линчи и других спугнул, так в страхе теперь живём, ночью не спится, думается, вот-вот краснобородые нагрянут. Так и живём. Остались одни бобыли да вахлаки¹⁰⁷, не важно – русские ли, манзы ли – один чёрт – бездельники.

Глеб попытался перевести разговор вновь на убийство и хоть что-то выудить из этого потерянного и уставшего от страха человека. Но всё оказалось напрасным. «И зачем было сюда ехать за тридевять земель, когда этого следовало ожидать? Можно подумать, что они тут кроки приготовили и отпечатки пальцев снимали. Не говоря о том, что среди всех этих забитых работяг не найдётся ни одного, кто мог бы столь грамотно, как тот убийца, что-либо написать порусски, не говоря о латыни... Одна теперь надежда, остаётся – в Соболиную Падь проникнуть и разнюхать с чего бы это там деньгу с косточкой стали рисовать». Тем не менее, Глеб немало дней настойчиво разговаривал с каждым из десятков свидетелей того события, со всеми, кто в тот день находился в самом посёлке, кто мог что-то слышать и видеть, а также с теми, кто присутствовал при обнаружении тела бывшего управляющего. Было не просто, особенно с манзами с косами в синих кофтах с короткими штанами и голубыми хала-

---

107

Бобыли – безземельные крестьяне. Вахлаки – опустившиеся крестьяне-бездельники.

тами, или с корейцами в грязно-белом с пучком волос на макушке, прикреплённых цветной булавкой. Застенчивые каулы, как звали русские корейцев, не расстающиеся со своими трубками с чубуками, казалось, пытались искренне помочь и в их апатичном взгляде проскальзывал живой огонёк. В произношении китайцев и корейцев русский мало отличался от их собственного языка. И Глеб не замечал, когда опрашиваемый, вдруг, переходил на русский. Казаки-то уже привыкли и понимали, но новичку было такое не под силу, и он просил своих казаков «переводить» туземных свидетелей. «Араса (то есть – русский) никаво-ничево не боицца, засисает кореес от хунхуз! Кореес помогат!» – твердили добродушные корейцы. Никто в те дни не встречал незнакомого городско-го блондина. Даже если предположить, что тот сменил масть, в любом случае, чужаки в Николаевском перед убийством не появлялись и всё сводилось к тому, что это хунхузы Линчи пожелали запугать лесорубов, отомстить Балашеву. Сам господин Персик едва ли появлялся в этой глуши и вывод напрашивался один: за ним стоит целая банда.

Охотин ещё не ведал, что в те дни в дворцовой канцелярии распечатали подозрительно толстое письмо на адрес Государя Императора и обнаружили в нём свежую персиковую косточку. Письмо было не совсем анонимное, отправитель подписался как-то странно – «Джагернаут». Сам царь письмо в руках и не держал и, наверное, не услышал о нём,

но до Департамента полиции эти сведения дошли. Такое же письмо получил министр финансов Сергей Витте, после того, как незадолго до осени к нему приходила странная личность с бредовыми коммерческими предложениями. Он преподнёс министру готовую Всеподданейшую программу развития экспансии на Дальнем Востоке, вроде безобразовской, но при этом, требовал от казны совершенно чудовищные суммы. В ту же осень в Санкт-Петербургское сыскное отделение явился некий малоприметный тип, который обратился в приёмную с каким-то неудобоваримым вопросом, а когда он внезапно исчез, на месте его оказалась маленькая лёгенькая пушечка, которая тут же выпалила со страшным грохотом прямо в глаз полицейскому, только что беседовавшему с посетителем. В вытекшем глазу доставленного в больницу с сотрясением мозга, обнаружили косточку персика, завернутую в фольгу.

Сразу после прибытия новой артели, от многих опрашиваемых смердело горько-пахучей хмельной сулей. Сивухой разило на другое утро и от Фирса Филатовича. Казаки меру знали, как впрочем, и большинство рабочих, особенно вновь прибывших, сильно напуганных хунхузами. Им хотелось элементарно выжить и вернуться назад с заработком в кармане. После первого бражного вечера в честь прибытия, работа наладилась, лесовали¹⁰⁸ немало. Через пару дней,

встретив на единственной улице посёлка Смоленку, Глеб услышал от него, что все трое казаков собираются назад, поскольку до того, как ляжет глубокий снег ожидается набор ещё одной артели.

– Протас Потапович, мне бы с вами тремя поговорить надо, – сказал ему Охотин.

– Так же, пойдёмте со мной до казаков, знамо хдэ оне сидять.

Олсуфьев был поглощён чисткой винтовок всех троих, а с Кунаковсков тачал голенища сапог.

– Господа казаки, – начал Глеб, – у меня к вам большая просьба выходит. Слышал, что вы собираетесь в Харбин, а мне по службе надо бы скорее в ту самую Соболиную Падь попасть. Не проводите ли туда по дороге?

– Так оно не больно-то по дороге, Глеб Гордеич, – промычал в ус уралец, – вёрст под сто лишку хватить придётся. Успеем ли до морозов, как думаете, Автоном Антипыч?

– Тропу-то там помню, разок водил на ту Падь отряд генерала Ринекампова. От фанзы прокажённых¹⁰⁹ ещё вёрст с деШяток будет.

До Глеба не сразу дошло, что таёжник был проводником отряда Ренненкампфа для захвата Цзяпигоу.

– А Вы знаете, што там одни бандиты и власти никакой

нет? – спросил невнятно в бороду уралец, – Это Антипычу, с его мордой, там ничего не Шделают, а Вам-то худо придётся...

– Служба, Ануфрий Онисимович, она не спрашивает. Вас тоже никто не спрашивал, когда подавлять боксёров посылал.

– Пойдём тогда, Антипыч, человека проводим. Не его «маузер», так может не сидели б и мы здесь, – пробурчал Олсуфьев.

– Вестимо проводим, – отозвался Автоном, – Вы как, Потапыч?

– Я ж как всё, – обезоруживающая широкая улыбка на мясистой красной физиономии Смоленки.

– Когда выходим, други мои? – улыбнулся Глеб.

– С рассветом и выйдем, – порешил урядник, не прекращая смазку, – Вот имеется мазь ружейная и для «маузеры» сгодится.

Глеб попрощался с Безродным, который долго пытался отговорить его от столь безрассудного шага и даже навязал ему мальчишку-ходю¹¹⁰ в качестве толмача.

– Ходю-то не порешат там, а Вас – сразу же. Отпетые в той пади собрались. Не старатели они – хунгузы одни!

Мальчик лет двенадцати с косицей в замызганном синем

110

Ходями называли в тех краях «застенных китайцев», то есть «настоящих», с юга, а не манзов-маньчжурцев. В отличие от китайцев, корейцев русские называли каули.

халате сложил на груди руки и поклонился новому господину. Он был поглощён нанизыванием медных монет-кешей с дырочкой на верёвку. Глеб уже знал, что монетка такая не стоит ничего, а груз велик. Связки с ними корейцы носят на поясах.

– Как тебя зовут, мальчик, – спросил Охотин.

– Чжан, капитана, – скороговоркой выпалил мальчик.

– Иван, стало быть, и всё, – вставил Фирс.

– А меня – Глеб Гордеевич, – улыбнулся Охотин и протянул мальчику руку.

– Халасо, Калеп Котеес, халасо, – просиял Чжан.

– Выдал я парнишке монет туземных, пригодится в Пади той, – добавил управляющий, – а ходит мальчишка, что матёрый таёжник – по шестьдесят маньчжурских ли¹¹¹ в день может, верно, Ваня? Он даже и в травах уже толк знает. Ведомо ли Вам, Глеб Гордеевич некое луковичное рябчик камчатский? От Охотского моря до Аляки и до Кореи лучок этот от цынги зимой спасает, да и летом подкрепляет. Ванька мне его задаром в запас собирает. Говорит, что надобно его в ночи откапывать, под уханье сов. И чтоб на небе звёзды были. Можете с собой лучку прихватить. Так-то.

Казачи взяли с собой ещё знакомого корейца-таёжника, который не раз бывал в тех краях и вместе быстро находили тропу. Запах хвои, нагретой солнцем и горные дали под ис-

---

111

В одной версте, что составляет примерно километр, два маньчжурских ли.

сера-синим небом, переходящим в палевый закат, туманили воображение своими красотами.

– Кореец, как и манза, ещё почитает власть от Бога. Хоть и беден каули, да честен. Ни было разу ещё, чтоб меня один обманул, – рассказывал Кунаковсков Глебу по дороге, – Ходя – иное дело. Вы поосторожнее, с мальчуганом. Нынче он всё улыбается, а в Падь придёт и нож Вам в спину. А бабы у корейцев статные, да полуголые так и ходють. Грудь у них наощупь крепкая и ничем не прикрывают её. Но так каждому пощупать не дадут. В Пади, наверное, увидите сами. Правда, пора холодная. Там они с жёнами, старатели енти. Что мне не нравится в каули – кутят оне хавают. Зарежут живодёры щеночка, да сожрут! Курей да яичек словно им не хватает. Рыбы в реках полно, нет потреба у них в собачатине. В Соболинке у них там, наоборот, проса не хватает. На отшибе она. Мясо да рыбу хавают, да голубицей заедают. Благо полна тайга ягодой. Рыба в воде, а ягода в траве. Да ещё и боятся всех, со времён как Фока-генерал побил их. Атамана уже нет у них сильного.

– Мельчают хунхузы, Автоном Антипыч?

– Там мельчают, Глеб Гордеич, совсем измельчали.

– Но каули, всё равно, хорошие. Добрее манзов они. Был такой случай, годков эдак, с пятков назад, что подслеповатый русский солдат из Стражи, на корейской границе принял корейцев в белом издали за лебедей и подстрелил мальчика. Шуму много было! Наказали малого и офицера при нём. За

Амуром корейцам живётся легче, чем в Маньчжурии, а может и в самой Корее. За утайку добытого корейцем в Маньчжурии женшена смерть! У корейца прав в Маньчжурии нет. Их права за Амуром защитил наш Государь покойный, да хранит Господь Его. С той поры весь север Кореи стремится под подданство расейское. Местные каули живут заработками в России. Чёрная оспа досаждала каули в этих краях. Иной раз целые деревни вымирают. Семнадцать дней держат каули своих покойников в фанзе, такой обряд у них.

8. Родичев, Муромцев и Маклаков в гостях у Третнёвой

«Пойман в тенетах пустой, бесцельной жизни...»

Л. Толстой

«Как ты велик, человек, в атеизме и в материализме, и в свободе самочинной, ничему не покоряющейся нравственности! Но посреди всего этого странного величия человек этот оказался подавлен грустью. Он утратил Бога, но сохранил потребность религии».

К. Победоносцев

Поправив мантилью движением плеча и устремив несколько томный взгляд на блестящий в полумраке салона монокль Николая Врангеля, госпожа Третнёва продолжила:
– Похоже, Вы нынче полны благодушия, Кока. Чем же это

вызвано?

– Люди меняются, очаровательная Ольга Сергеевна, – с печальной задумчивостью ответил светский насмешник.

....За день до этого он имел очередную неприятную встречу со старшим братом Петром, славным офицером, и получил от него нагоняй за распущенность, а прежде всего за «безумные публичные заявления, порочащие честь семьи». Всё чаще в те годы в Петербурге стали попадаться томные студенты – поклонники Уальда с подкрашенными губами и цветочком в петлице¹¹². А Коке непременно хотелось выделяться в толпе, словно своих талантов не хватало.

– Может быть, Вы не в духе от того, что находитесь в данный момент здесь, а не в гостях у госпожи Гиппиус? – нещадно уколола Ольга.

– Полноте, наша божественная Ольга Сергеевна!

– Простите, а в каком направлении сейчас работает Зинаида Николаевна? Не отказалась ли она от декадентства? – нерешительно вставил Сергей Охотин, прибывший сюда по рекомендательству Глеба в надежде больше узнать о столичных поэтах. Своим советом Глеб лишь хотел вызвать реши-

---

112

Николай Врангель публично заявил о «своих экспериментах в области мужеложства», что скорее было данью зародившейся было моде, нежели истине. В ряде европейских столиц в самом начале века в богемных кругах иметь нетрадиционную половую ориентацию становилось шокирующе-престижно, как порою и заявлять об этом, не имея к тому предрасположенности. Потом наступил перерыв до 1960-х годов, когда подобные ценности начали постепенно смещаться вплоть до обратной пропорции.

тельную неприязнь брата к столичным болтунам.

– Как может от него отказаться особа, явившаяся на заседание Религиозно-философского собрания, в «скромном» чёрном платье, которое расходилось при малейшем движении, в складках которого появлялась бледно-розовая ткань, – усмехнулся Кока, – После такого её и прозвали Белой дьяволицей. Сама себя она зовёт Мисс Тификация...

В углу грузный господин в черепаховом пенсне тихо обратился к художественному критику Маковскому:

– И к чему это приглашать опять таких провинциалов, задающих дурацкие вопросы? Один уже оказался полицейским! Подумать только! Блюститель закона в столичном салоне!

– Да Вы бы так не возмущались. Эти ребята политически девственны, на мой взгляд. Но приглашённый в последний раз святой отец, вот кто ретроград, сочувствующий самому Победоносцеву, – усмехнулся Маковский, поправляя зачесанные назад густые волосы, – Мне Кока поведал, что он тут за Иоанна Кронштадтского и проч и проч вешал. А эти московские поэты тоже не лыком шиты. У них там и ещё какие-то аргонавты¹¹³ утверждаются.

– Как аргонавты в старину покинули мы дом. Идём трум-

туру-туру-рум за золотым руном, – подурачился в ответ толстяк, надувая и без того толстые губы и выпучивая глаза.

– Господа! – с резкою звонкостью прозвучал голос зеленоокой серны, к которой был так равнодушен Кока, разрывающийся между очаровательной хозяйкой и этой взбалмошной девицей, – господа, нас может спасти лишь Шопен!

– Губят оне нас, сочинители музыки, а не спасают. Ещё Толстой подметил, – ворчливо проговорил не совсем трезвый очень юный заморенный студент с длинным печальным носом, – Они помимо воли нашей переносят нас в своё душевное состояние – стра-ашно!

Лёгким движением тонкой руки рыжая дева откинула дымчатую шаль и с неповторимой грацией своей лёгкой фигуры прошла к роялю и ударила по клавишам. Ещё была тёплая пора, и она была декольте. Взгляд Охотина Третьего не сходил с её лица с той минуты, как некогда и его брата. Исполняя ноктюрн, она вложила в него всю скорбь своей юной потерянной души. Гости с чувством аплодировали.

– Bravo, bravo, наша дорогая юная Агляя! – заглушая всех звучит голос Маковского с патетически-глумливой интонацией, – Так всё же Шопен нас спасёт, или госпожа а-эс Гончарова¹¹⁴ с теософией?

114

Анна Сергеевна Гончарова – потомок жены Пушкина. Окончила Сарбонну, теософски трактовала индуизм и буддизм, поклонница Ледбитера, Анни Вуд Безант (1847-1933) и прочих оккультистов. Безант усыновила будущего известного оратора и проповедника Кришнамурти. Родному отцу Кришнамурти она не вернула, выиграв тяжбу.

– Вы глумитесь над великим, – возмущается Аглая, мой недолгий спиритический опыт показывает их правоту...

– Индия под знаменем теософского модернизма! Логика смеси буддизма с брахманизмом господ Дейссена и Щербатского¹¹⁵...

– Восток ещё покорит умы тех, кто достоин постичь его! – огрызается рыжая, сверкая гневом огромных зелёных глаз, и – небрежно, – Вы бы прочли, для начала, Радду-Бай¹¹⁶, сударь. Двоюродную сестру самого Витте.

Раздался шум дверей и в гостиную вошёл угловатый сутулый тощий чернявый молодой человек в поношенном студенческом сюртучке, напоминающий своим взъерошенным обликом студента-неудачника.

– А вот и наш Яша! Проходите, не стесняйтесь этих старых насмешников, они не так страшны, как желали бы себя показать, – заговорила Ольга Сергеевна, – Яков Шкловский, студент Петербургского университета и очень разносторонне образованный человек. Яша впервые у нас в гостях и прошу некоторых не слишком злобствовать, – покосившись на Коку, добавила она.

Родичев первым поднял из кресла свою не по годам лёгкую фигуру и, протянув растерявшемуся студенту руку,

---

¹¹⁵ Пауль Дейссен автор «Всеобщей истории философии» и «Системы Веданты», а Щербатской – автор «Теории познания и логики по учению позднейших буддистов». Читаемы и популяризируемы в России.

¹¹⁶ Радда-Бай – псевдоним Елены Ган (Блаватской), основательницы теософии, под которым она была поначалу известна в России 1880-х.

представился. Не все последовали его примеру вежливости, некоторые подчёркнуто пренебрежительно, пуще прежнего, развалились в своих креслах. Исключения не составил и толстяк в пенсне, растёкшийся в огромном кресле с трепещущей мешковатостью. Он спросил небрежно:

– Вы, по-видимому, социалист, господин студент? Не иначе, как представитель новой партии?

– Сударь, если человек студент и, при этом еврей, то это не всегда означает, что он непременно крайне левый, – неуверенно, но расправив плечи, ответил Яков, метнув из-под толстых очков пронзительный взгляд.

– Да никто так и не думает, полноте, Яша, не ершитесь. Тут все свои. А некоторые лишь разыгрывают из себя старых противных кон-сер-ва-то-ров, – улыбнулась Ольга.

– В таком случае Вы, должно быть, теософ, на хулой конец – поэт? – вяло поинтересовалось черепаховое пенсне.

– Прекрасно, тогда вопрос ребром, господин Шкловский, – начал Кока, – как Вы относитесь к тому, что эсеры «приговорили к казни» министра внутренних дел Дмитрия Сипягина?

– Вы надеетесь услышать мой восторг в адрес мужественного юного эсера Балмашева? – голос и манеры студента становились всё увереннее и спокойнее, – Вынужден вас всех разочаровать, господа.

– Так это же даже интересно! Вы беспощадно рушите шаблоны, сударь, что непременно радует таких как я, – засмеял-

ся Врангель.

– Очень польщён. При этом, не хочу показаться излишне верноподданным и замечу, что курлядский, а затем и московский губернатор-консерватор, проводивший карательные меры против рабочего, крестьянского и студенческого движений, осуществлявший русификаторскую политику на национальных окраинах, никак не может быть симпатичным еврею. Но я люблю свою Родину, мне здесь хорошо и я никогда не поддержу стремление к хаосу, болезненно завладевшему умами молодёжи.

– Bravo! Мы слышим речи не мальчика, но мужа! – утрированным басом пророкотал владелец черепахового пенсне, вскочившей с кресла и вновь наполнившей его своим растекающимся объёмом.

«Странно всё устроено в этой проклятой политике. Отец всегда говорит, что Россия могла бы жить с еврейством в мире, если бы не англо-саксы, которые, как всегда, умудряются успешно сеять вражду между народами. С евреями в России им это легко и просто – почва готова: недовольство Четой Оседлости. Пусть эта «черта» хоть с Францию размером. Но понять их тоже можно. Подобная «черта» унижает. Нужна ли она? Правительницы восемнадцатого столетия были уверены в том, что просто необходима... Наверное, пора её упразднить и попытаться жить в мире. Но одна ли Черта является камнем преткновения?» – силился понять этот сложный мир поэт и мечтатель Охотин Третий.

Последним прибыл отец Виссарион, рассыпаясь в извинениях за опоздание. Сегодня голос его был тише обычного, и больше покоя светилось в его глубоко посаженных глазах.

– Соблаговолите почтить нас своим присутствием, Ваше Преподобие, – растёкся в необъятной улыбке человек в черепяховом пенсне.

Священник слышал последние речи и вставил своё слово, обратившись к Якову:

– Могу ли я поинтересоваться, а Вы – православный, молодой человек?

– Да, отче.

– Не так давно услышал я от одного раввина, что они просто в страхе за свою молодёжь, оголтело кидающуюся в нигилисты и революционеры. Мудрый старик понимает, что для еврейства всё это чревато лишь погромами, что никому от этого лучше не станет¹¹⁷. А Вы как на это смотрите, молодой человек?

---

¹¹⁷

В отравленной революционерами политической атмосфере 1903 года кишиневский погром, например, был использован врагами царской власти как сильнейшее средство политической борьбы. Бездействие и растерянность местных властей были ловко истолкованы как пособничество. Возникла дутая версия, что погром был сознательно допущен и даже организован министром внутренних дел. В иностранную печать было пущено якобы «перехваченное» письмо Плеве к бессарабскому губернатору, предупреждавшее о готовящемся погроме и указывавшее на нежелательность применения оружия против толпы. И хотя в русской печати было тут же заявлено о подлоге, а корреспондент «Times» Брахам, передавший клевету за границу, был выслан из России, этот «навет» на царизм пустил глубокие корни. Клевета усилила приток денег в кассы революционеров, в особенности «Бунда», под предлогом организации защиты от погромов.

– Мне кажется, что раввин глубоко прав.

– Скоро прочие студенты начнут Вас лупить за такие речи.

Не вписываетесь в общую картину, – усмехнулся Родичев, бегая выпуклыми насмешливыми глазами со священника на студента и назад.

«Отец бы сказал, что и студенты мельчают» – посмеялся про себя Охотин. За столом рядом с ним оказалась молодая, пышущая здоровьем, светло русая барышня с красивым шифром¹¹⁸ на пухлом плече, которая тоже не совсем «вписывалась в картину» ужина в подобном салоне. Экзальтированная Аглая была куда уместнее. Соседка Сергея вела себя очень скромно и, казалось, боялась вымолвить и слово. Серёжа напрягся, чтобы спросить, что налить и положить ей и услышал неуверенный тихий ответ, что ей безразлично, на его усмотрение. Спустя некоторое время, Охотин заметил, что в их углу зависла затянувшаяся пауза молчания, поскольку и его сосед по другую руку, Яша, словно воды в рот набрал. Естественным для всех новичков и скромников было забиться в дальний угол и они воспользовались представившейся возможностью. Серёжа подумал, что ему бы, возможно, больше хотелось любоваться шальными блуждающими очами Аглаи, которая стала для него неким утрированным отражением недоступной красавицы жены брата, но он был не уверен, а как бы он себя повёл, окажись он её сосе-

дом? Ведь и от соседства с миловидной, но не яркой соседкой из института благородных девиц он оказался в полной нерешительности. Он право терялся и не знал как себя вести, что сказать, но молчание становилось уже и вовсе неприличным, и Охотин выдавил из себя:

– А Вы знаете, что Вам очень к лицу Ваш шифр...

– Гм, в самом деле? Вы так думаете?

– Даже уверен... А Вы знаете, что Шопенгауэр начинает раздражать меня в последнее время? – решился на шокирующее заявление Охотин.

– А меня нет, – несколько неуверенным тоном ответила соседка.

– Скорее уж Ибсен, по нашим-то временам, раздражает, – вмешался Шкловский.

– Ну уж позвольте никак не согласиться, – возмущенно откликнулся Серёжа, – Ибсен чист и возвышен. Да, скоро и он уже будет оплёван столичными эстетамы, да только народ к нему потянется.

– Любое воскрешение мертвого как-никак эсхатологическое действие, – глубокомысленно отозвался Шкловский по этому поводу, или без повода, – Вы так не считаете?

– Очень даже может быть, – медленно выговорил Серёжа и покосился на малоприятного соседа, производящего манипуляции ножом над своим яблоком: «С детства не люблю людей, которые норовят непременно очистить кожуру яблока, прежде, чем его съесть».

– Тот факт, что Ибсен в конце прошлого столетия затемняет своей слабой смутной фигурой яркие ориентиры прошлого – Вольтера, затем Гёте и Гюго, – вмешался, услышавший их разговор краем уха Маковский, – указывает, несомненно, на некоторую степень вырождения новейшей интеллигенции. В этом случае не важно, что стоит за именем того же Вольтера и сколько бед принесли его мысли его же народу – не исключаю, что не все были счастливы в ходе тех событий. Сейчас я хочу лишь подчеркнуть, что интеллигенция нынешняя выбрала себе не могучий интеллект, как маяк и светоч мысли, но того, кто пишет произведения далёкие от реальности, рассчитанные на интеллект слегка размягчённый, изнеженный. Те же совершенно чудовищные понятия о медицине, высказываемые порою Ибсеном, достойны лишь насмешек. Сравните клинические наброски героев Шекспиром, сделанные во времена, когда медики не знали и половины того, что открыли к появлению на свет Ибсена и вы убедитесь, что норвежец пишет, что в голову взбредёт, не утруждая себя хоть скольконибудь соответствовать истине. И что такого человека выбрали знаменем эпохи, есть знак вырождения!

– С Вами трудно не согласиться, – растерялся Серёжа.

– Этим не ограничиваются странности Ибсена. Он вполне сочувствует жене, сбегавшей от мужа к любовнику, или даме, предлагающей мужчине свободные отношения, хотя ей ничто не мешает сочетаться с ним законным браком. Но если

мужчина соблазняет девушку и обеспечивает её материально на всю жизнь, либо вступает в любовную связь с замужней, то это в глазах Ибсена тяжчайшее преступление, порошнее навеки. То бишь, разврат сильного пола – преступление, но слабому полу же он почему-то дозволяется. Всё это несколько странно, не так ли?

– Все эти западные явления порождены ещё титанизмом Ренессанса, когда складывается культ индивидуализма, в противоположность русской соборности, – оживился Серёжа, – А теперь ещё одна коварная подмена соборности подсунута – пролетарский коллективизм. Всё это со времён Петра Великого неуклонно разрушает лучшее, что у нас было веками накоплено.

– На сей раз мой черёд заметить: С Вами трудно не согласиться, сударь, – усмехнулся Маковский, – Будем надеяться, что наши женщины, как более надёжные хранительницы очага, донесут всё это до потомков. Ведь мужчина выражает идею личного и идеального, ищет непроторенные пути, а женщина – коллективного и материального, накапливает старое и доброе. Бывают и исключения, как наша Аглая...

Между тем, на другом конце стола, вновь разгорелись страсти и всеобщее внимание невольно переключилось туда:

– Будущее за скептиком и убежденным атеистом и я в этом глубоко уверен! – доносился повышенный голос, молчавшего до сих пор, человека средних лет с высоким лбом под закинутыми назад прямыми тёмными волосами, пря-

мым взглядом и аккуратной бородкой.

– Позвольте, но Россия стояла и стоять будет на православии, как же тогда быть? – удивил некоторых неожиданным для него высказыванием насмешник Кока.

– Не ус-то-ять ей на таком фундаменте!

– Получается, что у России нет будущего? – блеснул мотокль Врангеля в пылу спора.

– Если она не изменит свои принципы, выходит, что нет. Она безнадежно отстанет от передовых стран.

– Ну уж, позвольте, Василий Алексеевич, не согласиться. Ломать корень народный нельзя. Это будет переломом самого хребта...

– А может быть – напротив: излечение больного?

– Вы опасный человек, Василий Алексеевич, разве так можно? – повысил тон Кока.

– «Порядочный человек должен менять свои убеждения, когда жизнь ему доказывает их ошибочность» – так говаривал ещё почтенный князь Мещерский¹¹⁹, а он, не будучи моим идеалом, человек не глупый, – раздался голос седовласого бородача, очевидно старшего из всех присутствующих по возрасту, – так что, любезный наш Кока, ещё не поздно и Вам.

119

Князь Владимир Мещерский (1839-1914), патриот, был сторонником прорусского курса и влиял на Александра III, а также сошёлся в этом отношении и с его сыном. Имел множество противников, поскольку оставался убеждённым сторонником самодержавия и даже обвинялся ими в мужеложстве в целях дискредитации.

– Позвольте не согласиться, Сергей Андреевич, – хребет ломать не позволительно...

– Вы не подскажите, а кто эти почтенные господа? – спросил Охотин соседку полушёпотом.

– Тот, с кудрявой густой седой бородой – господин Муромцев¹²⁰, профессор римского права из Московского университета, очень старинного рода из Мурома. Он пытается создать новую партию из земцев-конституционалистов. Я не так много о них знаю. Тётя рассказывает...

– Так, Вы племянница Ольги Сергеевны?

– Дочь брата её.

– А тот, что всё с Врангелем спорит?

– Это господин Маклаков, он тоже из Москвы, профессор-офтальмолог и адвокат. Говорят, что он франкмасон, а его брат, напротив, убеждённый монархист, – понизила голос девушка.

– Ваш князь Мещерский и самом деле не дурак, но, извините за прямоту – подлец, а к тому же и грешен, – пророкотало черепаховое пенсне.

– Позвольте, да Вы слухами питаетесь, а не фактами, – возразил Муромцев.

– А почему он должен оправдываться, собственно говоря? – взгляд Коки сделался вновь неуправляемо-ёрниче-

---

120

Сергей Андреевич Муромцев (1850-1910) – юрист, публицист и политический деятель. Один из основателей и лидеров Конституционно-демократической партии. Председатель Первой Государственной Думы.

ским.

– Сам князь годами решительно отвергал подобные наветы, а тогда, Кока, такое считалось куда более предосудительным, – с менторской ноткой вставила Ольга.

– Взгляды этого князя тоже эволюционировали. Когда-то он чуть ли не поддержал нашумевший призыв Аксакова к «самоуничтожению дворянства», но позже пришёл к своему идеалу в самодержавии. Но, когда конституционные настроения охватывали значительную часть образованного послереформенного общества, не только интеллигенция из разночинцев, но и дворянская верхушка расценивала ответственное министерство¹²¹, как инструмент обеспечения своих политических интересов, как компенсацию за утрату дореформенных привилегий. Так и флюктуировал наш почтенный князь. А когда покойный деспот¹²² в корне повернул атмосферу в верхах к старому, Мещерский заявил, что освобождённый русский простолоудин начинает превращаться в заурядную «европейскую сволочь», позаимствовав у хваленного философа Леонтьева¹²³ подобное «цивилизованное»

---

¹²¹ После реформы, то есть – отмены крепостного права, дворянство стало склоняться к ответственному министерству, то есть – парламентскому строю, надеясь этим компенсировать часть утраченной своей значимости. За этим стоит его исконное стремление к «феодальной раздробленности» и большей власти, чем при абсолютизме.

¹²² Имеется в виду Александр III.

¹²³ Константин Николаевич Леонтьев (1831-1891) – философ и эстет, геополитик и монах, критиковал западнические и антинациональные ценности. Был

определение среднего человека западного буржуазного общества, – сделал самодовольный реверанс слушателям Муромцев.

– И что все так разночинцев превозносят? Изначально так называть стали отпрысков служащих при Дворе, которые не могли, или не хотели при Дворе оставаться. От этих наиболее ленивых из придворных пошли разочарованные во всём озлобившиеся люди... Позвольте спросить, а почему Вы с такой иронией произносите слово «философ» по отношению к Константину Леонтьеву? – печально спросил отец Виссарион.

– Как бы Вам яснее ответить, – Муромцев почесал густую бороду, – человек, твердящий о «разрушительном ходе современной истории» и о «философской ненависти к формам и духу новейшей европейской жизни» для меня по ту сторону «цивилизованности». Одним словом, потворствующий мракобесию в нашей бедной стране.

– Как у Вас всё просто и ясно, – с грустью продолжает отец Виссарион, разглаживая чесучовую рясу, – Но мир не столь просто устроен.

– Вы должны понимать, батюшка, – со снисхождением, с

в молодости военным лекарем в Крымскую кампанию. Находился на дипломатической службе на Крите. После нравственного кризиса и тяжёлой болезни хочет постричься в монахи, но ему говорят, что он ещё не готов к этому. Он женится, но тесно общается с оптинским старцем. Его философия сочетание эстетизма, натурализма и религиозной метафизики. Примыкал к славянофилам. Перед смертью принял постриг.

высоты своих лет, в тоне, – что прогресс неудержим. Европа технически превосходит нас по-прежнему, но не исключено, что разрыв лишь увеличивается. Так, почему бы не брать с неё пример, если Вы желаете своему народу лучшей, не такой тяжёлой, жизни?

– А Вы бы спросили народ, что он выберет: сохранение веры отцов, или Вашу новую жизнь на басурманский лад?

– Для того мы и должны просвещать народ, чтобы он сделал верный для себя самый выбор. И в этом великая миссия передовой русской интеллигенции! Её изначальное предназначение! – седой старик сверкает глазами убеждённый в своей неоспоримой правоте.

– А что Вы думаете на этот счёт, позвольте спросить? – обратился к соседке-институтке Серёжа.

– В политике я понимаю мало, но внутренним чувством я за батюшку... Только не говорите об этом тёте, пожалуйста! Она считает, что я получила излишне консервативное воспитание. Они борются с отцом моим за «политическое влияние» на меня.

– Я тоже на Вашей стороне. Мы в Первопрестольной консервативнее вас тут.

– А правда, что Вы – поэт? – прозвучал неожиданный вопрос, от которого соседка-институтка сама покраснела.

– Да, это так, хотя... Да какой я поэт, так... – Сергей окончательно смутился.

Неожиданно зазвучал сумрачный голос студента Якова:

– Прогресс необходим и строй менять придётся на конституционный, но нельзя же отнимать у людей веру. Такое может плохо кончиться, – когда тихий студент нервничал, нос его начинал жить независимой жизнью и уже не соответствовал выражению эмоций его глаз.

– Какие вы тут убеждённые собрались, как я посмотрю, – рассмеялся Василий Маклаков, распахивая свой изысканный костюм, – Ладно бы один Его Благословение, а то и молодёжь туда же. Эдак мы далеко не пойдём, господа. Прогресс не терпит его отрицания. Или мы – великая держава или мы катимся на дно технической отсталости, и нас постепенно и элементарно завоёвывают. Всё очень просто, но, к сожалению, далеко не все в верхах понимают столь простые истины. Выживает сильнейший, а не добренький с иконой и в лаптях. Пора сменить лапти на калоши, господа! Не говоря о нашей политической отсталости: и по нынешнему времени приговорить в каторгу ничего у нас не стоит.

– Вы говорите «нас завоюют». Да если вы отнимете у нашего народа веру православную и царя-самодержца, кто же за вас воевать станет? Народ не пойдёт жизнь класть за чужеземные политические системы, вот тут-то нас и завоюют, – отец Виссарион махнул рукой, – Да что говорить, Вы смотрите на меня как на неуча и мракобеса, что Вам со мною разговаривать.

– Буколическая идиллия какая-то выходит у Вас...

Тут вмешалась хозяйка и попыталась сменить тему, ибо

в салоне, подразумевающим вальяжную беседу об искусстве, возобладала политика и возникла непозволительная атмосфера противостояния: «Да что за наказание с ними со всеми! Скоро и собираться станет невозможным! Все предельно погрузились в политику и сходят с ума!» Самый юный из приглашённых, студент в маленьких оловянных очках, хватил лишнего и уже сидел у окна, погрузив длинный нос в расцветшие анютины глазки. Заметив это, Ольга отвела его соседнюю комнату и уложила на диван.

– Милее всех драгоценных камней Цейлона мне тонкий рисунок на поверхности свежеччищенного, едва созревшего конского каштана. Увы, он сохраняется недолго. Не камень он, но если бы окаменел! О, стал бы он царём камней! – рассуждала, вращая очами Аглая, сидевшая рядом с Маковским.

– О да! Свежий Конский каштан с рисунком разреза самоцвета – великолепно! – поддакивал тот, положив свою ладонь на тонкую ручку очередной раз чрезмерно взволнованной девицы, – Но против непрозрачных полудраг ничего не имею. Нефрит и опал люблю, а Вы как?

– Нефрит прекрасен! Спору нет! Полупрозрачность тонкой пластинки сводит с ума!

Гости начали постепенно расходиться. Первым покинул гостеприимный дом Яков Шкловский. Его примеру последовал вечно занятый деловитый Маклаков.

– Имею честь кланяться, Ольга Сергеевна, – с этими сло-

вами Кока припал к нежной ручке хозяйки дольше положенного, оправдывая это, для себя и других, излишком шампанского.

– Ну а мы, с Вашего позволения, ещё посидим за зелёным сукном, – сказали Муромцев с владельцем черепахового пенсне, давно норовившие засесть за карты, – за винишком поблагодарим, да не оскудеет сие жилище!

«Позабывшиеся, потерявшие себя люди. С такими покачнётся православие» – с грустью думал про себя отец Виссарион, покидая этот дом. Когда Сергей вернулся в квартиру, оставленную ему другом на время приезда в Петербург, он тут же кинулся к столу и схватился за перо. Излишне торжественные строки тут же заставили автора перечеркнуть их:

«Пронжу Россию я стихом,
Глаголом всех обезоружу!»

«Такое в наше время не оценят. Всех их не вдохновишь на подвиги во имя Отечества более. Большинство издателей такое печатать не станут... Без разочарованности, без толики декаданса не пройдёт. Дожили. Почему же свет клином на декадентах сошёлся?! Не это ли предвестие конца, заката России?» Вслед за тем он, глумясь над самим собой, вывел:

«Прикорнул я у ракиты:

Вся судьба моя разбита!» И откинул перо в угол стола: «Хоть тресни синица, а не быть журавлём, как говаривал отец».

9. Некоторое прояснение ценой ушей

«Когда порок грандиозен он меньше возмущает».

Г. Гейне

Когда Глеб оглядывался назад на месяцы, прожитые со времени выхода с тремя казаками, корейцем и мальчиком из «застенного Китая» от Николаевского в сторону Цзяпигоу, всё казалось ему каким-то дурным сном. Он продолжал машинально ощущать пространство за своими скулами и не находил там привычных отростков, а лишь всё ещё раздражённую болезненную шершавую кожу. Тогда он резко вставал и подходил к зеркалу. На его осунувшемся обросшем бородой лице отсутствовала былая жизнерадостность с молодым задором, а на голове чего-то не хватало и это продолжало раздражать. «Скорее бы волосы отрасли, а то ведь ни единая дама и не взглянет...» После спокойно прошедшей встречи с главарями нелегального прииска Цзяпигоу, всё шло на удивление гладко. Опасения казаков и Безродного не подтвердились: хунхузы тоже люди, тем более, если им уже хватает золотишка и давно не трогают никакие власти. Конечно и потому, что они хорошо помнили урок, преподнесённый русским генералом с солдатами-ветеранами подавления «боксёров». Когда они подходили к самой Пади, а казаки колебались, оставить ли им Глеба одного с переводчиком, или поддержать до первой опаснейшей встречи, даже

Кунаковсков не заметил, как их окружили. Но никто из окруживших не бросился тут же резать русских. Это были уже не совсем хунхузы, а более старатели, озабоченные сохранением своего промысла. Они помнили, что за убийство русских Цзяпигоу постигла суровая кара в пору расцвета прииска. Пришлось сдаться, а вскоре казаков заставили убраться прочь, обещая не причинить зла «сыщичу». Глеба заперли в натоленную фанзу, неплохо накормив, а утром один из главарей по имени Зоулинь пригласил его на разговор с помощью юного Чжана. Охотина провели в полусожжённую русскими типично хунхузскую крепосцу из круглого земляного вала с частоколом. Если в обычном логове краснобородых, спрятанном в тайге, на зимовку оставалась лишь малая часть «братьев», то в этой пади народу оставалось помногу круглый год. Если настоящий хунхуз всю зиму шиковал в нарядной одежде по притонам и кабакам, то местные полустаратели – полубандиты, постоянно ходили в жалких лохмотьях. Сопровождавшие Глеба стражи не оставляли впечатления разбойников, но более побитых жизнью люмпенов. Неожиданно для Охотина, надменного вида и крепкого сложения краснобородый, предложил ему сделку. С трудом и не сразу смог разобраться во всей интриге Глеб, не говоря об ужасном произношении мальчика-толмача. Постепенно перед ним выстроилась вся логическая цепочка, завязанная на неуловимом Персике. Летом в Падь прибыл небольшой, но очень хорошо вооружённый отряд европейцев и японцев.

Затесался среди них и один китаец. Хунхузы – охранники нелегального прииска и не пытались остановить эту силу. Начались переговоры. Среди иностранцев был светловолосый русский, который походил на одного из заправил, по виду – совершенно городской, тайги в глаза не видывавший. Он постоянно спорил о чем-то с японским начальником и китайцем на русском, а толмач не поспевал переводить, да те и не желали, чтобы переводились их внутренние дискуссии. Оказалось, что повествующий обо всём Глебу главарь, немного понимает по-русски, но не говорит. Кое-что из обрывков речей он уловил. Они переругивались, и блондин повторил два раза, что «тогда не надо было похищать сына Бринера и требовать, чтобы тот продал концессии». Тот китаец всё пытался примирить японского бонзу со светловолосым. Другой русский, шальной на вид, нервный какой-то, защищал светлого, утверждал, что «он дал им много денег на дело, не жалел», а ещё говорил что-то о взрывчатке, что «лишь теперь им на всё хватает». Был среди них и ещё один европеец, который всё время молчал, а блондин обращался к нему на другом языке. Предложение хунхузом из Соболинки оказалось следующим: японцы их вооружают по последнему слову техники, а они за это помогают повернуть ряд дел. Главы «республики» пошли на это, так как оружия, а особенно боеприпасов, катастрофически не хватало. В их задачу вошли регулярные нападения на не русские концессии на территории Кореи, а особенно часто – на японские.

Как это увязывалось с японцами в прибывшем отряде, главварь не понимал, но ему было до этого мало дела. Возглавлять их походы был поставлен хунхуз Линчи, сбежавший из Николаевского. Первое время они работали просто как хунхузы, а потом, временами, должны были из себя разыгрывать русских солдат и казаков, создавая соответствующее впечатление. Им не следовало убивать всех поголовно, а всегда оставлять запуганных живых на лесоповале, но в случае с «оставлением русских следов», вырезали поголовно. Естественно, что в переделках гибли хунхузы, и это вовсе не нравилось главварям «республики», поскольку состав их итак поредел со времени русских экспедиций. Краснобородые потребовали дополнительной платы. В ту же ночь все часовые хунхузы были отравлены каким-то ядом, а отряд «работодателей» исчез, прихватив и уже обещанные за сделанное патроны. В тот же день начали умирать по непонятной причине ещё несколько хунхузов, и было решено дать петуху воду, которую пили охранники в своей сторожке. Она оказалась отравленной. Так окончилось это неудачное для «республики» лето и Зоулинь поклялся отомстить тем незнакомцам. Он искренне старался помочь в расследовании Глеба и вспоминал новые и новые подробности последнего лета, а маленький Чжан так же отчаянно старался лучше переводить для «доброго хозяина». Выяснялись многие детали: тот Светлый, вдруг, навязал «республике» выпуск собственной валюты и сам разработал рисунок на будущей банкноте, а

потом приступил ко крайне примитивному печатанию денег, при полном отсутствии для того условий. Называли Светлого все они не русским именем, а Джагернаутом, что было даже трудно выговорить. Не прошло и пары дней, как Глеб проснулся от треска выстрелов, похоже, что фанзы Соболинки обстреливали засевшие в тайге хунхузы. Он впервые осознал, что его карабин и даже револьвер были отобраны и дело принимает скверный оборот. Перестрелка разгоралась. Охотин мог заметить, насколько больше выстрелов производят нападающие. Было явно заметно, что они не считают патронов. Тут в дверь постучался Чжан. Оказалось, что он принёс Глебу его оружие: «Калеп Котеес, Васэ олузья». Глеб не зря был очень ласков с мальчиком-томачём. Перестрелка затянулась, а он не знал даже куда следует стрелять – была глубокая ночь. Вскоре Охотин понял, что дело худо и «свои» хунхузы пытаются убежать в горы, а чужие неуклонно занимают посёлок. Он решил дорого продать свою жизнь и мальчика. Когда кто-то грубо пытался вломиться в запертую фанзу, Глеб начал палить на слух и не безуспешно, дырявил дверь вместе со скопившимися за ней разбойниками. До самого рассвета он успешно подавлял любые попытки проникнуть во внутрь. Потом раздался чей-то голос, говорящий на внятном русском. Он представился Линчи. Негодяй заявил, что если Глеб не сложит оружие – ему не жить, так как они уже готовы облить фанзу смолой и заживо спалить всех, засевших в ней. Глеб спросил, а каковы гарантии его жизни, если

он сдастся, не лучше ли ему успеть положить ещё хотя бы пятерых наглецов? Линчи ответил, что он им нужен, и когда сядет с ним за стол переговоров, то поймёт почему. «Дальше всё продолжалось, право, будто в криминальном рассказе про Шерлока Холмса, или Ната Пинкертона» – усмехался про себя Охотин. Линчи потребовал у Глеба сотрудничества в обмен на жизнь. Охотин попросил дать ему разобраться, что же происходит, прежде, чем дать согласие. Линчи обрисовал ситуацию, сказав, что его новый хозяин, а может и его хозяева, не хотели, чтобы деликатный Бринер был владельцем концессий на Ялу. Новая комбинация с Мадритовым и Линчи их вполне устраивала, так как они досаждали японцам и, в конечном счёте, неуклонно раздражали самого Микадо. На вопрос Глеба, а почему же тогда в «рядах хозяев Линчи были» японцы, смахивающие на офицеров, хитрый хунхуз, не удивившийся осведомлённости Охотина, заявил, что то были «секретные органы, которым самим так нужно». Больше не удалось из китайца не выжать ни слова. В свою очередь, в обмен на жизнь, Линчи потребовал от Глеба участвовать в известном уже ему трюке и подчеркнуть «русскую руку», при нападении на иностранную концессию. Кроме того, хунхуз заявил, что после установления «новых порядков Балашева», смысл самого существования Николаевского для хозяина терялся. В связи с этим, Николаевской подлежал полному уничтожению, в чём требовалась очередная помощь Глеба. Охотин отвечал уклончиво и ска-

зал, что требует время на размышления. На ночь Глеб оказался связанным, лежащим в холодном углу сарая на сене. Пряно смердело мочой. Надо было протянуть время и что-то придумать, но в голову ничего не лезло, кроме как плюнуть подлецу в лицо и достойно принять смерть. «Сейчас, но героически, или сорок лет спустя, но трясущимся старцем? Что лучше?»

Освобождение пришло неожиданно-негаданно. После второго круга с новой артелью, трое славных казаков решили зайти в Падь и посмотреть, что же там с их московским приятелем, «негоже так вот бросать человека, не по-казацки такое». По пути к Соболинке они наткнулись на свежзамёрзший труп с пулевыми ранениями манзы-старателя, как установили по его специфическим мозолям, потом ещё одного. Все трое подкрались к посёлку и начали наблюдать, что же там нового. Разобравшись, что к чему, бесшумно «сняв» часовых в ночи, они прокрались в сарай, где лежал, дрожа от холода, Глеб. Поначалу, освобождённый от пут Охотин не мог пошевелить затекшими от верёвок и холода конечностями, не то чтобы бежать. Ещё он заявил, что не уйдёт, если не спасёт Чжана. Когда Глебу показали мальчика, уже остывшего, болтающегося на косе, привязанной к ветви сосны, он понял, что надо бежать, и как можно скорее. «Не скоро парнишке доведётся с удочкой сидеть», – заметил Кунаковсков. К их счастью, в ту ночь не было луны и начинал сыпать снег, тут же скрывающий их следы. Сначала казаки решили пой-

ти на юг, чтобы сбить с толку преследователей, а потом резко повернули в сторону Харбина, пройдя некоторое время прямо по воде ручья. Словом, таёжник Кунаковсков запутал след должным образом. Предельно измотанные, добрались они до города, но даже не обморозились.

Оказалось, что в Харбине Охотина поджидал местный сотрудник сыска с важными новостями из Москвы. Петербургским сыском был обнаружен склад террористов с колоссальным количеством динамита, при их собственном секретном динамитном заводе. Непонятным в этой истории оказался факт, что взрывчатка была предназначена не для внутреннего пользования, то есть привычного уничтожения начальников Департамента полиции и до взрыва Зимнего Дворца, но напротив, ящики с динамитом уже были в процессе погрузки на судно, идущее во Владивосток через Сингапур. Преступников поймали случайно из-за неожиданной проверки возможной контрабанды. Все пойманные оказались начинающими террористами, или просто недавно нанятыми и не смогли пролить свет на происшедшее. Один из них, похоже, знал больше, но был отравлен в тюрьме непонятным образом. Идёт следствие о соучастии в преступлении сотрудников полиции. Имелась и занятая деталь, упомянутая специально для Охотина: во всю стену склада с динамитом было нарисовано красками персиковое дерево, разрывающее корнями огромную, судя по уровню облаков, гору во льдах. Вет-

ви дерева тянулись до небес, где сидели уже знакомые желтолицые боги... Позже Глеб запросил помощи владивостокских коллег. С немалым удовольствием Глеб получил телеграмму, что его владивостокский коллега заставил Бринера признаться в том, что его сын был в самом деле похищен, и он сам, под угрозой казни сына, вынужден был срочно продать концессии. Юлий Иванович слишком боялся за своих детей, чтобы рискнуть вмешать в это дело полицию. «Главварь Соболинки неплохо понимает по-русски...» В те дни в Харбине Глеб пытался соединить разрозненные факты воедино и получалась странная картина: «Бринера заставили продать участок, так как он недостаточно «раздражал» японских лесорубов в Корее. Мадритов с Линчи делали это достаточно успешно, следовательно, никто их не трогал. Отсюда вытекает, что кому-то на руку развязывание конфликта России с Японией. Участие японских агентов в подливании масла в огонь не так уж необъяснимо. Есть и внутри Японии круги, которым война не угодна, а кому-то очень даже выгодна, как и в России. Был там ещё белый, который не говорил по-русски. Наверняка англичанин. Они всегда рады затеять пакость против России и поддерживают Японию. Важно, в данном случае: кому она на руку в России? Государю? Конечно нет, Он всегда предпочитает мир, хотя и пошёл на экспансию на Дальнем Востоке, но лишь сугубо мирным путём. Кому-то ещё в петербургских верхах? Вряд ли, поскольку их там интересует, напротив, мирное экономическое по-

корение Кореи и Маньчжурии. Если не брать придворных авантюристов вроде Абазы Младшего. Россия не готова для войны, как уверяет отец, и не хочет её. Если во времена последней Турецкой часть генералитета ещё рвалась сразиться с британским львом, то с тех пор уже таких и не осталось, как уверяет отец. Кому же в Империи она выгодна? Оголтелым террористам! Вот кому! Эти невротики готовы на всё, лишь бы самодержавие рухнуло и власть перепала им. Хорошо, допустим, и тот самый Персик один из террористов, но почему же ему понадобилось отправлять динамит в больших количествах за рубеж, вместо того, чтобы делать подкопы в Царском Селе? Может он хотел помочь Японии для развязывания войны, подбросить взрывчатки? Не убедительно, японцам уже помогают англичане, которые имеют гораздо более мощные военные заводы. Да и не было предписание захода этого судна в Токио, а лишь в Сингапур и Владивосток. Неувязка...» Теперь Глеб понимал, что подобным образом он мог бы рассуждать, преспокойно сидя в поезде и, что главной его ошибкой было оставаться в Харбине, не учитывая длины лап того же Линчи. Ночью неизвестные ворвались в гостиницу Глеба, убили охранника внизу, вышибли дверь в номере и прижали, едва пробудившегося Охотина, головой к краю кровати. Один из напавших в маске, самый дюжий, держал руки Глеба за спиной, другой прижал лезвие ножа к горлу, а третий мучительно медленно отрезал уши Глеба одно за другим. Если бы не нож ко глотке, могучие

ручищи Охотина Второго оказалось бы не так просто удержать. Совершив хирургическую операцию, человек в маске начал калить что-то над пламенем свечи и, когда от странного предмета, зажатого в щипцах, донёлся запах горелого дерева, прижал этот предмет ко лбу Глеба. Смердело палёным мясом. Потом его ударили по голове чем-то увесистым, и дальше Глеб помнил лишь то, что нашёл себя в кавэжэдэской больнице Харбина. Долго его мучили головные боли, и сознание временами отключалось. Постепенно травма черепа перестала давать о себе знать и молодой организм выкарабкался из критического состояния. *Вспоминал, как врач рассказывал, что этой осенью пять сотен хунхузов разграбили город Кайчи в Маньчжурии, похитили все запасы серебра, всех лошадей и взяли в заложники десятки купцов. Спустя некоторое время к воротам городка Бодунэ¹²⁴ подъехали двое кавказцев, представившимися подданными России и попросили впустить их. Как только ворота были открыты, около семи сотен краснобородых, залегших рядом в гаоляне¹²⁵, ворвались в город. Охранникам КВЖД пришлось долго штурмовали стены Бодунэ с пушками! А ещё убивала пустота на том месте, где должны быть уши. Врач рассказал, что уши его были продеты на нить и подвешены на шее у их*

---

¹²⁴   Нынешний Фууй в провинции Цзилинь (Ершов Д. Хунхузы: необъявленная война).

¹²⁵   Гаолян – сорт сорго вырастающий до 3-4 метров в высоту. Культура и пищевая, и кормовая, и техническая.

владельца, а на лбу долго оставался след от раскалённой косточки персикового дерева, которой его пытали. С тех пор, всё уже зажило, а головные боли, вроде бы совсем перестали одолевать, но Глебу казалось очень унижительным полное отсутствие ушей «словно я из секты безухих! Недаром Пьер Безухов был излюбленным героем Бори, но не моим. Я должен найти этих поддонков и наказать. Теперь уже и лично заинтересован! Не поймаешь лягушку за уши». Выбритые докторами волосы росли, как на зло, очень медленно.

Дальше – хуже. Никаких знаков присутствия Персикового Божка. Когда, в конце зимы, Глеб вернулся в Москву, Лебедев порадовал его новостями из столицы о том, что в лаборатории подпольного завода были найдены очень занятные чертежи с надписями знакомою уже рукой Персика-Джагернаута. Почерки были сопоставлены специалистами. Целая серия чертежей, схем и рисунков находилась рядом картами, отпечатанными в Британской Индии. После анализа всего этого материала стало ясным, что некто намеревается взорвать высочайшую вершину мира, вычисленную недавно британскими топографами в Гималаях – пик Эверест. На картах Гималаев имеются пометки возможного маршрута экспедиции к подножию горы, на отдельных бумагах – скрупулёзные расчёты количества необходимых мулов и погонщиков для груза, числа рабочих для пробивания подкопа во чрево горы и прочие инженерные выкладки. На дру-

гих бумагах – чертежи этих сооружений. Масштабный проект был разработан с достойным техническим обеспечением во всех деталях. Оставалось загрузить динамит и доставить его через весь Индокитай, охраняемый англичанами, кстати, много меньше Индостана, к подножию пика. Кроме того, среди бумаг и карт был найден известный определённым ведомствам катехизис Нечаева¹²⁶ и отдельные адреса, по которым останавливались революционеры. Возникал вопрос: для чего всё это было нужно, и с какой целью была произведена такая титаническая работа по сбору труднодоступных карт и так далее. Петербургская полиция поспешила запросить по

126

Сергей Геннадьевич Нечаев (1847-1882) – революционер написавший, вероятно, вместе с Бакуниным, «Катехизис революционера», в котором оправдывал любое зло, если оно было полезно революции. На высоте своего сознания он объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести, готовым на всякую мерзость, подлог, обман, грабёж, убийство и предательство. Ему разрешается быть предателем даже своих соумышленников и товарищей. «Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России!», – призывал Нечаев. В Москве он создал из студентов заговорческую организацию «Народная расправа» и установил собственную диктаторскую власть. Студент Иванов не пожелал беспрекословно подчиняться мистификациям и шантажу Нечаева, за что тот организовал его убийство, а сам бежал за границу. В Лондоне издавал журнал «Община», проповедовавший идеи казарменного коммунизма. Труд обязателен под угрозой смерти, а всеми делами распоряжается никому не подотчетный и никому не известный комитет. Нечаев вернулся в Швейцарию и был выдан российским властям как уголовный преступник. Был осуждён на заключение в Петропавловской крепости и вёл себя на процессе вызывающе смело. «Нечаевщина» была осуждена большинством русских революционеров. Достоевский вывел Нечаева в образе одного из отрицательных героев романа «Бесы».

дипломатическим каналам в Лондоне, а потом и в Калькутте, кто обращался за подобными секретными новейшими картами к военным топографам Британской империи? Спустя ещё несколько мучительных месяцев, за которые не произошло ничего, хоть сколько-нибудь бы напомнившее о существовании на этом свете Джагернаута, пришёл ответ из Лондона, что сведениями утечки подобной картографической информации они не обладают. Но карты были произведены в секретной военной типографии и не являлись копией. «Скверно следят за порядком их военные ведомства...» Ещё Стефанов передал Охотину, что в Риге были обнаружены двое убитых, а затем и двое в Вильно, судя по всему – известные «варшавские воры». Глеб получил письмо от своего столичного знакомца, профессора Иркентьева, который сообщал о выходке с разбросанными персиковыми косточками по салону госпожи Третнёвой после посещения его незнакомцем, представившимся другом одного из постоянных гостей салона, что не подтвердилось. В конце имелась приписка профессора: «Никого даже не отравил, но всласть покуражился. Говорят, что персики те были очень вкусны. Увы, я был не в настроении посетить салон в тот день».

За это время Лебедев, Стефанов и Охотин родили рабочую версию всего странного «персикового дела»: «Некое лицо, именуемое себя Джагернаут, или Джахангир, а возможно, на самом деле Владимир, инженер по образованию (чер-

тежи и расчёты выполнены профессионально), технократ в душе, посвящавший много времени ботанике, химии (изучает составы ядов) и на досуге востоковедению, становится маньяком. Он мечтает о власти над миром, или, для начала, хотя бы над Россией. Для того, чтобы достичь такой власти, ему понадобились другие люди, которых он мог бы в дальнейшем устранить. Он мог бы опереться на террористов и выходит на них (ещё и Нечаева почитывает). Он грабит, как минимум, два банка и очень удачно. Очень вероятно, что он поручает каким-то подонкам убрать варшавских воров, с которыми не захотел делиться. Возможно ещё и вкладывает деньги в некоторое дело и становится весьма состоятельным, стараясь не афишировать этого. Тщеславие побуждает его использовать некий символ, чтобы запугивать и сбивать с толку полицию и он выбирает хитроумную путаную символику, связанную с восточными религиями. Но цель его не богатство, а безграничная власть. Он сам, или с помощью террористов решает вложить деньги в производство взрывчатки и создаёт мощный подпольный завод с новейшим оснащением (до сих пор не смогли выйти на следы заказчика определённых химических компонентов, нитроглицерина с ватой и тому подобного, а также станков). Параллельно он, изучая растительные яды, убивает викария, потом и семью судьи. При этом, заметно его болезненное стремление к садизму. В целях обогащения, или из побуждений коллекционера, он прихватывает самую ценную картину в доме судьи, а широ-

ты образования для выявления её ценности ему хватает. Не исключено, что у преступника болезненное восприятие женщин, и он ходил к проститутке, а потом и убил её с излишней жестокостью. Возможно, что он имел ребёнка от той самой женщины и заставил её подкинуть дитя, или подкинул сам, усыпив сильным средством, и истерзал его из садизма. Желая собрать побольше сведений о проникновении ко Двору и влиянии на него, явился тогда в салон Третнёвой. Как показал опрос хозяйки салона, он интересовался возможностями влияния на Царскую семью. Ещё Третнёва отметила, что незваный гость убеждённый вегетарианец. По поводу Дальнего Востока – сложнее. Вероятно, что в террористических верхах его используют как денежный мешок, но и поручают какие-то свои дела, он понимает, что может быть убит этими людьми в случае отказа и помогает им во всём. По поводу продажи концессий Бринером, после запугивания того убийством сына, получается, что маньяк собирался вложить свои средства в корейские концессии и делать там всё по указке террористов, которым выгодно нагнетание напряжённости между Россией и Японией. Покуда деятельность Мадритова с Линчи вполне устраивала террористические организации, возможно и международные, отдавать концессии маньяку и не требовалось. Потом они вновь вмешались, чтобы усилить недовольство японских властей незаконными действиями России. Попутно, будучи в Корее, маньяк захотел вновь возвеличить себя, а заодно и запугать российские вла-

сти. Он пытается наладить выпуск денег с персиковой косточкой и приказывает своим людям послать косточки в Имперскую канцелярию и тому подобное. Он сам, или его человек, протаскивает самодельную пушку в сыскное отделение Петербурга. Маньяка одолевает навязчивая идея взнести на воздух высочайшую вершину мира, чем он бы доказал своё беспредельное могущество. Возможно, чтобы доказать технический прогресс Хомо Сапиенс в своём лице. Но его сотрудникам террористам подобная непрактичная мысль вовсе не по душе и они не могут быть довольными огромными затратами на подобные глупости. Возможен конфликт. Именно поэтому долгое время полное затишье, а тут ещё и захват подпольной фабрики – огромный удар по финансам. Всё вышло весьма логично, да только нет ни малейших шансов ухватить преступника за хвост. «Каков подлец! Но ещё Гейне сказал: «Когда порок грандиозен он меньше возмущает».

Единственными новостями для Глеба в те дни стало известие о том, *что не так давно Линчи схватила китайская полиция и казнила обезглавливанием с повешением головы за косу на столбе. Имелись и политические новости на Дальнем Востоке: Приамурское генерал-губернаторство и Квантунская область, то есть сам Порт-Артур, объединились под наместничеством адмирала Алексева, принадлежащего к «безобразовцам». Это с новой силой раздражает Японию, почти утратившую бывшее влияние в Корее. В*

учреждённом Высочайшим указом Особом комитете по делам Дальнего Востока заправилой становится другой «безобразовец» – статс-секретарь Абаза, получивший уже чин контр-адмирала. Становится очевидным, что мы на грани войны с японцами. К сожалению, при Дворе господствует презрительное отношение к японцам, и слышны лишь самоуверенные речи Военного Министра Куропаткина, который постоянно твердит одно: «Разве они посмеют, ведь у них ничего нет, и они просто задирают нас, предполагая, что все им поверят и испугаются». Недавно правительство России «активизировало освоение концессий, в частности введя туда от трёхсот до шестисот солдат, переодетых в гражданскую одежду. В задачи солдат, помимо рубки леса, входило строительство военных дорог». Тут Глеб не удержался: «Так это же, просто подарок для тех, кому не терпится, чтобы война с японцами началась как можно скорее! Будет к чему придраться, чтобы оправдать всё, что угодно!» А дальше следовало: «К счастью, мудрый новый министр финансов Владимир Коковцов не позволил расходовать деньги казны на дальневосточную экспансию, несмотря на то, что его упрощивал об этом старый товарищ по лицу Вонлярлярский. Одним из активных инвесторов русской концессионной деятельности на реке Ялу становится хабаровский китаец, русский подданный Тифонтай¹²⁷. В Брюсселе и Лондоне Рос-

сийская Социал-демократическая Партия провела II съезд, на котором она раскалывается на большевиков во главе с Лениным и меньшевиков во главе с Плехановым и Мартовым». На этом обзор заканчивался, но оставлял повод для невесёлых размышлений.

10. Охотины и Ртищевы

«В одну телегу впрячь невозможно коня и трепетную лань»

А. Пушкин

Настасья Николаевна Охотина-Ртищева сидела за письменным столом, склоняясь над страницами «Общего гербовника дворянских родов Российской империи», в котором уже который раз обнаруживала повествование об Аслане Челеби-Мурзе, принявшего в четырнадцатом веке право-

---

первой партией завербованных правительством китайских рабочих. Через 10 лет участвовал в русско-китайских переговорах об уточнении границы, в которых отстаивал интересы России. С середины 1880-х годов Тифонтай пытался стать подданным России. Его прошение было отклонено, поскольку Тифонтай не перешёл в православие. Прощение было удовлетворено в 1891 году. В 1895 году Тифонтай стал купцом 1-й гильдии. Во время Японской войны 1904—1905 годов Тифонтай занимался снабжением русских войск. В 1907 году у Тифонтая начались проблемы с кредиторами, с которыми он сотрудничал во время войны. Тифонтаю было выдано «заимообразное воспособление от казны» в размере 500 тысяч рублей, но всех убытков оно не покрыло. Он был награждён орденами в 1906 году.

славию и получившего имя Прокопий. Сын же его, Лев Прокопиевич, по прозвищу Широкий Рот, или Лев-Ртище, становится родоначальником Ртищевых. Настасья вновь подходит к зеркалу на стене и рассматривает свой нежно очертанный небольшой рот, вздыхает и садится за бумаги. С семнадцатого века славный род Ртищевых сражается с поляками, крымскими татарами и литовцами, жалованы государевыми постельничьими, окольныхчыми и наконец – детьми боярскими. Дед Настасьи, генерал-майор, покрывает род славою на Кавказе и во время Крымской кампании. Отец героически погибает в Геок-Текинской экспедиции Скобелева вскоре после успешно завершённой Балканской войны. Папа она не помнила вовсе... Когда Борис бесшумно подошёл сзади и охватил её слегка за плечи, Настасья вздрогнула.

– Вот ты опять меня пугаешь.

– А ты вновь занимаешься всей этой галиматьёй. Хочешь найти там что-то новое?

– И что в этом предосудительного? Что тебя так раздражает?

– Люди в наше время предпочитают заниматься делом.

– Подскажи тогда более определённо своей глупенькой жёнушке: что же является делом? Что вздором ты мне уже растолковал.

– Ладно, мы ещё поговорим об этом, а пока что я умираю от голода. День выдался, как обычно, тяжёлым.

– И как обычно ты будешь наедаться на ночь и полнеть

пуще прежнего.

– Это моё личное дело, дорогая.

– Мне так не кажется.

– Ну, если тебе будет стыдно идти со мною под руку по городу...

– Мы уже давно никуда не ходим вместе, тем более под руку. И ты думаешь, что мне должна быть по сердцу вся твоя политика после этого?

– Моя политика сделает весь народ счастливым. Нужно лишь время.

– Время работает на народ, допускаю. Но оно разрушает наши с тобой отношения, тебе не кажется? Ты думаешь всё так просто?

– Время разрушает и скалы, не только человеческие отношения. Ну вот, ты уже испортила моё настроение, тогда как все конституционалисты почти уж предвкушают победу.

– И тебе кажется странным, что я начинаю тихо ненавидеть твой Союз земцев-конституционалистов? – изящные чёрные брови её ломано взлетают вверх.

– Ну, брось. Опять ты за своё. У меня болит голова, и желудок требует своего. Довольно.

– Прекрасно, Евдокия давно тебя поджидает с пирогом, ну а я уже поела.

Настасья продолжает возиться с бумагами, а муж раздражённо шагает в гостиную. Служанка, поджидавшая любимого барина со свежайшими рыбным и капустным пирогами,

бросается греть чай. Прибор с маринованными грибами уже на столе.

– Вот, Борис Гордеич, с пылу-жару, – подавая два куска от каждого пирога.

– Афдотья, а Вы хоть отдохнули нынче? Книжку в кресле почитали? – поинтересовался Борис, пристально разглядывая это юное пышнотелое очень светлых пастельных тонов создание.

– Время-то маловато было, Борис Гордеич, всё хлопоты заедают: и постирать успеть надобно и полы вымыть.

– А Вы хотели бы бросить всё это и начать учиться дальше? Ведь только читать и писать уметь – маловато немного, а? Не думаете?

– А нам что ученье? Простому-то люду? Что толку от него выйдет? Ну выучу науки, а дальше? Тем паче, вот, девушке? И замуж-то брать не захотят слишком учёную. Спужаются, что заучит.

– Но это же интересно, много знать. Иль я не прав? Недопонимаю что-то?

– Интересно-то оно интересно, но не стану же я учёной, не стану студентов в университете учить?

– Почему же нет? Если упорно учиться – всё можно. Вон, Михайло Ломоносов... Был бы я побогаче, отпустил бы я Вас, Дуня, учиться, оплатил бы всё. Надо, вот, денег раздобыть.

– Да что Вы, Борис Гордеич, право и впрямь во краску

меня, бедную, вгоняете! За что мне честь такая.

– Все имеют право на учёбу. Право это дано свыше. Но учиться должны достойные, кто хочет и любит науки! Вот в чём загвоздка.

– Да, делу – время, а потехе – час, Борис Гордеич, чай поспевает у меня, простите, – выбегает в кухню.

Глядя на её нежное округлое личико, серые потупленные глазки, ловкие проворные руки, Боря ловил себя на всё более странных мыслях: «А чем она хуже отпрыска древнего ртищевского рода? Почему она лишена возможности продолжить учёбу и должна прислуживать бездельнице, которая уже не желает ничего делать, кроме самолюбования, да чтения декадентских писак, либо генеалогии российского дворянства? Для этого ей нужно было образование? Одень Дуню получше, научи потоньше мысль выражать, ведь ничем не уступит, да только живее будет, без лени этой породистой». Борис с отвращением полистал свежий номер «Московских ведомостей» и начал собираться ко сну.

Ночью Настасье опять не спалось, всё одолевали невесёлые мысли. Борис мирно похрапывал – устал. Она подошла к окну и, вглядываясь в темноту разгара ночи, пыталась уловить слабый запах увядающей сирени в соседском саду. Своего сада при доходном доме быть не могло, а хотелось бы. Утром муж неожиданно заявил:

– Приснилось мне, что вот, едва к ранней обедне звонили, а проснулся я в остроге...

– Не мудрено. Доиграешься ещё со своей политикой. Тем всё и закончится.

– Какая приятная у меня жена! Как тонко чувствует она нужды народные! А жёны декабристов, как известно...

– Твои декабристы хотели лишь одного: власти. С Государем делиться ей не желали. Почитай их переписку внутри всех этих союзов спасения, общественного благоденствия, юго-западно-восточных обществ, замешанных на масонских ложах пламенеющих звёзд.

– Ты сейчас кощунствуешь, – замялся Боря, поразившись её осведомлённости: «может и не зря сидит с книгами целый день? Не дура, поди. С молодых ногтей приучена к педантичности, может чего-то и достигла. Но до сих пор не замечал...»

– Кто мне говорит о кощунстве? Тот, кто давно уж заявил, что не будет поститься, что не желает даже посещать службу?

– Что тебе-то от того? Для меня кощунство в отношении достойных людей значимее такового в адрес абстрактного божества.

– Так, не суди о кощунстве. Твои декабристы ещё не канонизированы, между прочим.

– Мне этого и не надо, а ясное дело – напротив...

– Тебе всё и всегда «напротив». Ты меня больше не любишь, – напряжённо сглотнув и стушевавшись от того, что вот-вот заплачет.

– Не будем расставаться в таком настроении, дорогая, а

через полчаса мне надо выходить.

Впопыхах проглотив заботливо приготовленный Дуней завтрак, Борис выходит в прихожую. Настасья стоит в дверях в халате с не выспавшимся видом и провожает печальными словами:

– Если тебе не нужны идеалы отцов, церковь наша. Если тебя не трогает то, что составляет часть меня, хотя бы удели побольше внимания своей карьере, вместо сомнительных политических дебатов, чтобы достичь иного уровня доходов, чтобы наши дети...

– Какие дети, дорогая, где они?

Она не выдерживает и убегает наверх, чтобы скрыть слёзы. Он понимает, что перегнул и ранил её в самое больное место, оттёр проступивший на лбу пот. Вбегает Дуня со свежачи начищенными ботинками Бориса, приговаривая:

– Ой, Борис Гордеич, припозднилась я немножко, не судите строго. Молостье¹²⁸ нынче на дворе, пропитала я их жиром...

От Дуни пахло духовитым цветочным одеколоном и свежестью девичьего тела под тонким ситцем – «ух!»

«Такая деваха и родит справно, не то, что «утончённо устроенная», – подумалось уже в пути. Весь день и работалось не так, а вечером, впервые в жизни, Настасья закатила настоящую истерику с битьём вазы. Пришлось успокаивать, осыпать поцелуями, говорить о высоких чувствах, которых

давно и след простыл.

– Ты вчера всякий вздор говорила, дорогая. Смотри, не помышляй о глупостях без меня. «Мысль о самоубийстве – сильно утешающее средство: с ней благополучно переживаются иные мрачные ночи». Кажется Ницше сказал. Но, всё равно, лучше не надо о таком даже и думать, – говорил Борис уже утром, спеша на службу.

– Вот ещё, вздор какой! Да разве ты достоин того, чтобы я себя отправила на тот свет от причинённых тобою обид? И не подумаю. Мещанский король Луи-Филипп не зря получил от Николая обращение «любезный друг»¹²⁹...

Борис промолчал, но затаил обиду на желчные слова жены: «Утешал её, мерзавку, до поздней ночи, не выспался, змею пригревая, а в результате такое получил! Ну и дурак. Сам и виноват в том! Распустил! Ещё, змея, намекает на моё мещанское, по-сравнению с ней, происхождение! Да мои предки служили не менее славно Отчизне, чем Ртищевы! Выбирай жену не в хороводе, а в огороде, говаривала мать». В тот день работалось как никогда продуктивно, наверное от злости, а на вечернем заседании земцев красноречие и гражданское мужество Охотина Первого не знало предела. Когда Борис вернулся домой, к его несказанному удивлению, оказалось, что жена срочно уехала в Петербург, как передала

129

Подобное обращение между монархами подразумевало, что Николай I вздумал подчеркнуть, что Луи-Филипп Наполеон III не ровня ему (иначе было бы сказано «Брат», а не «Друг»), а лишь узурпатор трона. Эти слова так оскорбили нового императора Франции, что он стал инициатором Крымской войны.

Евдокии – к кузену Кириллу. В комнате Настасьи он нашёл на видном месте запечатанное письмо. Чтение его оказалось очень болезненным занятием даже для достаточно циничного Бориса. «Уезжаю в расстроенных чувствах, не понимая более, что хочу от жизни. Смена обстановки может ещё спасти меня. Не могу более сидеть безвылазно в этих стенах. Одно мне стало ясно, что я тебе не нужна. Родить я не могу – к чему я тебе такая? Мои пристрастия тебе глубоко чужды, как и твои мне. Мы не понимаем друг друга – к чему продолжать совместное существование? Такое состояние длится не один год и становится невыносимым. Не знаю, что будет с нашими отношениями дальше. По-моему их нет смысла продолжать. Прости и не осуди, Н.». строчки поплыли перед глазами Охотина. Почему-то вспомнилось, едва сразу же не расплакавшемуся от горечи утраты Боре, как в детстве он с братьями и сёстрами пел перед дверью соседей и родственников в дни перед Рождеством и получал традиционные угощение, или монетки. А после рождественского колядования шло новогоднее овсеньканье с теми же сладостями от соседей и родни. Вспомнилось сладкое сочиво в Сочельник и святочное гадание с сестричками, великолепие рождественской ёлки, с любовью наряжаемой каждым членом семьи на свой лад. Настасья, почему-то, совсем не вспоминалась. Даже лучшие первые годы, когда он не мог не нарадоваться красотой её. Невыносимо грустно стало от всех подкативших к горлу детских воспоминаний и хотелось плакать.

Горько, по-детски, зарывшись в подушку, горше, чем от ухода жены. Но, почему-то становилось особенно тоскливо на душе и даже страшно от этой неуловимой связи между его светлым детством и Настасьей. «Может быть от того, что мне необходимо теперь отречься от всего этого во имя светлого будущего? От того, что всё моё прошлое есть ошибка и детей надо растить совершенно иначе, чем делали это мои родители? А ведь они всё ещё портят Алёшу и Антошу!» Пришло в голову и то, как воспитывают ныне некоторые иные. Недавно он слышал рассказ наиболее радикального приятеля по Союзу, который уже состоит в новой партии, как жена его, правильно воспитывает маленького отпрыска, спросившего, при виде тюрьмы: «А что там?» Мать пояснила, что «Россией правит злой царь-кровосос, а с ним борются за право выживания хорошие честные люди. Царь хватает их и бросает в тёмные сырые подземелья. Несчастные добрые люди мучаются там годами, пока их не освободим мы» и так далее, в том же духе. Охотин чувствовал нутром, что коллега перегибает, вместе со своей женой, но никак не мог окончательно признать, что так тоже нельзя. Соглашался с тем, что необходимо в корне менять воспитание детей. «Настасья – тот же ребёнок, а глупые амбиции не позволяют ей встать на верный путь под моим влиянием. В этом главная трещина между нами. А ведь могла бы и послушать ведь я на тринадцать лет постарше этой пигалицы. Да и умом пошире. Но только, увы, жена не сапог, так просто с ноги не скинешь...»

Через день Настасья сидела в доме своей петербургской тёти, где встретила, спустя несколько лет разлуки, своего двоюродного брата Кирилла, с которым они некогда играли вместе. Кузен был на два года младше, но некогда они очень дружили. Трудно было узнать того резвого мальчика в высоком строгом юноше с несколько надменным выражением лица в щегольском кавалерийском мундире. Нет, былых отношений с ним уже никогда не может быть и это ещё раз больно укололо её сердце, а всё ещё красные от слёз в поезде глаза, вновь увлажняются и ничего она поделать с собой не может. Тётушка уже, конечно, понимает, что что-то случилось, но не позволяет себе столь прямолинейно вмешиваться в жизнь взрослой племянницы. Тётя всё также строго смотрит, поднося свой, усыпанный мелкими камешками драгоценный лорнет к глазам, а затем дарит тёплую улыбку. Эта по сей день удивительной красоты дама не изменилась ни капли, а лишь слегка «подсохла». Племянница с тётей расспрашивают Кирилла об Аркадии Охотине и тот, почему-то, отвечает очень смущённо и нечленораздельно. Очевидно, что и их отношения не сложились. «Почему так? Или Ртищевы не уживаются в принципе с Охотиными?» – эта мысль не даёт Настасье покоя. На следующий вечер к ним пришёл в гости Сергей Охотин, приглашённый тётей помимо воли Настасьи, поскольку он находился в столице. Брат мужа был ей даже приятен, но встречаться с ним, тем более теперь, не

было не малейшего желания. Он был много мягче и душевнее мужа, обожал поэзию и литературу в целом, с ним можно было всегда найти тему для состоятельного разговора. «С ним бы не вышло такого разлада», – подумалось невольно и слёзы вновь подступили к горлу. Они сидели долго за ликёрами и кофе. Сергей подавлял всех своими познаниями в литературе и искусствах, да так, что гордый Кирилл, поначалу слушавший со вниманием, совершенно стушевался и тихо покинул сборище. Говорил Охотин много и увлекательно и о религиозной философии Владимира Соловьёва, ставшей основой символизма, и о теософии Блаватской и индуизме с буддизмом, тут же проводил параллели с Ницше и Шопенгауэром. Одобрял волнующую своей новизной поэзию Брюсова, идеи Мережковского, восторгался музыкой Метнера и Шумана. В его речах проскальзывала постоянная критика декадентов, хотя и не злая, но это никак не могло нравиться Настасье, увлечённой их открытиями. Охотин, впрочем, так расхвалил Мережковского с Брюсовым, что сгладил своё общее неприятие декаданса. Незаметно тётя оставила их одних, возможно с умыслом, чтоб дать племяннице отвлечься от тяжких мыслей. Сергей всё чаще припадал к рюмке и скоро, явно утратив над собой контроль, воскликнул:

– Право, в таком уголке, глядя на Вас, я б исписывал горы бумаг романтическими сонетами, как говорится – хоть «лёжа и пусть даже левой ногой»! И ни единого среди них с душком декаданса! Лишь возвышенно и платонически. В

наше время так не пишут: «Ланиты Ваши бесподобны...»

– Довольно, Серёжа, уже поздно и мне пора спать, – вздохнула Ртищева, а про себя добавила: «Хватит уж с меня «фиолетовых рук на эмалевой стене» Брюсова и охотинских красавчиков, да ещё и таких рыхлых. Скоро он совсем толстым станет, как бы пригож на лицо не был – фи... Что за глупости в голову лезут?»

В тот роковой летний вечер Борис пришёл домой позже обычного и навеселе после обильных возлияний по поводу радужных планов Союза, а также приглашения его вступить в ряды Вольных каменщиков самим Василием Маклаковым. С настроением, что лишь это жизнь и глупые жёны не смеют её портить, он уселся за стол, чтобы утолить голод после долгого сумбурного дня. Дуня, как и прежде, суется вокруг, подавая блюда. Домашнее тепло вновь вызывает повторную волну действия красного вина.

– Дуняша, а Вы замуж, случаем не собираетесь?

– Да что Вы, Борис Гордеич...

– Так, вроде уж пора. Даже и не помышляете? Хотите денег накопить, или как? Планы на будущее же есть у Вас?

– Какие планы, Борис Гордеич, возьмёт хороший человек замуж – пойду...

– А что, мало людей хороших?

– Мало, Борис Гордеич, – вдруг резко изменившись в лице, потухнув взглядом отвечает Авдотья.

– Как так, ведь живём в большом городе?

– Ахти-матушки, не говорите так больше, Борис Гордеич, ой плохо мне от таких разговоров!

– А что такого я сказал, Дуняша?

Она спешит на кухню и через секунду до Бори доносятся всхлипывания. «Совсем сдурела бабёнка! Ещё одна мне истеричка. Хоть увольняй. Мне на службу завтра! Всё веселье изгадят!» Идёт на кухню:

– Евдокия, плакать-то рано, я ещё голоден. Уж Вы бы сначала работу свою закончили...

Но становится очевидным, что едкие слова лишь подливают масла и вызывают целый поток слёз. Кровь с вином бросается в голову Бориса, и он прижимает её к стене, пристально вглядываясь в заплаканные глаза:

– Ну что случилось? Отвечай уж теперь, раз так, нечего душу тянуть!

– Ох, Борис Гордеич, худо мне на белом свете!

– Отвечай прямо, что случилось. Теперь уж не томи. Сама напросилась на прямой вопрос.

– Был у меня парень, Борис Гордеич, да бросил...у-у-у!

– Прекрати выть, расскажи по порядку. Может парня того и призовём к порядку силой закона. Выкладывай начистоту.

– Ох, Борис Гордеич, охмурил он меня года четыре назад, как раз перед тем, как к Вам взята была, охмурил, ирод, да бросил...у-у-у! Красив он был почти как... почти как Вы...

– Всё уж выкладывай, давай! – ещё теснее прижимает к

стене и ощущает нежное трепещущее пышное тело под тончайшим ситцем.

– Родила я от него, а у родителей моих ни гроша и подкинула я моё дитяtko...у-у-у!

– Так, давай найдём парня и заставим позаботиться о тебе. Ведь это подлю!

– Ой, Борис Гордеич, воров он оказался, в Марьину рощу сманил меня ! Не найти его никому боле, их воров там тьма! С той поры никому боле не нужна я порченная...у-у-у!

Целый всплеск эмоций к этой обездоленной женщине вырывается из глубин души Охотина, он обнимает её всё крепче и она уже рыдает на плече его. Объятия переходят в уколы её губ и щек щетиной, поцелуи, а затем и в обоюдные жадные ласки, затянувшиеся до полуночи. Лишь в её кровати Охотин немного опомнился и заявил:

– Я тебя не брошу так просто, Дуняша. Слово Охотина.

Лицо её на мгновенье озаряется светом и тут же преобразуется в новую волну рыданий.

– Ну уж, это лишнее! Брось сейчас же, или мне придётся очень горько пожалеть о произошедшем на кухне.

– Борис Гордеич, да зачем же я Вам такая, я же никому не нужна, даже простому человеку.

– Ты красива, не глупа и нужна очень даже многим. Не говори глупости! Все предрассудки!

– Нет, Борис Гордеич, как бы я Вас не полюбила сильно,

Вы мне не ровня и не выйдет добра. Никакая вещба¹³⁰ не поможет.

– Не то всё говоришь. Будущее народа светло и прекрасно, надо только изменить систему правления и всё станет на свои места. И тебе будет место в жизни и светлая дорога. Учиться пойдёшь, ровней любому станешь.

– Ой, нет, ой нет.

– Не разочаровывай меня, слышишь! Не выставляй себя тёмной дурой в моих глазах!

– Такова есть, Борис Гордеич, что поделать...

– Не смей так говорить! Скажи всё слово в слово: «Я, Евдокия Селивановна, буду упорно учиться, чтобы стать не менее образованной, чем Борис Охотин. Я давно мечтаю об учёбе и более достойной жизни! Мне глубоко безразличен тот гнусный вор, всё это в прошлом! Я верю в обещания Бориса!»

Под давлением она повторила слово в слово и даже неуверенно улыбнулась сквозь слёзы. Взгляд её серых ласково-печальных глаз преобразился мечтою. Боря посмотрел близко и пристально в эти глаза и с новым, неожиданным для самого себя рвением, ринулся на её пышногрудое тело, сорвав с него остатки одежды. Казалось, что и она в те минуты забыла обо всём. Когда, на утро, Боря нашёл себя лежащим в её кровати, в нём начали просыпаться, по началу, угрызения совести: «Вот, едва с женой расстался, не получив развода,

уже во грех полез... Негоже так, господин Охотин Первый... А с другой стороны, я же человека утешил, глубоко несчастного одинокого человека! – глядя на сладко посапывавшую у него под мышкой Авдотью, – Но изводила же Настасья меня, душу каждый вечер тянула. А сама корчила всё из себя Пенелопу обиженную, да только очень уж злобливая выходила её Пенелопа. Та не такой была вовсе, а смиренной. Туда же ещё – Пенелопа¹³¹. Кукла бездушная, фря! То она гордилась тем, что годами отвергала домогательства многочисленных женихов, а я, мол, невнимателен к ней и ей обидно. То она начала донимать, что меня не интересуется её духовный мир. И так – бесконечно: не одно, так другое. А я, в любом случае, «нечуткий сухарь». Теперь ещё и вертопрах... А Дуня знает почём фунт лиха и так себя вести никогда не будет... Но что это она? Ты смотри какая! Успела завесить полотенцем свой красный угол! А я-то думал, что она без памяти от нахлынувших чувств, так нет, позаботилась! Я и не заметил. Ох, эти бабы! Никогда не знаешь, что у них на душе». Борис потянулся, привстал, сбросив полотенце, укрывшее строгие лики на иконах, и улёгся вновь. «Занятно: проснётся, а полотенца нет. Подглядели, чем ты тут занималась и сообщили уже, куда следует. Эх, просвещать тебя, Дунька, ещё, да просвещать. Сделаю из тебя и из нашего ребёнка человека буду-

---

131

Пенелопа – героиня из греческой мифологии – жена Одиссея. Ждала возвращения мужа из-под Трои в течение 20 лет, отвергая женихов – символ супружеской верности.

щего! Пигмалеон ты моя... Утешу себя тем, что «для человека выдающегося, женщина, к которой он питает страсть и та, которую он любит – два различных существа...» Не помню уж, кто такое сказал. А люблю ли я её ещё? Или уже другую? А люблю ли я уже другую? А может только себя? Нет, что за глупости! Прежде всего люблю Отчизну, народ! А дамы сердца – дело наживное. Немного опоздаю сегодня – не страшно. Банк не лопнет». Ловит себя на мысли, что уходит жены, если разобраться, лишь в радость...

Про цветы на окне в комнате Настасьи забыли все даже Авдотья. Они выглядели сиротливо, быстро повяли и начали усыхать.

11. Деловая встреча и накалившиеся страсти в салоне

«Нет величия там, где нет простоты, добра и правды»
Л.Толстой

– Утверждают, что для человеческой деятельности существует только три стимула: любознательность, стремление к славе и стремление к комфорту. Я же – счастливое исключение, поймите, для меня превыше всего научный интерес, – выразительно высказывал свою мысль оживлённый светловолосый человек более сорока лет с променадной тростью в руках.

– Господин Вишневский, – обращался к нему худой суту-

лый лысый человек в очках, тех же лет, – Вы исправно помогали нам и не один год. Между нами до сих пор было полное взаимопонимание, и мы даже одобрили тот факт, что Вы займётесь своим непонятным для нас проектом в Индии, и мы помогли Вам в этом тоже немало. Но теперь, партия требует от Вас полного сосредоточения на её нуждах, покада Вы не сможете вновь позволять себе и то и другое «удовольствие». Пока у нас недостаточно средств, политическая жизнь должна стать для Вас превыше личных амбиций.

– Позвольте, но я даже не член партии! – поигрывая тростью.

Лысый нервно периодически натягивал котелок на голову и вновь снимал, теребя его:

– Именно по причине мною здесь сказанного, Вам придётся временно забыть иные проекты и попытаться раздобыть новые средства. Ущерб нам нанесён пока ещё непоправимый. Необходимо наладить новое производство: планы огромные.

– Вы можете радоваться, что они нашли все мои чертежи и думают, что вся взрывчатка предназначалась для невинной горушки, а ничего о готовящемся в столице обнаружено не было. Их версия очевидна: маньяк с манией величия мечтает укоротить высочайшую точку земного шара, сделать её доступной. Благодаря мне, опять же, вы все в тени.

– Владимир Вадимович, – сиплым голосом заговорил ширококостный и, при этом сухой жилистый человек со шра-

мом на обветренном грубом лице пролетария, – Вашими устами да мёд пить. Но, не всё так гладко и в Охранке¹³² сидят не такие уж идиоты.

– Давайте раскроем карты без всяких обиняков, сделаем всё предельно ясным: что хочет от меня, человека с уже довольно скромными сбережениями, партия?

– От Вас лишь самого малого: денег и только денег, а вот своих людей она посылает на заклатие. Да, риск чудовищен! Эти святые люди идут на него во имя светлого будущего всего человечества! – из под котелка были сделаны страшные глаза.

– Так, думал даже написать самому Государю: Всепресветлейший, Высокомилостивейший, Вседержавнейший, Боголюбивейший Благодетель наш и проч и проч, прошу, мол, помочь и милостивейше выдать от казны определённую сумму на замечательный проект по усечению горы, во славу технического могущества нашего Отечества и тэ-дэ и тэ-пэ. Выгорело бы, так всё бы своё и отдал на благое дело партии. Да, только была такая мысль до раскрытия завода со складом, а

Отделения по охране общественной безопасности и порядка в революционной среде называли Охранкой. С 1880 года появился их предшественник как особая часть Третьего отдела, а потом – так называемый Департамент (государственной) полиции. С 1898 года – Тайный отдел при Департаменте стал Особым отделением. С 1902 года Плеве провёл реформу и создал сеть охранных отделений по всем губернским городам, отобрав политический сыск из ведения жандармских управлений. Началась конкуренция двух ведомств Корпуса Жандармов и Департамента Полиции. Росла взаимная неприязнь от зависти жандармов к более хорошо оплачиваемым сотрудам Охранки.

теперь они всё знают про чертежи...

– Что говорить, любезный сударь о том, что было до того...

– Я постараюсь, господа, добыть средств уже известным проверенным путём... Но только всё сложнее это становится. Мне кажется, что вы забываете, что я сделал для вашего «ордена» помимо финансовой помощи, что я общался, будучи за рубежом, с самим Парвусом и обсуждал возможности смены власти в некоей империи. Мы с ним лили и продолжаем лить воду на вашу мельницу, господа. Вы, полагаю, знаете, КТО такой Александр Парвус¹³³?

– Не думайте, что Вы единственный в этом мире, кто знаком с великим одесситом господином Гельфандом. Но, ближе к делу: у Вас ещё имеется достаточно средств, я уверен в этом. Вы просто не желаете выручить партию в трудный момент.

– Да, что Вы, я бы почёл за счастье, но уж почти никаких сбережений не осталось. Полагаю, что мне виднее, сударь.

– И не платите нам финикийской монетой¹³⁴, господин Вишневский! Подумайте о своём будущем. Я лично могу

---

¹³³ Израиль Лазаревич Гельфанд, он же Александр Львович Парвус, Молотов, или Москович (1869-1924). Стал народовольцем, а с 19 лет поселился в Цюрихе и под влиянием Плеханова, Аксельрода и Засулич сделался марксистом. Окончил Базельский университет и получил звание доктора философии. С 1903 года принадлежал к партии меньшевиков и планировал революция 1905, а потом и 1917 годов.

¹³⁴ В Финикии монет не существовало.

простить Вам многое, но партия не прощает обмана! Суд партии – Божий суд. Вы под наблюдением, Владимир Вадимович. Имейте это в виду и не совершайте необдуманные поступки. Настоятельно Вам советую. Будет весьма печально, если ненароком что-то случится с таким умным человеком. Всякое может быть. Был человек – нет человека. Ни родни, ни друзей у Вас нет и погоревать некому. Обидно и досадно.

«Насчёт родни это он маху дал, но верно, что порешат за милу душу и не поморщатся. Надо хорошо подумать: ведь денег почти не осталось на самом деле», – стучало в мозгу почтенного гражданина Владимира Вишневого, зажавшего пальцами в глубоком кармане персиковую косточку и поспешно удалявшегося от места встречи вдоль по Литейному под тусклым светом керосиновых фонарей. В какой-то момент он так сильно сжал косточку, что неосторожно оцарапал её остриём свой палец: «Ой не к добру, не к добру и это».

Когда Сергею Охотину, задержавшемуся в столице, пришло очередное приглашение на вечер в салоне госпожи Третнёвой, он поинтересовался, а нельзя ли прихватить своего брата и двух родственников-Ртищевых, поскольку знал, что в этот день в Училище праздник и Аркадий с Кириллом будут свободны. Получив положительный ответ, он поспешил оповестить брата с однокашником и невестку. Все охотно согласились исключительно из любопытства. Энтузиазм самого Сергея уже заметно поостыл и лишь его тяга к работ-

никам пера, в надежде встретить там самих патриархов русского символизма – Мережковского с Гиппиус, подогрела его заинтересованность. Охотин не ведал о недружелюбии между некоторыми салонами столицы. Его продолжал мучить вопрос: есть ли и ему место среди этой пишущей публики, или же он никуда не годен? «Почему я пытаюсь противопоставить себя декадентам, но получается всё равно в их духе? В воздухе зависла отравка декаданса, и мы все ею пропитались? Мистично? Но иного объяснения я не нахожу! Декаденты меня раздражают своеобразным цинизмом, но и пленяют своим отрицанием буквально всего и очаровывают новизной. Но, они лишь бьют себя в грудь, что они полностью игнорируют политику. На самом деле, они ничуть не меньше подвержены политическим страстям, чем все прочие. Условия игры... Что делать? Я даже заглядываюсь на такое яркое олицетворение декадентов, как та зеленоокая бестия – к чему? Она не для меня. С ней счастья никому и никогда не будет. Да и не моего полёта пташка – семя юсуповское, княжеское. Разорваться? Как я завидую таким цельным людям, как отец, Аркадий и Дмитрий! Пожалуй и Глеб, хоть и не совсем одобряю его поле деятельности для брата моего. Да та же Евпраксия... Но, она ещё не окончательно выбрала направление в живописи. Пожалуй и Антоша? Они видят цель и уверенно к ней двигаются. Я же её не вижу, вот в чём беда! Видимо я и есть декадент помимо своей воли? Раз я не вижу явной благородной цели и политичности в искусстве,

а вдохновляюсь лишь неосознанными эмоциями красоты и любви, выходит, что я к ним ближе?»

Казалось, что в тот вечер у госпожи Третнёвой собралось на редкость много народу. Гости всё прибывали. Охотины с Ртищевыми приехали первыми, не усвоив ещё столичного бон-тона, дабы легко и непринуждённо опоздать. Ольга Сергеевна их подготовила к возможности едких вопросов и комментариев со стороны некоторых гостей и просила не обижаться на подобные пустяки, мол – принято так. Сергей вспомнил отзывы Глеба обо всём этом обществе и призывом брату реагировать также, мол: не заслуживают они большего. Тучный господин в черепаховом пенсне уже расположился сыграть в карты с профессором Иркентьевым и бородачом с купеческим обликом, а молодежь слушала декламацию стихотворений Мережковского и Брюсова в исполнении Аглаи в другом конце гостиной. Известные политики пока что задерживались. Вошедший отец Виссарион, примкнул к кучке молодёжи. Ему и было не больше тридцати пяти, по возрасту он находился между черепаховым пенсне и студентами, а ближе даже к последним.

– Как Вы смотрите, отец Виссарион, на тот факт, что в нынешней России буквально плодятся религиозные секты со времён Александра Миротворца? Как относится к этому Православная церковь? – встретил священника вопросом Сергей Маковский, поигрывая тростью и поблёскивая монок-

лем.

– Душе русской свойственна мучительная и самоиспепеляющая потребность услышать Бога в глубинах её совести, – собрался с мыслями Виссарион после некоторой паузы, – Явление это весьма русское. Русский человек, пусть и мало верующий, «духовной жаждою томим».

– В то же время, наш богоискатель ищет не традиционной веры, а своей, рвущейся из оков нашей Церкви, не так ли? Отсюда, наверное, и столь всеобъемлющая любовь простонародья к религиозному мудрствованию. Культурное богоискательство нашей интеллигенции имеет те же корни, что и простонародное. Вы со мною согласны? – Маковский был в тот день в ударе и желал непременно «копнуть» поглубже, «кольнуть» поострее.

– А вы посмотрите на пример Александра Добролюбова¹³⁵ – выходца из вашей же среды, – спокойно и уверенно произнёс отец Виссарион, – *Резко разочаровавшись в пустой декадентской жизни, он уходит искать Бога. Лет шесть назад Александр Добролюбов отрекается от своего «декадентского чревоущательства» и становится религиозным мыслителем. Он «опрощается» по Толстому, «уходит в народ, взыскуя Нового Града». Уж пол Руси исходил с котом-*

По словам М. Гаспарова, А. Добролюбов – «...самый дерзкий из ранних декадентов-жизнестроителей: держался как жрец, курил опиум, жил в чёрной комнате и тому подобное; потом ушёл «в народ», основал секту «добролюбовцев»; под конец жизни почти разучился грамотно писать, хотя ещё в 1930-х годах, всеми забытый, делал попытки печататься».

кой за плечами, проповедуя любовь к ближнему, благословляя всяку тварь земную и всё Божье творение. Его новые стихи звучат уже на народный страннический лад от акафиста, да псалма, да песни народной. Ничего декадентского в них не осталось. Как частный пример такое богоискательства могу даже одобрить.

– А Вам и маслом по сердцу. Лишь бы нанести удар по декадансу. Наши декаденты, вскормленные парнасским эстетством Запада и его «Проклятыми поэтами¹³⁶», легко могут удалиться из кумирен красоты, чтобы молиться по «Книге невидимой», – продолжил Маковский с затаённо-озорным взглядом, – Но это ещё не свидетельство победы официальной Церкви: ведь тот же Добролюбов – сектант. Вы знаете об этом, или наивно видите его православным? Если так, то понятно Ваше желание защитить его.

– Вы, наверное, не ведаете, что Ваш «богоискатель», побывав трудником на Соловках, не найдя своим путём монашество, произвёл подлинный погром своих икон за что был арестован? Уж не одобряете ли Вы иконоборчество, отец Виссарион? – вставил Николай Врангель с глумливо-глуповатым выражением лица.

– Этот человек достоин лучшей оценки именно потому, что он порвал навсегда с подобной столичной жизнью, раздал своё имущество и стал странником. Перебесился. А то,

---

¹³⁶ Проклятыми поэтами называли в первую очередь Бодлера, а также Верлена и Рембо.

что он потом ещё долго будет заблуждаться, так Господь простит такому правдоискателю.

– Так, он сперва толстовцем стал, а потом даже секту свою создал, – не унимается поймать священника на слове Кока, – И Вы, батюшка, можете оправдать такое?

– Это грех великий, но даже и его, думаю, простить можно. Александр в народ ушёл и хочет дойти до истины. Его непокорный нрав отвергает всякий официоз, в том числе и нашу многострадальную Церковь. Но она милостива и простит ему.

– *Инфантильный чудак этот Добролюбов. Набедокурил, был арестован, а мать сумела купить для него свидетельство об умственном расстройстве и «мальчика» прощают за кощунство. Но года три назад, он вновь сбегает и продолжает чудить, вероятно уже чувствуя безнаказанность,* – вставляет веское слово Сергей Охотин, а племянница хозяйки с неподдельным восторгом смотрит на него сбоку.

– Церковь наша прощает всё. Главное – желание быть Ею прощённым, – продолжает Виссарион, – Православие было во все времена терпимее католицизма, даже гуменцо при пострижении имело место лишь до семнадцатого века, тонзура же существует до сих пор¹³⁷.

– Да не критерии всё это: гуменцо! Смешно! – Маковский ловко сбрасывает монокль мимической мышцей вниз,

и он повисает на лацкане пиджака. Встав, зажимает монокль вновь в глазнице.

– Как я понимаю, Александр не признаёт вообще ничего материального для религиозного чувства. В том числе и никаких посредников между Богом и человеком, – продолжает Кока.

– Как мне говорил недавно Брюсов, причиной большей части неприятностей Добролюбова в его странствиях по Руси проистекает от его нежелания иметь вид или хотя бы малашку¹³⁸. Так и совсем недавно: опять задерживался полицией, высылался по этапу в Петербург, – бросает человек средних лет с резким нервным голосом и обрюзгшим лицом из числа постоянных гостей Третнёвой.

– Слышал, что работает Добролюбов только у наиболее бедных крестьян, разорённых. Ни у помещиков, ни у купцов, ни у богатых мужиков принципиально не нанимается, – добавляет Виссарион, – За это многое можно простить. От свойственного декадентам презрения к толпе, он приходит к христианской любви и это важно. Покаяние на лицо: перед отъездом в Соловецкий монастырь он сокрушался, что не верил, что был жесток и не любил людей. Впрочем, лично с ним поговорить не довелось. Всё с чужих слов.

– Считаете ли вы, господа, Сашу Добролюбова олицетворением крайнего декадентства? – пробует найти новую и ме-

нее острую тему Ольга.

– О Александр! Слышала, что он ел человеческое мясо! Он возвысился над обыденностью! Он – великая противоположность жирному мещанину! – зелёные глаза сверкают изумрудом в золотистом обрамлении пышных волос – Аглая покоряет всех присутствующих неземным очарованием и добавляет певуче, – Уж осень на дворе, в моей душе – давно!

– Как и Ваш Кроули и проч и проч. Так, не он один «возвышался» над обывателем... – ехидно бросает Сергей Маковский, – Каннибализм искусствен. Даже более того, он изыскан как истинное «искусство для искусства» иногда очень примитивные племена им не занимаются, а гораздо более развитые – да. Он более ритуален, нежели простое пожирание от голода, или за неимением иного мяса. Такие племена достаточно развиты для беспоклонства, что тот же столичный декадент для чёрной мессы.

– Добролюбов был готов к смерти! Самоубийство есть последний шаг по пути самоосвобождения, нарушение последнего человеческого табу! Оно – последний способ доказательства полноты вашей свободы. Иного не дано! Как бы не был велик Бальмонт¹³⁹, Александр пошёл дальше! Это про-

---

Создававшиеся в эти годы поэтические кружки бальмонистов старались подражать кумиру не только в поэтическом самовыражении, но и в жизни. Россия была влюблена в Бальмонта. Его читали, декламировали и пели с эстрады. Кавалеры нашептывали его слова своим дамам, гимназистки переписывали в тетрадки. Многие поэты в их числе и такие величины, как Брюсов, Белый, Во-

рыв! – глаза Аглаи начинают блуждать.

– И даже усердно умерщвлял свою плоть курением и поеданием опиума... – усмехается Маковский.

– Он презрел её, стал выше!

– Но, тем не менее, он не покончил с собой, а его последователи совершили этот необдуманый шаг. Инстинкты его оказались здоровее.

– Как, видимо и Ваши, сударь, – огрызается девица, – Но здоровьем своих инстинктов самца не кичатся в этих стенах, где дух поэзии царит!

– Уели, сударыня, снимаю шляпу, – не унимается Маковский, посмеиваясь.

– О как я сокрушаюсь, что не была рождена немного раньше, что не смогла прийти в его Чёрную комнату на Пантелеймоновской¹⁴⁰ и пасть к ногам величайшего символиста!

– Уверен, что в этом случае он бы не покинул наше общество! – блеск глаз из-под обеих линз двух молодых коллег.

– Что я тогда была неосмысленным ребёнком! – и с завыв-

лошин посвящали ему стихотворения.

140

В духе своих любимых героев Гюисманса Добролюбов оборудовал и свою комнату – стены были оклеены чёрными обоями, потолок был выкрашен в серый цвет. Подобный способ организации быта оказался в высшей степени мифогенным, на что, конечно, рассчитывал и сам Добролюбов. Некоторое время он постоянно, не снимая, носил чёрные перчатки. Чёрный цвет манифестировал декадентскую эстетизацию смерти, что логически вытекало из добролюбовского индивидуализма и аморализма того периода (Кобринский А. Жил на свете рыцарь бедный).

ванием¹⁴¹ читает строки из Добролюбова:

«Воды ль струятся? Кипит ли вино?...

Отрок ли я? Или умер давно?»

О! Это великий человек, пьющий славу сатаны и проклинаящий его и воспевающий похмелье! Он мечтал о художественной Фиваиде, ковчеге, в котором ему удалось бы укрыться далеко от вечного потопа человеческой глупости! Он спал днём и творил лишь ночью! Говорят, что Александр заказал себе ящик, наполненный большим числом бочонков с кранами и разными ликёрами. Под каждым краном стояла рюмка, в которую падала одна капля. Александр назвал этот ящик «своим вкусовым органом». Отведывая напитки, он проигрывал в мозгу внутренние симфонии, достигая языком ощущений, какие люди испытывают ухом от звуков музыки. Имелось полное соответствие вкуса конкретному инструменту. Так, крепкий терпкий ром, например, приравнивался к альту, английская горькая – к контрабасу и так далее.

– Милая Аглая, Вы немного спутали бредни Гюисманса с жизнью Добролюбова, – усмехнулся Маковский.

– Да полноте. Добролюбов уже совсем иначе пишет и вдыхает иные запахи и звуки. Отказ Добролюбова от творчества литератора ради крестьянской правды есть некоторая «строительная жертва» – искупление общих «грехов интеллиген-

---

141

Стихи было тогда принято читать нараспев. Андрей Белый стал ярым сторонником только такой декламации. Читать иначе считалось уже пошлым. Подобное завывание прозвали «панихидой».

ции», – пытается остановить её бред Яков Шкловский, – Пусть не одному ему и не ему первому пришла мысль об ущербности творчества по сравнению с самой жизнью. *Сам Мережковский, стоящий у истоков символизма в России, признаётся, что в юности «ходил пешком по деревням, беседовал с крестьянами» и «намеревался по окончании университета «уйти в народ», сделаться сельским учителем». Не зря отпустил он давно свою карею бороду. Но лишь Добролюбову удалось сделать такой шаг, преодолев условность творчества.*

– Да только глаза у нашего Мережковского пустые, – вставляет Маковский.

– Этот великий человек ходит и по сей день по российским просторам в рубище и в этом он есть живой укор всем нам, его не понявшим! Не понят он! Да как мы можем после этого существовать? Жалко и жадно влачить существование? Мы можем лишь смертью нашей искупить вину нашу! Нам следует выпить опиума в память о Нём! Испить божественный напиток и в последний раз! – и не думает уняться Аглая, – Да он – новый Иисус нашего времени!

– Эх Вы хватили, дочь моя, – покачивает головой отец Виссарион, – Нет уже чувства меры у этого поколения.

– «Бродят, растут благовонья бесшумно.

Что-то проснулось опять неразумно,

Кто-то болезненно шепчет: «жалею» – сыплет цитатами своего кумира Аглая.

– Это прекрасные строки, помню их и люблю, – неожиданно поддерживает Аглаю Настасья Ртищева.

– Да брось, сестра, всё это пустое, – кривит надменные губы красиво очерченного рта Кирилл.

– Тем кто пол жизни марширует в ногу понять то не дано, – торжествует Аглая, смерив презрительным взглядом форму Николаевского училища, возможно при этом, даже неравнодушно глядя на красавчика-кавалериста. Но либерализм не позволяет такого, требует его оттолкнуть. Униформа претит столичному салону, Николаевская эпоха далеко позади.

– Но без гребня петух – каплун, – едко проходится по форме и Кока.

– «Горе! Цветы распустились... пьянею» – продолжает Аглая.

– Строки прекрасны в своей парадоксальности! – восклицает Настасья и немало оценивающих взоров молодых людей обращаются к ней, а нежная кожа личика племянницы хозяйки словно на глазах тускнеет. Даже Аглая возвращается на землю и оценивающе недовольно смотрит на незнакомую гостью.

– Проклятие! Не могу не согласиться с Вами! – с жестом отчаяния говорит Сергей Охотин.

– Да никто из нас и не достоин повторять его стихи! И имени его произносить! – продолжает пылкую речь Аглая, словно не замечая, что взгляды Врангеля, Маковского,

Шкловского и самого Охотина уже приковала иная нимфа салона, а Ольга Сергеевна не была уже рада тому, что пригласила эту неоспоримую красавицу. Если к Аглае все уже притёрлись, то незнакомка поглотила всеобщее «самцовое» внимание. Рядом уже оказался и купеческого вида бородач и даже кудрявый вечно взъерошенный студент с цыганским взглядом:

– А поведайте нам о парадоксальности в поэзии, будьте добры...

Настасья не растерялась и бойко выдала параллели русских старших символистов с Бодлером, Верленом, Рембо, Метерлинком и Гюисмансом и даже упомянула, что Бодлер первоначально заимствовал свои задумки у Эдгара По.

– Bravo, госпожа Ртищева! – раздаётся с разных сторон. Настасья уже предпочла представиться девичьей фамилией, что резануло ухо Сергея: «А не случилось ли что между нами? Да не моё это дело, даже если...»

– Нет, не достойны мы! Лишь Игорь Мёртвый, один из всех поэтов, понимает глубину Александра! – пыталась вновь привлечь на себя внимание молодёжи Аглая, но это оказалось делом не простым в присутствии такой соседки.

– А кто это ещё такой Мёртвый? – вяло спросил Маковский, удивляясь тому факту, что он не знал кого-либо из символистов.

– Да так, одно юное дарование, которое ещё не слишком и проявило себя. Никто даже не знает его без мрачновато-

го псевдонима. Недавно печатался в брюсовском «Скорпионе»¹⁴², – чётко сработала безукоризненная память Врангеля.

– Не говорите так, если Вам не дано постичь глубин его! – начала вновь замогильным голосом зеленоокая бестия, норовя залезть на стул, чтобы прочитать очередные отрывки. В ходе как бы неудачной попытки взобраться на высокий стул, она показала очаровательную ножку в тёмном чулке, с трудом высвободив её из под узкой снизу юбки.

– Но право, госпожа Ртищева, – неожиданно официально обратился Сергей к Настасье, – не могу понять, чем же всех так заворожили личности подобные Гюисмансу, представляющие не более, чем истеричного субъекта, способного поддаться любому внушению, начавшего подражать Золя от и до, но вскоре полностью отрёкшегося от того же Золя, осудив реализм. При этом с самого начала он превосходит Золя в скабрёзности. С былой лёгкостью он погружается в подражание демонистам, вроде Бодлера, оставаясь верным своей скабрёзности. Но это считается теперь хорошим тоном – непременно чтение Гюисманса. Символисты делают Бодлера, болезненного, склонного к извращениям и даже некрофилии французишку, очередным факелом человечества сра-

---

142

Это московское издательство стало авторитетным центром символизма. Главный редактор его – Валерий Брюсов. В нём же готовили выпуски самого известного символистского периодического издания – «Весы». Среди сотрудников «Весов» были Андрей Белый, Константин Бальмонт, Фёдор Сологуб, Алексей Ремизов, Максимилиан Волошин, Александр Блок и прочие. Издавали и много переводов из литературы западного модернизма.

зу вслед за Ибсенем. Под влиянием Бодлера начинается прославление преступления как такового, а пороки утрируют всё более. Находятся последователи маркиза де Сада с Бодлером, которые уже воспевают извращённо-жестокие преступления. Франция заражает прочую Европу. Разве не так всё это?

– Вы лишены чувства и малейшего понимания возвышенной поэзии! – последовал резкий ответ Аглаи вместо Настасьи, к которой была обращена тирада.

– Я и не говорю, что одобряю Гюисманса и ему подобных, – отозвалась Настасья.

– О, Дмитрий Николаевич! Не верю своим глазам! Господа! Сам председатель Московской губернской земской управы Дмитрий Николаевич Шипов почтил нас своим присутствием! – раздаются оханья Ольги Сергеевны со стороны прихожей, прервавшей «праведный» гнев Аглаи.

– Да, вот с оказией в столице, – смущаясь, хоть и поставленным голосом, откликнулся Шипов.

– Может ещё почтить его вставанием? – брюзжит кто-то себе под нос рядом с Сергеем Охотиным.

В гостиную входит человек в летах с аккуратно подстриженной бородой и строгим взглядом сквозь стекло овальных очков. Он явно старается обратить на себя как можно меньше внимания и проскальзывает в «задние ряды», усевшись за роялем.

– Да и «Божий ли человек» этот Добролюбов, странствующий

щий не созревший проповедник? Настораживающе-молниеносна метаморфоза из эстета-декадента в христианствующего бродягу-народника, – продолжает всё о том же человек с резким нервным голосом, светясь особо одухотворённой обрюзглостью лица своего.

– Уж не говорите, – многозначительно вставляет кудрявый расхристанный студент.

– Представители символистов, а особенно декаденты полагают, что лишь искусство помогает достичь идеалов, приобщиться к сфере человеческой души. Роль поэта они возводят к тому, что он творец новой жизни, пророк, который позволит создать нового человека. Миссию поэта символисты считают выше прочих. Они слишком о себе возомнили, господа. Отсюда и гордыня того, ушедшего в народ, возомнившего себя учителем. Но ведь это заблуждение, такие люди лишь в тупике и разрушают глубже устои России, – спокойно сказал, неожиданно подошедший к кучке молодёжи профессор Иркутъев.

– Вы знаете, Викентий Валерьянович, именно из подобных соображений, лет шесть-семь назад, мы решили поставить на место возомнившего о себе невесть что Добролюбова, – оживился Маковский, – Среда в нашем частном учебном заведении на Лиговской, взлелеянном неусыпными трудами Якова Гуревича, заметно отличалась от среды лицейской, где преобладали барчуки из чиновного дворянства. Наш Яков Григорьевич гордился тем, что ему поручают де-

тей «отборная интеллигенция», что за его гимназией утвердилась репутация «питомника полу-привилегированного типа» и дорожил связями в радикальных кругах, но всё-таки немного кичился и тем, что ему доверяли сыновей сам граф Шереметев и княгиня Юсупова. Несколькоими годами позже туда же отдали и нашу любимицу Аглаю... Большое внимание уделялось урокам рисования, лепки и пения, но к наукам, особого рвения благодушно-либеральная педагогика школы не возбуждала. Маменькины сынки и «лодыри в усах», красующиеся на последних партах, буквально процветали. Зато мы усердно читали самые разные книги и экзаменовали нас без педантизма. Процветали поверхностное всезнайство и самоупивание. Понятно, что нашими друзьями становились не реалисты, а гимназисты. *Нас рассмешила и возмутила добролюбовская книжица с претенциозно-спиновским заголовком. Тут же было решено проучить гениальничавшего автора «Natura naturaus». Ходили слухи и об «уайльдизме» автора, о его франтовстве – яркие галстуки, чёрные лайковые перчатки и о нравственной распущенности его клики декадентов. Затеяли мы целое театральное представление с распределением ролей. Пригласить Добролюбова оказалось делом не сложным. Александр тотчас отозвался любезным письмом в стиле весьма странном: почти перед каждым существительным нелепо красовалось прилагательное «человеческий». По меньшей мере, недоумение вызывал и сам почерк – какой-то жирно-графический.*

Встреча состоялась. Под аккомпанемент «Лунной сонаты» с дымом курильниц все мы, в римско-халдейских хламидах, подходили к черепу и скандировали свои строфы. Слушатели сидели на полу – нельзя же допускать такой вульгарности, как стулья. Было похоже, что Добролюбов слушает очень внимательно. Порою он казался даже растроганным и благодарным. Была написана небольшая поэма на тему происхождения человека: человекообразный пращур скитался по тропическим лесам «один с дубиной в руках» – реминисценция о Дарвине. В заключении пошла импровизация о людях-каторжниках судьбы, роющих землю в неведомой стране по велению неведомых духов. За лёгким угощением я представил нашему гостю присутствующих и впервые рассмотрел его весьма благообразный облик. Добролюбов уверил, что на него «повеяло светом от моих слов» и уехал. Всё было принято за чистую монету. Теперь я уже думаю, что в тот вечер каждому из нас стало хоть немного совестно, что мы так разыгрывали доверчивого человека. Мы решили тогда не делать нашу мистификацию достоянием общества. Но «благожелатели» вскоре разъяснили Александру нашу шалость. Вскоре от лица Александра некоторые из нас были приглашены к нему на «ответный вечер». Мы уклонились под разными поводами. Вскоре я получил письмо Добролюбова о том, что он, встретив на «человеческих» улицах на Васильевском острове некоего Кузьмина, подошёл к нему и «человеческим» зонтиком приласкал его по «челове-

ческой» физиономии. Поступок Александра был лишь одобрен в «передовых кругах», ибо смеяться над декадентами позволялось лишь пошлякам, военным (взгляд в сторону Кирилла с Аркашей), да монархистам всяким. Неспроста никогда Мережковский не простит Владимиру Соловьёву его пародии на декадентов.

– Вот именно, что «передовым Петербургом». Скоро в эти слова будет вкладываться один сарказм, Вам так не кажется? – вставил отец Виссарион.

– Для определённых кругов это уже так, – добавил Серёжа Охотин, окончательно отвернувшийся в тот миг от декадентов.

Аркадий скромно примостился в уголке и несколько натянуто перекидывался словами с долгоносим вечно нетрезвым студентом в толстостёклых оловянных очках. Юный кавалерист не читал пока ничего иного, кроме романов о мушкетерах, рыцарях и путешественниках и не понимал, о чём столь горячо спорят эти столичные эстеты. Кирилл понимал не многим больше, хотя больше лишь делал вид, что в курсе всех литературных новостей и увлечения символистами. Но юноша считал своим долгом находиться подле кузины. Когда же Аркадий услышал последнюю речь Маковского, он оживился и сразу же понял, что его рыцарская душа не иначе, как на стороне обиженного Добролюбова, который всей своей последующей жизнью показал соответствие своей фамилии. Слова же «военным, да и монархистам всяким» очень

резанули слух ученика Николаевского училища. Похоже, что и Кирилл не одобрил их. Хотя они с Ртищевым недолюбливали друг друга, понятия о чести и Отчизне у обоих были очень даже близкими.

– Осознание греха своего и всего светского общества подвинули Добролюбова на такой шаг, – молвил Виссарион, – Это и достойно.

– И Достоевский всю жизнь терзался на грани святости и бесовщины. Может быть, это больше всего и притягивает к нему. Разве не так? – прищурился Маковский на священника.

– Фёдор Михайлович – литератор глубоко православный и сектантства себе не позволял, – тихо, но уверенно ответил Виссарион.

– Насчёт связи бесовщины и Достоевского, на мой взгляд, Вы, молодой человек, заблуждаетесь, – спокойно добавил Шипов.

– Думаю, что вера Толстого не менее подлинна от того, что он кощунственное Евангелие написал. Не менее выстрададено им право ссылаться на Христа. Так, почему мы в этом отказываем Добролюбову? – спросил Сергей Маковский.

– Лев Толстой и грешил на своём веку меньше. Не отуманивал опиумом мозг свой, не призывал окружающих ко греху самоубийства подобно Добролюбову. Но заблуждение его в своей гордыне и искажение христианства на старости лет – грех даже больший. Здорова и чиста плоть Толстого, но

болен дух его, а чахлый эпилептик Достоевский, напротив, здоров духовно. А Добролюбов, если он свою секту создаёт – не меньший грешник согласно официальному мнению церкви. Но ведь везде человека надобно зреть, душу его, – мучительно улыбнулся Виссарион.

– Евангельская правда о спасении человека любовью, которая способна приобщить смертную личность к бессмертию всего человечества. В этом сущность толстовщины: иного и не мыслил Христос по Толстому. Доводивший свою мысль до конца, Толстой узрел в официальной Церкви препятствие на пути к таковой истине, – монокль слетает с лица Маковского от напряжения, – Добролюбов же, по-моему, отступив от церковного культа, стал мистиком, утверждающим чудо всемирного преображения. А теперь ещё и чета Мережковских потрясает основы церковности, не один Лев Николаевич. Сам Победоносцев заволновался: опасается новой русской реформации.

– Но и это простит ему Господь. Главное – его искания, страстное желание помочь своему народу, – откликнулся Виссарион.

– Причём, Добролюбов из зажиточной семьи действительного статского советника и дворянина. А стало быть, было что ему бросать в мире, от чего отречься. Тем достойнее уход его в странники, – вставил Кока.

– Не думаю, что уместно сравнивать Вашего Добролюбова с великим Толстым, – тихо промолвил Дмитрий Шипов.

– Тогда Церковь должна прощать и всех революционеров, отец Виссарион. Террористов прощать. Разве не так?

– Не следует сопоставлять убийцев с ищущими Бога. Церковь и их простить может, да только каяться им подлежит много дольше. И Господь простит каждого искренне раскаявшегося.

– А вы знаете, господа, что мне повезло собственными глазами, как Сергею Константиновичу самого Александра Михайловича, видеть сестру его – Марию Михайловну. Красоты неземной женщина, скажу вам! – заговорил, сверкая чёрным оком неумытый нечёсанный студент.

– Да что Вы говорите! Расскажите нам о ней поподробнее, – оживился купеческого вида бородач, – слышал, что в их семье было три брата и четыре сестры, а Маша, что на год моложе Саши, славится красотой внешней и внутренней.

– Сам Мережковский ценит Александра, сравнивал его на одном из «Религиозно-философских собраний» с Франциском Ассизским, а когда он вдруг, обернувшись, случайно взглянул на стоявшую около Машу Добролюбову, то воскликнул: «Мадонна!» – вставил Врангель.

– Да, нам важна прежде всего красота внешняя, увы, но внутренняя красота превыше, она определяет личность! Так вот, Мария Добролюбова – тот случай, когда человек полностью гармоничен, и трудно сказать, что в ней совершеннее, – продолжил студент с разгоревшимся взглядом, – она ушла в революцию, господа! Она выше нас на голову! Она в числе

тех, кто создаёт новое общество и светлое будущее, господа!
Это мадонна с полотен Мурильо!

– Ещё один истерик, – буркнул в углу, за спиной Аркадия, человек с черепаховым пенсне.

– Да, это – существо необыкновенной душевной избранности. «Делать добро» – её призвание. Окончив Смольный институт с шифром, она тотчас устремилась «на голод» в Приволжские губернии, – проговорил Маковский задумчиво.

– А кончают такие с «музыкой на ноги»¹⁴³, господа! А суд у нас – шемякин суд. Такова наша проклятая жизнь, господа! – воскликнул с патетической нотой тот же студент.

– Что же в этом такого хорошего? Я имею в виду, что революционные пророки сманивают сладкими посулами светлого будущего чистую молодёжь и посылают её на заклятие? – внезапно спросил его Яков Шкловский.

– Да Вы, видимо, мало разбираетесь в политике, любезный, – свысока произнёс лохматый нечёсанный студент.

– Я бы не стал позволять себе судить столь резко, – встрепенулся Яша, тряхнув головой.

– Так, наш уважаемый Яков против свержения существующего режима, представьте себе, – с ехидцей бросил Родичев, подошедший к этому времени, – а нынешнюю молодёжь он считает заражённой стремлением к хаосу.

– Впервые встретил мудро мыслящего студента в этом го-

---

¹⁴³ То есть – с кандалами на ногах, или кОтами.

роде, – вставил Виссарион.

– А Черта Оседлости его, стало быть, никак не задевает? – громко развил мысль нечёсанный студент, – Или он не имеет отношения к Избранному народу?

– Как сказал отцу Виссариону некий мудрый раввин, нагнетание революционных страстей сулит для нашего еврейства новые погромы и прочие беды, – отозвался Яша.

– Вы знаете, любезный, я лишь наполовину еврей, по ма-тушке, – продолжил громко всклокоченный студент, – но, мне кажется, понимаю всё, что творится получше Вас с Вашими чистыми израилевыми коленами. Да революция нам нужна как воздух! Если русским просто как воздух, то евреям – словно глоток воздуха для астматика!

– Вы взяли с самого начала нелюбезный тон в мой адрес, и я попросил бы его сменить, – спокойно сказал Яша, – Вы бы для начала хоть представились. Я Вас вижу впервые.

– Как и я Вас, почитатель ОТЦА Виссариона, батюшкист. А зовут меня Илья Жирнов. Уж не верный ли Вы сын православной церкви?

– А хоть бы и так, мой новый знакомец.

– Не думаю, что в столичных салонах прошлого смели появляться все эти жида и выкресты, – брезгливо шепнул в ухо Аркадию Кирилл, – Было намного чище и степеннее.

– В таком случае Вы не достойны носить звание студента вовсе.

– Ха! Именно подобную головомойку от коллег-студентов

я Вам и предрекал в прошлый раз, Яша. Посмеёмся мы, похоже, нынче! – потирал руки хихикающий Родичев.

– Можете потешаться сколько Вам будет угодно, Фёдор Измайлович. Меня этим не проймёте, – начинал нервничать Яков, – Как и Вы, Жирнов. Мне Вы глубоко не интересны с Вашими давно известными и банальными речами, Жирнов.

– Если Вы в самом деле полагаете, что России не нужны радикальные преобразования, то Вы, простите... просто мальчишка и... глупец...

– Попросил бы выбрать выражения. Вызывать на дуэль не в моих правилах, но если Вы продолжите в том же духе...

– Да мне просто противно находиться рядом с Вами, не то, что разговаривать. Тысячник¹⁴⁴, да и только! – Илья запустил пятерню в густые кудри, осыпав близ стоящих тонкой струйкой перхоти.

– Вы ответите за оскорбление! – не на шутку взбеленился Шкловский, никогда не державший в руках оружия, – Кто согласен стать моим секундантом, господа?

– К Вашим услугам! – ответили почти в один голос Аркадий с Кириллом, сочувствующие Якову.

– Прекратите сейчас же! – воскликнула Третнёва, – Здесь не офицерское собрание! Дуэли строго наказуемы¹⁴⁵ и я не

---

¹⁴⁴ Тысячник – 1 глупый еврей после 999 умных.

¹⁴⁵ Дуэли были наказуемы в России в определённые периоды времени, то время как в 1894 году военным министром Ванновским были изданы правила об офицерских дуэлях в целях укрепления корпоративного духа в армии. Тогда дуэли были сделаны для офицеров в известных случаях обязательными, и после

позволю продолжать эти выяснения в моём доме!

– Не знаю такого закона о наказании, – мрачно промолвил Кирилл.

Но, казалось, что разумные доводы уже не доходят до взбеленившихся студентов.

– В самом деле, господа студенты, – примиряюще с высоты своих лет заговорил опоздавший нынче господин Муромцев, – это уже не достойно, поскольку сама хозяйка попросила вас.

– Из уважения к Вам, Ольга Сергеевна, и к Вам, Сергей Андреевич, я прекращаю всякие дальнейшие выяснения, – резко заключил Яков.

– Да я и знать не желаю этого цариста и мракобеса, – мотнул в сторону кудлатой головой длинный нескладный Илья, – Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла.

– А Вы бы выбирали выражения в присутствии николаевских кавалеристов, молодой человек, – холодно отчеканил каждое слово Кирилл Ртищев, – Тут Вам не бердичевский базар и Имя государево в таком ключе упоминать Вам не позволю.

Взгляд полный неподдельной ненависти, не как в случае только что замолкшей ссоры – просто возмущения, либо вызова стал ответом Жирнова. Ледяной взгляд Кирилла лишь скользнул поверх неуклюжей сутуловатой фигуры, обдав её

этого трудно было остановить их новыми запретами. Только с августа 1914 дуэли запретили.

выражением полнейшего презрения.

– А вот тут Вы, будущий офицер, показываете свою политическую отсталость, позвольте заметить, – с отеческим осуждением заметил Муромцев.

– Наверное, и Вы готовы назвать меня мракобесом, сударь? – холодный взгляд Ртищева уже буравит переносицу рыхловатого седого бородача.

– Юности свойствен максимализм. Оно и простительно. Оставим это и перейдём к более продуктивным и приятным беседам, – заключил Сергей Андреевич.

– Давно бы так, господа, – обрадовалась Ольга.

Сидевший рядом с насмешливой улыбкой Василий Макалов, поигрывал бокалом вина и ухмылялся происходящему:

– Право, впервые в этих стенах я слышу про дуэль! Не успокоилась ещё кровушка наша, не всё для России потеряно.

– Уж конституции-то мы с такими молодцами добьёмся, – вторил ему Муромцев, опустившийся рядом в кресло.

– Так, выпьем же за ответственное министерство в России, дорогие дамы и господа! – расхохотался Родичев.

– Ура! – воскликнула Ольга Сергеевна, поднимая бокал, – наполняйте свои бокалы, господа!

Лёгким движением руки Кирилл предупредил попытку налить ему и его кузине и, вслед за тем, демонстративно перевернул бокалы вверх дном. Тут и до Аркадия дошло, что

такое «ответственное министерство» и, что «это слово» попирает основы самодержавия. Он перевернул свой бокал и вопрошающе уставился на свою соседку – племянницу хозяйки, которой он явно симпатизировал. Она встретилась с ним глазами, взяла бокал в руку и перевела взор светлых очей на Серёжу Охотина, который нервничал и не знал, как поступить: «Отец бы даже вышел отсюда вон и хлопнул дверью» – осенило, наконец, его и он столь же демонстративно перевернул бокал: «Таким как Борька потакать не собираюсь!» Одновременно с ним, то же проделала и племянница Ольги, нерешительно встретившая осуждающий взгляд тёти.

– Могла бы и без твоей помощи перевернуть свой бокал, не маленькая и в опеке младшего братика, тем паче не нуждаюсь, – раздражённо заметила Настасья брату.

– Да, я пью за конституцию, но не революционным путём, – поднял свой бокал Яков, – до всего можно договориться мирно.

– И только путём мирным. И не приведи Господь иным, – добавил Иркентьев, – Но я позволю налить себе лишь половину бокала, поскольку я за ответственное министерство при сохранении самодержавия. Считаю такое возможным.

– Дождёшься ты от них мирным... – буркнул себе под нос Илья, – Старый дурак.

– Вы глубоко правы, Яков, именно мирным путём. Монархии иной раз способны перерасти и в республики мирно, не говоря о конституции, – во всеуслышание поставленным

голосом сказал Родичев, – Мудрый Вы человек, для Ваших лет, Яша.

– Когда тысячники станут сотниками – дело наше будет проиграно, – шепнул Илья в ухо остроносому соседу-студенту, который с самого начала был не очень трезв. Тот не понял суть каламбура, но закивал головой на тонкой шее, – Недомок, – почти неслышно бросил в его же адрес Жирнов.

– Так выпьем же, дамы и господа! – прогремел бас черепахового пенсне.

Все поднесли бокалы к губам и в этот момент стали заметнее пять перевёрнутых вверх дном.

– У нас тут прямо общество трезвенников собралось. Сам Витте бы одобрил. Уж как он одолевал Коковцова со своей борьбой с пьянством! Вы бы получше приглядели за племянницей, Ольга Сергеевна, – рассмеялся Родичев, – Уж не монархистской ли она становится, глядя на красавчиков из Николаевского?

– Нашла кого приглашать очередной раз, – тихо заметил соседу профессор философии.

Многим бросилось в глаза, что насмешник Кока пил без вдохновения и как бы отсутствовал своим выражением лица.

– Признаюсь, господа, что пригубил лишь глоток за вашу конституцию, – разоткровенничался купеческого вида бородач, – Отец, хоть и старой веры был, а завещал самодержавия держаться, уж не взыщите. В нём, говорил, соль земли русской.

– Вот и мой – так же, – неуверенным слабоватым голосом вставил Аркаша.

– Ну Вы – конченный для нас человек, можно сказать, коль в том училище, как и Ваш сосед, – заговорил профессор философии, закидывая редкие сальные волосы назад.

– Может статься, что и так. Но Вас, сударь, это мало касается на мой взгляд.

– Молоды они ещё, помилуйте, образумятся. Покинут стены, оглядятся, поймут, что к чему, глядишь – и в наши ряды пополнение, – примиряюще заговорил Муромцев.

– Всякое случается, – добавил Маклаков, – и офицеры к нам приходят. А когда утвердят ответственное министерство, захочется кому-то и республики. Так, что же во Франции офицеры все после Революции разбежались? Отнюдь нет, господа. Наполеон бы и до Варшавы не дошёл, не то, что до Москвы. А что Вы так, отец Виссарион? У Вас и бокал наполнен. Даже не пригубили.

– Не подобает духовному лицу поступать вопреки Государя нашего.

– Ну уж, и вопреки! Государю от того лишь легче править станет, безопаснее и народу всему полегчает. Неужто грех за такое выпить? – хитро прищурился Маклаков.

– Не могу судить, сударь, не имею достаточных для того знаний, а потому воздержусь, – уклончиво ответил печальный священник, Бокал же перевернуть просто не успел.

– Вот, в Финляндии нашей имеется своя конституция, и

народ живёт получше, чем в центральных Российских губерниях. Колонизация шиворот-навыворот.

– А разве «Манифест 1899-го года об общеимперском законодательстве для Финдляндии» не есть отступление от Финдляндской конституции? – едко заметил Родичев.

– Нам бы отца Виссариона хоть как-то успокоить, а Вы...

– Мне думается, – молвил негромко, но уверенно Шипов, – что не желающие пить за конституцию, по-своему правы. Нам не следует ни в коем разе всех обращать в единую веру. Лучше бы делом заняться. Брать пример с семьи Бахрушиных¹⁴⁶: строить на лишние деньги приюты для сирот и бездомных, больницы, читальни для народа, бесплатные квартиры для городской бедноты. Александр Алексеевич завещал около 800 тысяч рублей на благотворительность. Детям своим оставил завет «жить в мире и согласии, помогать бедным, жить по правде». Так и надо жить, господа. Не грех и с Третьякова пример брать и со Щукиных. Да и Савва Мамонтов уверен был в необходимости своей железной дороги для державы и строил её без личной финансовой заинтересованности. Чем не пример? Даже и большой оригинал Савва Морозов¹⁴⁷ нас поддерживает. Знаете ли вы, господа, что

---

¹⁴⁶ Семья московских купцов Бахрушиных, наиболее уважаема в народе за огромный масштаб благотворительности. Позже они и меценаты. Род идёт от зарайского татарина Бахруша, принявшего православие.

¹⁴⁷ Семья московских купцов Щукиных, выходцев из боровских старообрядцев, потомки которых в 1890-е открыли свой музей с коллекцией предметов искусства и библиотеку для народа. В 1905 году Пётр Щукин дарит своё собрание

последнее время мы в его роскошном особняке на Спиридоновке проводим, как бы сказать, не совсем легальные заседания земцев-конституционалистов. Ну а у кого лишних средств нет, то работать бы подобало в подобных заведениях, открываемых купцами, во имя всеобщей гармонии.

Маковский далее проявлял не слишком большой интерес к происходящему вокруг, но повышенный ко своей соседке – Настасье. Когда он дошёл до той черты, за которой ожидается предложение свидания на стороне, Кирилл, всё тем же ледяным взглядом, перехватил оживлённый взор Сергея Константиновича, и молча дал ему понять, что всё это совершенно неуместно. Бородач с видом купца всё пытался подсесть поближе к Настасье, но понял, что усилиями Кирилла смещение стульев совершить не удастся. Елизавета Трет-

---

из 24 тысяч предметов Историческому музею. Сергей Щукин раньше других в России понял, что постимпрессионисты представляют большой интерес в искусстве. Савва Мамонтов (1841-1918) – крупный предприниматель и меценат, разорившийся от интриг министра Витте (доказано Алексеем Лопухиным, директором Департамента полиции) в ходе строительства железных дорог. Мамонтов – создатель нового оперного театра, поддерживающий художников и декораторов в своём имении Абрамцево, способный скульптор. Савва Морозов (1862-1905) – крупнейший ситцевый фабрикант и меценат из суровой старообрядческой семьи. Морозовские изделия вытесняли английские ткани даже в Персии и Китае. В ходе получения образования в Англии, Савва утратил веру отцов и стержень в жизни. Жертвовал много на развитие театров и Красный крест. Возглавил комитет Нижегородской ярмарки. Под влиянием любовницы стал помогать большевикам финансово и совсем запутался. На его средства учреждены первые большевистские легальные газеты «Новая жизнь» и «Борьба». Морозов нелегально провозил на свою фабрику запрещённую литературу, прятал от полиции одного из лидеров большевиков Баумана, дружил с Горьким. Возможно был убит.

нёва, племянница Ольги Сергеевны, оказалась между двумя Охотиными, проявляющими к ней живой интерес и румянец не сходил с её щёчек. Отдать кому-либо из них предпочтение она явно не решалась. В свою очередь, оба вели беседу очень неумело и забавляли прочих, находящихся поблизости.

– А Вы знаете, госпожа Третнёва, что уже во времена Людовика Тринадцатого во Франции были запрещены дуэли? – с трудом сумел из себя выдавить Аркадий.

Лиза ответила, что тоже читала Дюма и ведаёт о том.

– А Вы читали о подвигах русского генерала Скобелева во время последней Турецкой кампании? – продолжил очень натянуто Аркаша.

Блуждающий взгляд Аглаи всё чаще фиксировался на гордом профиле Кирилла. Эти задержки взгляда не скрылись от внимания Николая Врангеля, который впервые ощутил, что эта взбаламошная девица чего-то для него всё же значит. Долгоносый чахлый молодой человек, набравшийся за вечер не в меру, что случилось с ним не в первый раз, подобрался к аккуратным горшочкам с фиалками Ольги Николаевны и вяло зловонно сблевул в самый крупный из них.

Никто из собравшихся в салоне не ведал ещё, что *в эти дни Япония направила в Санкт-Петербург ноту недовольства по поводу задержки вывода российских войск из Маньчжурии, что Англия вложила уже давно огромные средства на строительство современных военных судов на верфях Страны Восходящего Солнца и, что путём интриг, про-*

изошла отставка Витте, подогревшая амбиции некоторых русских недалёковидных авантюристов на Дальнем Востоке. Никто не подозревал и о том, что на днях столицу попытается в очередной раз поглотить страшное наводнение почти день в день, повторившее таковое на Неве 1824 года.

Вспоминалось в тот вечер Аркаше детство и рассказы отца о славных сражениях с турками, во главе с отважным Белым генералом Скобелевым на белом коне в белоснежной форме, всегда на виду у противника и в сфере досягаемости его огня. Генерал водил войска в атаку своим личным примером и не кланялся пулям в духе офицерской чести Николаевских времён. Смягчения времён Александра II расслабили и высший офицерский состав, что не импонировало Аркадию. Михаил Скобелев стал уже особым исключением. А со времён Скобелева, уже ни один генерал лично не водил солдат в бой и юноше тогда казалось, что Скобелев стал последним в истории и, «если ему самому, Аркадию Охотину, когда-либо доведется носить генеральские погоны, то он обязуется повторить подвиги Михаила Дмитриевича Скобелева и погибнет на передовой!». Ведь были времена, когда великие князья Руси мчались впереди своих войск, но уже от Ивана Грозного и, особенно, со времён династии Романовых, царю не подобало лезть на рожон. Оно и понятно, но что-то в этом подсознательно претило романтичному юноше, при всей его убеждённости в святости императорской

персоны. Когда Аркаша возвращался в родительский дом, он непременно пролистывал вновь и вновь зачитанную до дыр книгу «Белый витязь» про генерала Скобелева. В детстве, то бишь, ещё не так давно, Охотин Шестой очень любил рассказ эльзасского священника об ужасах франко-прусской войны «Под громом пушек» и готов был читать хоть каждый день, но теперь охладел к этой книге. Аркадий Охотин скучал в Училище без своей личной библиотеки, а личную собирал каждый из детей генерала. Любили читать в семье все, даже и сестрица Варвара. Выписывали множество журналов. В своей личной библиотечке Аркаша успел на своём веку собрать около тридцати книг Майн-Рида, столько же – Жюль Верна, раза в два поменьше – Гюго, Гюстава Эмара, Дюма, Загоскина, Сервантеса с рисунками Гюстава Доре, Даниэля Дефо, Купера, Марка Твена. Они заполнили небольшой книжный шкаф, на который был водружён бронзовый бюст императора Александра Освободителя. Затем в воображении пронёсся чей-то день ангела, кажется – Евпраксии, когда танцевали под аккомпанемент приглашённых скрипача и гармониста, а обладательница приятного меццо-сопрано Варя, пела под аккомпанемент фисгармонии. Размышляя о полном ненависти взгляде долговязового студента Жирнова, бросаемого, время от времени, на него и Кирилла, он почему-то вспомнил, как соседские старшие мальчишки надували лягушек через соломинку, вставляя её в задний проход беззащитной твари, что не позволяло лягушкам нырнуть под во-

ду. После чего, мальчишки швыряли в них камни и хрипло, злобно ржали. При прямом попадании лягушке разрывало внутренности. Однажды маленький Аркаша до того рассвирепел, что полез драться, защищая лягушек, сразу с тремя старшими, ну и получил изрядно. Пришёл домой в пыли и синяках. Детству свойственна непонятная жестокость. Иногда она проходит с возрастом... Но молодость взяла своё и приятные мысли о Елизавете Третнёвой вытеснили скорбные. Ещё в детстве был Аркаша влюбчивым романтичным мальчиком. Одну знакомую девочку он, про себя, звал Ежвикой, а другую – Малиной, что полностью соответствовало, на его взгляд, внешности обеих. «Суров Матфей: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем». Ох, и зачем так строго!» Ещё почему-то вспоминалась московская зеленая лавка и ряды со сладостями. На лотках разложены тётчины языки, сочники, халва и рахат-лукум, засахаренные сливы, вишни, груши. Поодаль – ряды со всем, что только можно было себе представить – от вехотки – пучка мочала, до самовара с царским клеймом. В числе прочих там находился и торговец удилищами и готовыми червями с муравьиными яйцами. А какие встречались деревянные крашенные солдатики! Заснул он уже со своей дежурной мыслью о славных временах рыцаря Ивангоэ¹⁴⁸.

Кирилл, глядя в потолок перед сном, в комнате неподда-

лёку от Аркашиной, тоже вспоминал чёрные глаза неумытого студента, горящие откровенной ненавистью. Думалось ему ещё и о том, как его дразнили в первом классе: «Ртищев едет в Мтищи. Разявь свой ртище, Ртищев. Ты Ртищев? Ну и дурак». После такого Кирилл начинал отчаянно драться, но на его хрупкое сложение всегда находилась управа в виде здорового громылы-переростка, потакавшего ярым дразнильщикам. В школе младшим давали «грушу» – винтообразно сильно ковыряли большим пальцем по темени. Однажды, за начатую драку, несколько человек уложили его на пол и долго производили «пытку грушей». Не спалось. «А кошерный паренёк этот, ох и злобно смотрел и ещё долго останавливал взгляд свой змеиный на нас с Аркашкой...» На утро Кирилл, как он и пообещал сам себе, направляет стопы в училищный храм, где отстаивает всю заутреню и просит прощения за несправедливое зло, затаённое против однокашника и честного офицера раба Божьего Аркадия. «Брата его, не сделавшего мою сестру счастливой, есть за что не любить, но при чём тут Аркадий – чистая душа? Борис не смог дать ей ничего: в имени она не нуждается, денег он ей не дал, но и Бог с ними, но ведь теперь я чувствую в её молчании, что она с ним несчастна!»

12. В Первопрестольной вновь неспокойно. Рождество в охотинском доме

«Если поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западная держава готовит бессовестнейший захват чьей-либо чужой земли»

И. Аксаков, славянофил

Осень тянулась спокойно и размеренно даже и в ведомстве Глеба Охотина. Разве что, он узнал от приятелей из Охранки, что, *так называемые большевики – некий крайне левый осколок РСДРП¹⁴⁹, развернули мощную подпольную типографию на Кавказе. В июне 1903 года в Чёрном городе под Баку, где добывалась львиная доля российской нефти, начались с виду немотивированные беспорядки. Забастовщики никаких требований не выдвигают, но имеют место поджоги промыслов. Пламя возносится на большие полусотни сажень¹⁵⁰! Разоряются невиданные ранее в России по своим масштабам бакинские нувориши. Иные же, наживаются пуще прежнего и добывают миллионы пудов неф-*

---

¹⁴⁹ Российская социал-демократическая партия.

¹⁵⁰ До конца 1903 года сгорел миллион тонн нефти в районе, где находилось 83% всей добычи в империи при ничтожной глубине залегания нефтеносных пород, а потому и самой дешёвой добычи в мире. Начиная с Японской войны, странным образом начинают загораться деревянные нефтяные вышки «Чёрного города». С 1905 года прямо на промыслах началась резня на национальной почве. За два года так называемой «стачки» сгорело свыше половины скважин и две трети буровых, что вызвало резкий спад нефтедобычи, утрату внешних рынков керосина в пользу американцев и в первую очередь Рокфеллера.

ти в год – азербайджанские турки¹⁵¹, армяне и ряд иностранцев. Уже незадолго до Рождества Японское правительство сообщило, что «чувствует себя вынужденным просить Императорское российское правительство пересмотреть своё предложение» о признании Маньчжурии вне сферы интересов Японии. А Невский завод, купивший право на постройку подводных лодок¹⁵², предложил Морскому министерству изготовить одну в качестве образца. Глеб, подбирая и анализируя подобные сведения, всё больше осознавал, что назревающая война с Японией уже вполне зрима и ощутима. Со времён начала буквальной травли правительства левой печатью, Николай II взял обыкновение не отвечать на злобные нападки, что расценивалось, как признание собственной вины и Глеб усмотрел в этом очередную крупную ошибку любимого Государя.

По прошению Лебедева, Василия Степановича Стефанова назначили старшим по команде после славной службы око-

---

151 Так называли азербайджанцев.

152 Подводная лодка Михаила Беклемишева была уже почти готова и давала фору американской Фультона по размерам и глубине погружения. Беклемишевская «Макрель» потом служила вплоть до 1925 года. Но полноценно ввели её в действие поздневат. Во Владивостоке во время Японской войны состоялось первое в мире совещание по вопросу боевого использования подводных лодок. Лодка «Сом» была, наконец-то, готова к действиям, прочие – ещё нет. Ни одна из лодок к этому времени ещё не имела торпед. Когда японские корабли показались в заливе города, комендант крепости приказывает всем подводным лодкам немедленно выйти в море и атаковать неприятеля. Японцы же, в этой войне впервые в истории применили ядовитые газы, содержащие мышьяк.

лоточным с сорока благодарностями и четырьмя медалями в послужном списке. При этом – ни одного взыскания. Категорически избегал рукоприкладства Василий Степанович, был всегда вежлив и имел репутацию талантливой, честного и справедливого сыщика. Его уже называли Новым Путиным¹⁵³. Стефанов был поглощён поимкой некоего бандита Сенькина, устроившего за два года более сотни поджогов по Московской губернии и, наверняка, не без связи с эсерами, а также привлёк Глеба к поискам рецидивиста Родзиковского, Короля Воров, непрерывно грабящего храмы Божьи. За это дело Глеб взялся со всем присущим ему рвением, не забывая на досуге и дальше обдумывать «дело о персиках». В ходе расследования, Охотин случайно поймал в доме одного замоскворецкого мещанина по второму участку мокрушника-коллекционера, который годами собирал соответствующие знаки, сорванные с убитых им легавых¹⁵⁴. За такое полагалось очередное повышение в чине, хотя совсем недавно Глеб уже проскочил, как он выражался: «за свои

153

Во второй половине XIX века Путилин стал человеком-легендой, грозой преступного мира. Начав службу с самой низшей должности – канцелярского писца, он, благодаря своему трудолюбию и способностям, вскоре становится начальником Петербургской сыскной полиции. Ни одно значительное дело в те годы не расследовалось без его участия или не под его руководством. Он мог переодеться в одежду бродяги или чернорабочего и, рискуя жизнью, шёл в преступные группировки.

154

Сотрудники сыскной полиции, за лацканом пиджака, носили неофициальный знак «Бегущая легавая собака». Откуда и пошло жаргонное прозвище сыскных агентов – «легавые».

собственные уши – из урядника в полицейского надзирателя и в сыщика». В свободное время Глеб посещал занятия по джуджу-джитсу, введённые в Московском сыске кипучей деятельностью того же Стефанова, и стрельбе в движущуюся мишень. О слабом поле Охотин старался вовсе не думать, но перед сном нередко возникал в отключающемся сознании смутный образ той, что стала несколько лет назад его первой и единственной любовью. Прекрасное вдохновенное лицо той, которую жизнь вынудила зарабатывать на хлеб своим телом. Глеб с сотрудниками разгромил притон, ставшим логовом воров и встретил её там впервые. Он был поражён столь неземным выражением лица женщины, могущей оказаться в этом грязном месте. Он пытался вырвать её оттуда, обещал любить и носить на руках всю жизнь, ведь ей лишь восемнадцать и она едва сбилась с пути. Она готова быть с ним и всё, как будто бы прекрасно. Но, что-то не раскусил в ней пылкий юноша Охотин, то, что подтолкнуло её предать спасителя. В тот роковой день, во время катания на коньках, за ней, уже в облике девушки из хорошей семьи, воспитываемой Глебом, увязывается повеса из высшего света и приглашает пойти с ним на бал. Она ведёт себя так, словно Глеба поодаль на катке вовсе не существует, словно не он дал ей приличную одежду, готов был дать и имя и, вот-вот, повести под венец. «Кто женится на разведённой, тот прелюбодействует», сказано. А о жрицах любви, кажется, так сказано: «От трёх трясётся земля, четырёх она не может носить».

Глеб был забыт, а лишь спустя время он получил от неё письмо, что она просит её простить, но мол, доходы младшего полицейского чина «не могут принести женщине достойного счастья» и далее в том же духе. С тех пор, что-то оборвалось в душе Глеба в отношении всех в мире женщин.

Остывшие недавно трупы совсем юных жениха и невесты лежали, скорчившись, на полу и диване, а урядник докладывал входящему в скромное жильё Глебу, что всё смахивает на отравление растительными ядами, мол, анализ покажет какими.

– Мизантроп и убивец он, – глубокомысленно заключил урядник.

Но Охотин, словно и не слыша его, подошёл к пустой стене на видном месте которой на гвоздике висит записка, нацарапанная до боли знакомым почерком. В ней значилось: «There's rosemary, that's for remembrance; pray you, love, remember: and there is pansies, that's for thoughts¹⁵⁵». И подпись: «Джагернаут», кириллицей, а после PS: «А этот мешочек с протрелом луговым оставляю для Вас, господин сыщик. Лютик этот собирают ранней весной в сосновом лесу. Сон-трава успокаивает таких, как Вы и надолго. Мешочек её Вы найдете под Спасом Нерукотворным. Волки чистой расы живут в тех краях. Это благородные звери». На сосед-

ствующей с гвоздиком подвесной полочке лежали два пучка трав. Судя по запаху, один из них соответствовала розмари-ну. Так объясняла Офелия символическое значение цветов. В углу под закопчённым Спасом лежал мешочек с травой, имевшей слегка луковый запах. Как замороженный, обводит Глеб помещение с тяжёлым запахом потухшим взглядом и останавливает его на грубо заголённом, разрывом подвенеч-ного платья чем-то острым, животе невесты. Ведёт глаза к её коралловому монисто на тонкой вывернутой шее с заки-нутой головой и вновь к животу. Кожа, слегка обагрившаяся кровью, рассечена в виде древнего восточного символа – сва-стики. Там же, демонстративно, оставлено орудие, нарисо-вавшее свастику – заострённая персиковая косточка. «Псих проклятый!».

Все последующие попытки выйти на след преступника остаются, как и до того, безуспешными. Анализ ядов в кро-ви и остатков в пищеварительном тракте показывают похо-жесть на ризин из касторовых семян. Абиссинская клещеви-на мучительно убивала молодожёнов, которые, судя по жи-вописным позам, долго корчились от боли во чреве. О лу-говом простреле сообщалось, что это сильный яд, вызываю-щий воспаление почек и паралич сердца. Показания немно-гочисленных участников свадебной церемонии и безутеш-ных родителей проливают немногим больше света. Было ска-зано, что по традиции, перед отъездом в церковь шафер же-ниха вручает невесте от имени жениха букет цветов, который

должен быть: для девицы-невесты – из померанцевых цветов и мирты, а для вдовы или второбрачной – из белых роз и ландышей. Невеста была юной девицей, но кто-то из присутствующих злонамеренно сделал наоборот и подсунул розы с ландышами. Шафер же, не знал таких порядков. Вспомнили о том, что был в свадебной компании некий светловолосый человек, которого никто, как выяснилось, не знал. Вскоре на имя Лебедева пришёл пухлый конверт с персиковой косточкой внутри. «Даже не оригинально уже. Надоел маньяк этот» – подумал Глеб.

С подпорченным господином Джагернаутом-Джахангиром настроением, Глеб выбрался на семейное празднование Рождества Христова. Родители, по давней привычке, давали семейный обед. Иные их дети продолжали искренне радоваться этому, но некоторые приходили исключительно из вежливости, чтобы поддержать лопающиеся по швам отношения. Вчера утром Капитолина Климентьевна вместе с дочками и Гликерией выскребла дом до блеска, протерев можжевеловой водой, как и полагалось в Сочельник, приготовила сочиво и взвар с кутьёй¹⁵⁶, напекла сочной, побывала во

---

¹⁵⁶ Взвар варился на воде из сушёных яблок, груш, слив, вишен, смородины, черники, земляники и прочих ягод. Кутья – томлённая в печи пшеничная и ячменная крупа со сливками, льняным или конопляным маслом и мёдом. Сочиво – пшеничный взвар с мёдом, маком и изюмом. «Сочиво» изначально означает «растительное масло», а позже и кашу с маслом. Накануне Рождества полагалось лишь сочевничать до сумерек с появлением Вифлеемской звезды. Сочетание ку-

храме и принесла освящённой воды, как делала всегда и на Крещение, принося воды крещенской, окропила стены дома с пением тропаря Богоявления. Потом все домочадцы успели и попариться. С рождественского утра в доме Охотиных наготовили столько всякой всячины, что хватило бы и на двадцать гостей. Разморозили вставное звено белуги с икрою, купленных из бочек, наварили ухи стерляжей и телеса ершовые в студне. Испекли калачи хомутиные, пироги длинные со сладкою Гурьевскою кашей и каравайцами, состряпали и рванцы с варениками. Основным же блюдом, помимо всей прочей немало сытной снеди, стал гусь лапчатый чинёный. Уютно было дома после морозных ветреных улиц и площадей, где трещал мороз за тридцать градусов¹⁵⁷ и даже неделю назад на пожарных каланчах поднимались круглые кожаные шары, что означало: «нынче учёба в школах отменяется». На всех перекрёстках загорались костры, как «дикие», так и «организованные» – в специальных железных цилиндрических жаровнях на ножках. Постоянный поток ломовиков с дровами до заказчика проезжал мимо и часто извозчик подкидывал разжигающим на общее благо парочку поленьев, а на обратном пути, глядишь – и сам сходил с саней и грелся у огня, притоптывая валенками, прихлопывая обшитыми холстом варежками.

тьи, блюда поминального, и взвара – есть символ вечности жизни, рождения и смерти Спасителя, непрерывности рода человеческого.

Первым в родительский дом прибыл Сергей, поделившийся впечатлениями о столице и успевший продекламировать любимой сестрёнке введение в свою задуманную поэму «Божий храм»:

«Возле белой стены копошатся людишки,
Но она выше их, хотя создана ими.
На обочине дороги каменный столб стоит,
Вдохновляет пиитов, но только плохих».

Сам поэт ожидал, почему-то, что рифма польётся и дальше, но она застопорилась, и он сумел выдать ещё лишь очень натянутую импровизацию, которую назвал пародией на декадентов:

«Цветок фасоли – хороший цветок,
Иногда его добавляют в кумыс,
Цветком зебры его зовут.
Звон погребальный выпростал мне душу,
Схизму души повлек он за собой.
Звон погребальный мне проник в сознание,
Не покидает уж теперь его.
Не трубадур я, не трувер,
И уж никак не миннезингер,
Я – правоверный мусульманин
И я слагаю рубаи».

В этот момент к ним, в комнату Евпраксии, вошёл Глеб, который натянуто посмеялся над пародией и рассказал о назревании войны на Дальнем Востоке. В дверях появился Ан-

тоша, нашёптывающий себе под нос строки из Лермонтова:

«Прозрачный сумрак, луч лампы,

Кивот и крест – символ святой.

Всё полно мира и отрады...»

– Что, братец, давненько не виделись с тобою, – заговорил первым Глеб и обнял отрока. Его примеру последовал и Сергей.

Появилась разгорячённая пышная как свежая булка Варвара:

– Все тут вокруг нашей белоручки столпились, – в адрес сестры, – нет, чтобы нам с матерью да Карповной на кухне помочь! – но, затем, улыбнувшись, – Да я так, не со зла. Уж почти всё готово...

– Будем вместе накрывать стол, – нашлась Евпраксия, задевшись румянцем, от слов вечно критикующей её старшей сестры.

– Дорогая Варя, – прокашлялся Серёжа, – «Евпраксия» переводится как «благоденствие», что служило эпитетом самой Артемиды, насколько мне известно, но отнюдь не как «белоручка»...

– Собрались наши умники-эрудиты и понеслось, – рассмеялась Варя, – Лучше бы делом занялись – стулья расставили, например.

– В этот радостный праздник негоже ссориться, дамы и господа, – вошёл улыбающийся Аркадий, который уже с начала рождественских каникул пребывал в отчем доме.

Дмитрий и Пётр успели вместе, внося в дом запах мороза со снегом и многочисленные причиндалы фотографического аппарата Дмитрия, который основательно занялся изучением искусства фотографии, необходимого ему в ожидаемых экспедициях.

– А вот и наш Пржевальский со своим «мольбертом»! – рассмеялся Аркаша, – Но я лишь надеюсь, что и меня прихватишь в одно из своих дальних странствий. Нет, я не шучу!

Бесшумно возник в дверях Алёша с нездоровым румянцем на щеках и запавшими глазами:

– Всем присутствующим моё почтение!

Гости стали обнимать братьев и сестёр, обитающих ещё в стенах отчего дома. Возможно именно потому, что ему не хотелось неискренних лобзаний, Борис старался приходить, когда все уже рассядутся за столом и целовал лишь родителей, что называется, по уставу. В самом деле, по отношению к нему подобные действия братьев и сестёр оказывались в последнее время неискренними, в то время, как между прочими – сердечными, как и прежде.

Капитолина Климентьевна начала всех рассаживать, а Митя норовил установить фотографический аппарат, чтобы запечатлеть всё собрание и рождественскую ёлку, сиявшую отблесками свечей. Отец семейства благодушествовал и расцеловывал каждого. С Борей бы так не вышло... Кутья уже стояла под иконами.

– Давайте вспомним Господа нашего перед праздничной

трапезой и начнём. Боря всё равно опоздает, занят по службе очень, – сказал Гордей Евграфович.

– И Гликерию Карповну сперва пригласим за общий стол и Прохора Парфёновича, – добавила мать семейства, – вместе живём, вместе и столоваться.

Вскоре в дом вошёл Борис, резко и быстро поцеловал родителей, поприветствовал прочих, сухо поздравил с праздником.

– Уж и не спрашиваю, что с Настасьей, – бросил отец, подняв мохнатую левую бровь.

– Да так, тётушка в Питере захворала, пришлось ей уехать не так давно, – глядя в сторону.

Взгляд Сергея искал глаза старшего брата, но не нашёл, так как Боря уткнулся в свою тарелку с куском гусятины. «Шило в мешке не утаишь: тётка вовсе не больна. Что-то меж вами случилось».

– А что ж, Борюшка, Аркаше не передали. Он бы тоже родственницу навестил, помог как, – мать неуверенным тоном.

– Да, со службой закрутился, не оповестил никого...

– Закручиваешься ты, по большей части, с крамолой своей, – проворчал отец.

– Довольно, отец! Не хочу в очередной раз об этом слушать. Ничего нового не услышу, – огрызнулся Борис.

– Таких как ты, Борька, из школы надо было да с волчьим

билетом¹⁵⁸, а не образование высокое давать, казённые деньги на таких растрачивать!

– Оставь, Гордей Евграфович, будет, – примирительно заговорила Капитолина Климентьевна.

– Един Господь про всех нас. Уследить ли за вами за всеми? Да смотри, Бориска, как бы не наказал.

– Так, Ему подобает всё видеть, отец, в том числе кто за добро борется, – последовал ответне без иронии.

– Да нужен такой, как ты Ему больно. Заслужить внимание Господа молитвами надобно.

– Бросьте вы, в самом деле, – взмолилась мать, – Ещё за столом праздничным будут оне здесь кощунствовать! До греха не далеко!

– До него всем всегда очень близко, – усмехнулся Пётр.

– Вот, говорит человек со знанием дела, – хихикнула Варвара.

– А ты, не самый ли ярый здесь среди нас грешник? Когда ты, наконец, учёбу свою завершишь, бездельник? – не унимался отец семейства.

– В самом деле, Петруша, пора бы и за ум взяться, доучиться и на службу пора бы уж, – постаралась смягчить мать.

– Не проси у каменного попа железной просфоры, – буркнул отец.

– Ну а ты как, Глеб, к китайцам съездил? – попробовал

перевести разговор Борис.

– Очень даже занятный край. Великое будущее за ним...

– А хунхузы как? Всё бесчинствуют?

– Да как сказать...

Глеб закинул волосы за уши, привычным жестом, но волосы вернулись на то же место, поскольку цепляться им было не за что.

– Вот именно, – посмеиваясь, глядя на брата, продолжил Боря, – слышал я о твоих похождениях: не любил ты в отрочестве Пьера Безухова, да сам им, вроде как, стал.

– Фу, злой ты, Борька, – громко и нервно выкрикнул Алёша.

– Негоже так говорить, аль ты не брат ему? – возмутилась Евпраксия.

– Ну что вы все на меня, бедного, ополчились? Пошутить уже нельзя!

– Конечно: шутить человек изволит, – усмехнулся Глеб, – Ну уши отрастут ещё.

– Раз тебе, Глебушка, по нутру выкрутасы Борины, то и тебе судить, не нам, – подвела черту мать.

– Давайте хоть в такой светлый праздник не будем ссоры чинить, – молвил вдруг высоким, ломающимся голосом Антоша с некоторым надрывом.

– Отец, ведь устами младенца... Давайте разок последуем мудрому пожеланию, – с сарказмом бросил Борис.

– Боря, ты знаешь, ты мне всё больше напоминаешь выс-

ший свет нашей северной столицы, – прокашлялся Сергей, – Там они тоже такие всезнающие, все ведающие, с тем же снисхождением с прочими разговаривают. Даже если и молоко на губах не обсохло. Никому такое не нравится, заметь.

– Пришлым, не из их общества уж точно не по душе, – добавил Аркадий.

– Ну вот, всем скопом на одного накинудись, – рассмеялся Боря.

– Давайте сменим тему, – предложил Дмитрий, – а то на фотографиях физиономии тоскливые получатся.

– Да не обращай на них внимания, Митя, фотографируй. Иначе они общаться не могут, – нехотя промолвила Варвара, словно её отвлекли от важного дела – поглощения пищи.

– Всё, довольно вам перебраниваться да ворчать, всем остальным настроение портить, – заговорила вновь мать.

– Родительница вам говорит, чада, так внимайте словам, – вставил назидательным тоном Прохор Парфёнович.

– Мне тут за вас перед Гликерией Карповной неловко. Словно не свои, как с цепи сорвались, что белены объелись! – не могла успокоиться Капитолина.

– Я беленою рот наполнил, но прожевать её не смог, я отрыгнул её немного, но фрак уже не уберёг, – нараспев продекламировал свой экспромт Серёжа.

– Тебе бы в сборник рассказов для крестьянских детей такое послать, – хохотнула Варя.

– Особенно про фрак, – хмыкнул Алёша, – А стишок мне

очень понравился!

– На моё крестьянское происхождение намекаете-с, сударыня, – рассмеялся Сергей.

– Мы, дамы светские, иначе не можем, к прискорбию нашему, – очаровательно ослабилась пышная светло-русая красавица.

«Чем-то напоминает она Лизаньку Третнёву, но пожалуй, поглубже её и не столь умна. Уж очень нежна Лиза. Эх, сестра, ну что ты всё из себя кого-то корчишь?» – подумал Серёжа.

– Такие как ты – «светские» всю Россию и губят, – проговорил после всеобщей паузы Гордей, – сама посуди: мать твою всю жизнь в сарафане проходила, шушуны с шушпаком ещё носила, а ваше поколение уж, глядь, и из сарафанов и юбок с шушунами повывлезало, платья они пошили, всё заголиться норовят: декольте им подавай! Салоны им Санкт-Петербургские подавай! Да не будь родителей рядом, уж давно бы декольте по офицерским балам ходила-бродила! Во всё фряжское¹⁵⁹ рядятся они. Не осталось стержня в вас! Давно ли предки твои в крепостных ходили, а она – погляди – уж не иначе, как дворянка.

– Да уж и пошутить уж нельзя, – надула губки Варя.

– Прав отец по-большому-то счёту, Варя, – добавила мать, – если чего и перегибает, то по сути истину глаголит.

159

Фряжское – французское и итальянское. Архаизм принятый до XVIII века.

Папушники¹⁶⁰ все вы, от того и беда. Пороть надо было в своё время.

– Всё поколение это под ремень! – гаркнул Гордей, – А что теперь: кому какой бред на ум ни взбрeдёт, то и говорит во всеуслышание и даже пишет. Печать полна крамолы и сущего бреда, а достойных книг никто уж и не читает. То, о чём писал Александр Сергеевич, мол только Оппулея, а не Цицерона читал, всё мелочью теперь кажется. Содом с Гаморрой наступают! Такое публикуют – волосы на голове дыбом! И ещё кричат о недостаточной свободе печати!

– Отчего же: Белинского и Гегеля, а не Милорда глупого с базара уже несут? – холодным тоном перефразировал Некрасова Боря, – Похабщину-то напечатать, арцебашевщину – оно запросто: николаевские времена давно прошли, а попробуй ты на режим замахнуться?

– Скоро и то и другое прекрасно в печати уживётся, – заявил Гордей, – А тебе видно не терпится.

– Мне не терпится лживость правящей верхушки разоблачить, совершенно верно.

– В самом деле, папа, надо бы порядок навести, чтобы правительство можно было уважать, – сказал Дмитрий, – Ведь это очень важно для народа, который ты любишь.

– Давно пора всё на свои места поставить, бардак этот пре-

---

¹⁶⁰

Папушник – дrochenое, балованное дитя, а также всхожий, мягкий, домашний пшеничный хлеб, булка, пирог, калач (Даль В. Словарь живого русского языка).

кратить, – голос Петра, – А возможно ли это со всеми этими бездельниками-министрами?

– Ты бы за выражениями следил, сынок мой, – нахмурилась мать.

– Порядок нужен, да только не тебе угодный, крамольник, – сверкнул глазами на старшего сына Гордей, – Был при покойном Государе прекрасный порядок, и жилось всем спокойнее. И при Николае Павловиче был. И большинство населения довольно было. Да только нашлись такие, что обличают государей двух величайших и грязью поливают. Одного – жандармом с подачи европейской печати окрестили, а другого как только не хаот и без малейшего смущения. А рубль при них накрепчайшим в мире был, жили спокойно и знали, что завтрашний день сулит. Верно одно, что окружение ближайшее Государя нашего оставляет желать лучшего. И это ещё мягко сказано.

– Не думаю, что дед наш, Евграф Вахромеевич, отозвался бы столь хвалебно о Николае Павловиче, – вставил Пётр, – Жизнь его, не в пример отцовской, куда тяжелей была.

– Да он боготворил своего Государя и мысли не имел о нём и подумать худо! Кому виднее, спрашиваю? – нахмурился Гордей, – Али ты, в детские годы свои успел деда пораспросить о правлении Государя нашего Николая Первого? Записать успел повествование его?

– Ответить мне нечего, отец, да думаю, что не так всё просто, – ответил Пётр.

– Чем суровее Государь был, тем спокойнее было и народу тише жилось и уважали такого царя больше. А слабину кто давал, так и начиналось, как при Александре Освободителе. Охоту за царём своим оне устроили, проходимцы! Освободил их, так они Его и порешили.

– Неужели народу благодарность не свойственна? – неуверенным голосом молвил Антон.

– Народ тёмен, братец. Просвящать его необходимо, – с понимающим видом пояснил младшему братцу Алексей.

– Народ русский делится на мыслящих, сынок, и на идиотов, – пояснил Гордей, – В иные годы умники численно возобладают, а в иные – дураки. Так оно и получается. Боюсь, что теперь опять последних не в меру развелось. Причём, особенно, среди интеллигенции. Ей со времён Сенатской площади спокойно не сидится. Пишут оне, возмущаются... *Александр Благословенный, хоть и французов выгнал, а тоже слабоват был. Всё Европе угодить норовил: то поляков, ни с того, ни с сего, облагодетельствовал, хоть и в массе они Наполеону служили, да так, что их не меньше самих французов оказалось во вторгающейся армии. А царь наш, как война кончилась, огромные средства стал полякам выделять и дороги строил и дома, да всё за счёт казны общей, нОтом русского мужика пополняемой. Либералом зато прослыл! Наверное, в ваших кругах, господин Охотин Номер Один, этого Государя больше других жалуют. Своим мини-*

стром полячишку сделал – Чарторыйского¹⁶¹, который на царя в этом направлении влиял немало, а потом, как в опалу при Николае попал, тут же в своей Польше восстанием очередным занялся и шляхту подбивал. Немало русской крови в том восстании пролилось.

– А польской? Поляки – слабое меньшинство, угнетённое! Муравьёв-то как себя ославил? – возмутился Борис.

– А Муравьёва не трогай. Вешателем его по недоразумению прозвали, а не потому, что вешал он. Просто заявил как-то, что он не из тех кого вешать будут, а – наоборот¹⁶². Да что говорить: таких как ты переубедить невозможно. Угнетённое меньшинство! Дороги им после войны лучшие строили, свобод немерено дали, всё забыто и всё преподносится просто: раз как бы колония – значит должно быть как у англичан на их заморских территориях: высасывание соков из туземного населения. И невдомёк им, что иначе бывает только в России: Польша колония, но уровень жизни отдельно взятого поляка был уже тогда выше, чем среднего русско-

---

¹⁶¹ Адам Чарторыйский (Чарторыжский) стал министром при Александре I. Раздувал польское восстание 1830 года. Род Чарторыйких был непримирим в своей борьбе за шляхетские свободы и Владислав Чарторыйский (1828—1894) стал эмиссаром национального правительства во время Польского мятежа 1863 года.

¹⁶² Муравьёва как-то спросили: не родственник ли он повешенному декабристу Муравьёву-Апостолу, на что Михаил Николаевич ответил, что происходит не из тех Муравьёвых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают. Его ответ умело исказили те, кому это было на руку. Искажённый вариант стал хрестоматийным.

го и это лишь поддерживается политикой метрополии. То же и с Финляндией. Британцу не понять такого. И правильно! К чему колонизировать и откачивать туда средства и из своих же соки высасывать? Что это за колонии-наоборот? Историю б тебе подучить, факты, Борька, а потом фразами политическими бросаться!

– Прав отец, братцы, надо бы всем нам свою историю подучить, а не так, с потолка хватать, – заключил Аркаша.

– А британские политики веками нас пытаются уколоть: то в попрании прав христианского европейского народа, несчастных поляков, упрекнуть, то в давлении на малые слабые магометанские народы Кавказа обвинить. А что они за океянами у себя творят одному Богу ведомо. Ведь только у них есть понятие такое: раз кожа иного цвета – значит не совсем человек, аль и вовсе зверь какой. Отродясь у русских такого не было. Да ещё и красными мундирами нас временами пугают, кораблями: «Не занимай Проливы¹⁶³, Николай, а то придётся вмешаться нашему великому флоту», как в 1828-м и так далее. А потом и на Севастополь напали. Не мы же на них! И всё они этакий народ передовой, правдолюбивый и честный, а мы – дикари и цари наши мракобесы. Игра такая со времён Екатерины Великой и по сей день тянется. Напрямую лишь два раза столкнулись: в Морской войне¹⁶⁴

---

¹⁶³ Стратегически важные, подобно Гибралтару, проливы Босфор и Дарданеллы.

¹⁶⁴ В конце 1807 года произошло столкновение русской эскадры адмирала

при Александре Первом, мелочь казалось бы – пара выстрелов, да и во Крымской кампании, конечно. А не напрямую, так противостояние уж не меньше века продолжается. Игра на грани войны.

Не знал старик Охотин, как и большинство образованных русских, что творил в это самое время в Тибете полковник Фрэнсис Янгхасбэнд и какой флот создан уже в Японии стараниями её нового союзника.

– А как Павел Первый казаков на Индию послал? Или это не прямая угроза Британии была? С Бонапартом Павел спелся и готов был вместе на чужую колонию напасть? – подал голос Боря.

– Было такое, но он лишь послал казаков, а потом и месяца не прожил и умер от «апоклепсического удара табакеркой в висок», как потом шутили некоторые придворные. Не исключено, что и там британская рука имела. Не рука в прямом смысле – деньги. А красные мундиры-то, в Индийских колониях, уж и вструхнули, они-то тоже не ведали ещё о непреодолимости колоссальных пустынных пространств от Оренбурга до Инда, как и сам император Павел. Сын же Пав-

---

Сенявина с английским флотом при прохождении Гибралтара. Россия разрывает дипломатические отношения в Англией и начинает «дружить» с Соединёнными Штатами. Позже англичане объявили войну России, русские суда задержаны у Лиссабона и «сданы на сохранение» британскому адмиралу Коттоносу с условием возвращения через полгода, после окончания войны. Александр I накладывает запрет на ввоз в Россию английских товаров. Конец Морской войне России с Великобританией был положен мирным договором, подписанным в Швеции в 1812 году.

ла, тут же отозвал казаков назад. Во всём старался он Англии угодным быть. Не успели казаки ещё из Европы в Азию пройти. А до колоний тех не дошли бы, конечно. Карт тех краёв ещё не было. Но то лишь один случай посягательства с нашей стороны, а британцы веками любыми путями – лишь бы нам подгадить. Вплоть до таких нечистоплотных приёмов, как материальная поддержка карбонариев вроде Герцена и прочих и поставка оружия чеченцам с черкесами во времена Кавказской. А чьим оружием столько крови нашей турки пролили в последней Балканской? Может турки сами скорострельные винтовки да шрапнель производили? Отец ваш сам кусок свинца в плечо там получил, всё на рожон помолодости лез. При этом лицемерный Лондон, после победы России, всё чаще стал говорить о некоей «компенсации», которую Англия должна была получить за свой нейтралитет в Русско-турецкой войне. Наглость немислимая! Какой уж там нейтралитет! Турков оружием завалили! Коварным косвенным путём англичане пролили массу крови русской¹⁶⁵! О какой вообще христианской солидарности говорить можно?! Да, православие им враг злее ислама! Не само православие, конечно, а могущество наше им покоя не даёт!

– Ни к чему было лезть на Балканы, тем более в 1877-м, – заметил Боря, – Могли бы и об улучшении своей экономики

165

Всего в войне на благо южных славян Россия теряет 260 тысяч убитыми и ранеными британским скорострельным оружием и шрапнелью, а также и большими.

подумать, а не очередной раз бросать солдат на заклание ради южных славян. Панславизм – большая глупость.

– А что же резне православных было потакать, как делал лорд Биконсфильд¹⁶⁶? Значит таким как ты, Борька, имена отечественных героев вроде Черняева и Келлера-Старшего¹⁶⁷ ни о чём не говорят? Даже Всеволод Гаршин – литератор со слабым здоровьем и тот отправился останавливать произвол башибузуков!

– Черняев – истинный герой! – вставил Аркаша.

– Они лезли не в своё дело, рисковали своей шеей за балканских христиан, которых обижали турки. Да, можно ска-

---

¹⁶⁶ Он же – Бенджамин Дизраэли (1804-1881), крупный английский государственный деятель и писатель, выходец из испанских евреев. Стал проводить резко антироссийскую политику в ходе Большой Игры между Россией и Англией. Сторонник агрессивной внешней политики, в чём угодил королеве Виктории. С 1874 года премьер-министр Англии. Тонкой политикой свёл к минимуму результаты победы России над Турцией в 1878 году.

¹⁶⁷ Герой покорения Туркестана опальный генерал Михаил Черняев стал одним из первых русских, горячо отдавшихся движению в защиту православных Балкан, был приглашён в Белград для руководства военными действиями. Российское дипломатическое ведомство, узнав об этих секретных переговорах, усердно позаботилось о том, чтобы Черняеву не было дозволено выехать из Петербурга за границу. Генерал обошёл этот запрет. Отряд Черняева был разбит превосходящей силой турков. К 1882 году Черняев становится туркестанским генерал-губернатором. Бескорыстный и правдивый генерал терпел около себя людей сомнительной честности и наивно предоставлял возможность мелким честолюбцам и карьеристам действовать от своего имени, черня его. Фёдор Эдуардович из славного рода Келлеров известен неопикуемой отвагой классического офицера-кавалериста ещё той особой закалки, что отличала их во времена Кутузова.

зять, что защищали слабого, благородные люди. Но для «таких как я», Вы правы, отец, превыше стоят имена иные: декабристов, Перовской и других, стремящихся освободить свой народ, своей страны, вне зависимости от его вероисповедания.

– Уж не удивишь ты меня ничем больше, Борька, да только после таких слов: сын ли ты мне? В страшном сне мне такое не привиделось бы, что сын, кровь моя, такое говорит! – затряс бородой Гордей Евграфович, а лицо его начало багроветь.

– Всё, на сей раз довольно! Глядишь отцу опять дурно станет! – строго сказала Капитолина и Боря промолчал в ответ.

– Не расстраивайте папочку! – с сердобольным напряжением воскликнула Евпраксия.

– Не нагнетай, Прося, – одёрнула её мать.

– В третий раз за всю историю Русь стояла у врат Царьграда и на сей раз, в отличие от очень отдалённого первого, могла бы завладеть им раз и навсегда и без особых к тому усилий, – успокоившись, продолжил Гордей, – София – святыня православия могла быть отнята у магометан и возвращена по назначению. Но нерешительность, страх Горчакова¹⁶⁸ перед мифической британской угрозой не позволили осуществиться давней затаённой мечте православного народа. Другое дело разумно ли было присоединять к Империи

огромный городище, живший за счёт прочей турецкой территории, производящей еду для столицы? Получалось, что русский мужик должен был бы кормить ещё и новых дармоедов? Аль своих ему мало? Благодаря дипломатии старого еврея, британское правительство преуспевает в двойном блефе: с одной стороны пугает Россию своим флотом, с другой – свой собственный народ и всю Европу страстью русских царей к мировому господству. Чисто сработано! Блеск дипломатии! Нам остаётся восхищаться мудростью Дизраэли или же сожалеть о простодушии своего правительства. Пугали нас, блефовали. В тот момент генерал фон Кауфман собрал в Туркестане в кулак тридцатитысячную армию, крупнейшую из когда-либо развёрнутых в Средней Азии европейских армий. Начни британцы войну с Россией за Царьград, не исключено, что войска доблестного Кауфмана прорвались бы в Индию. Это уже не terra incognita была, как во времена императора Павла.

Когда Аркадий слышал подобные исторические экскурсы отца, он воистину восторгался им. А тут ещё и упоминание о своём ранении, да всегда вскользь, скромно. Ему думалось, что в молодости отец был таким же отчаянным рубакой, как боготворимые Аркашей старшие учащиеся-кавалеристы, особенно казаки из Царской Сотни.

– Отец, я тоже не слишком жалую англичан за весь ход истории, хотя устройство их общества и ставлю на порядок выше нашего, – сказал Боря примиряющим тоном, – Общался

как-то с господином Гариным-Михайловским, литератором. Он очень не лестно отозвался о сытой английской публике, возвращаясь на «Лузитанию» через Атлантику в Европу, мол, говорили эти сливки общества исключительно о необходимости войны с Францией¹⁶⁹ и о собственном превосходстве над прочими народами и необходимости передела мира в свою пользу. Гарин был под впечатлением особенно от того, что среди этой публики затесались и учёные и люди пера, от которых сквозило самодовольством до пошлости, чем-то обиженных людей. То были хо-зя-ева, ни на одно мгновение не забывающие, что всё, начиная с парохода, кончая последней мелочью – принадлежит им, и всё лучшее в мире у них. Впрочем, любому народу можно примерно тоже вменить в вину. А русские что-(без дефиза)ли лучше?

Вспоминал Аркаша перед сном московское детство. Огромный дом с запущенным садом, игры в бабки и прятки, неповторимый аромат сирени, возню весёлых дворовых псов – брыластого Мордана и пушистого Полкана, таинственную паутину подвала за которой тускло поблескивала запылён-

¹⁶⁹

Лайнер «Лузитания» был в то время крупнейшим в мире. В Первую Мировую немцы подорвали его, что послужило большим скандалом на долгие годы. На смене столетий имел место Фашодский кризис, поставивший Англию на грань войны со Францией, что и подогревало настроения пассажиров во время путешествия Михайловского. Фашодский кризис подразумевает ситуацию, когда английские войска, стремившиеся занять всю долину Нила, заставили уйти из Фашоды французский экспедиционный отряд Маршана. В числе французов был русский офицер Артамонов (1897).

ная пустая четверть¹⁷⁰, где любил прятаться маленький подвижный мальчик, стараясь не бояться огромного серого паука с жирным брюхом. Вспоминал и блинное обжорство на сырной неделе¹⁷¹, а также и трепетность ожидания разговления на Пасху. Материнские неповторимые куличи с сырной пасхой, миндальное молоко с пшеничным киселём, левашки с малиновым вареньем, тёртые расстегаи Карповны. Помимо неперменных пасхальных куличей, сырной пасхи и крашенных яиц, на столе появлялись окорока, копчёные гуси в тесте, жареные индейки, двинская сёмга. Краска для яиц продавалась в очень приятных пакетиках с рисунками гномов, красящих при помощи стремянки яйцо, много превышающее их по размеру, зайцев, катящих огромное яйцо, петушков, стоящих возле крашенных яиц. На обратной стороне пакетиков имелись наставления как красить и напоминание, что пакетики от московской фирмы «Келлер и К». Навивный отрок Аркаша поначалу проводил несомненную параллель между этим Келлером и славным генералом-героем турецкой войны. Но туманная связь имён особым образом согревала душу. После Пасхи переход на каждодневные ячную кашу с маковым маслом, щи с головизной¹⁷², да борщ с ушками, кисели с сытой медовой, а частенько и пироги с гре-

---

¹⁷⁰ Четверть – бутылка равная по объёму одной четвертой ведра. Использовалась для водки.

¹⁷¹ На сырной неделе – в масленицу.

¹⁷² Головизна – обрезь мяса с голов рыбы, скотины.

чей и соминой вдохновлял не меньше. В училище стало поскромнее... Вспоминал, как его учили старшие, что в Великий четверг следует молиться особенно усердно. В пасхальную ночь родители ходили в церковь со старшими детьми, когда пушечный выстрел возвещал начало службы и хоры запевали: «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Как-то на Пасху захала к ним ещё живая тогда бабушка в чёрном монашеском одеянии и вручила каждому члену семьи просфору: от самой крупной – отцу семейства, до самой маленькой – Антоше. А дядя Пафнутий прислал как-то к Пасхе посылку с подарками всем племянникам и племянницам, в том числе волшебный фонарь с сильной керосиновой лампой и набором прозрачных картинок Северо-Американской природы и китайской жизни. Несколько из них были подвижные. Особенно любимым стал марширующий китайский барабанщик. С особым удовольствием вспоминал Аркаша свои первые книги, сказки в изложении Толстого, «Руслана и Людмилу».

Засыпая, Митя вспоминал картины детства, чаще обращаясь к школе: в их классе стояла электрическая машинка, а на упоительно трещащих в момент движения стеклянных кругах её были наклеены кусочки фольги, или станиоля. Учитель по физике был строг, но Митю выделял из толпы учеников и особенно жаловал, впрочем и по заслугам. Географа Митя не любил, но зато обожал саму науку, уносящую его в мечтания и бесконечные мысленные путешествия по кар-

те. Само звучание названий далёких диких стран и островов ласкало слух.

Борясь с бессонницей, Петя пытался вспомнить умиротворяющие картины безмятежного детства: балаганные паяцы, да глумцы, дудцы, горлопаны, да фокусники с звездочётами на рынке, пряный дух селёдочного рассола, а в городском саду всё лето играет симфонический оркестр и прогуливаются нарядные дамы. Колядование в Сочевник. А ещё неожиданно вспоминались ему звуки двора: «Посуду медну паять-лудить?» – голосит с вопросительно-жалобной интонацией сухонький мужичонка с ящичком на все случаи жизни в руках. А другой крепко скроенный мужик в ладном немецком платье¹⁷³ с весомым ящичком на ремне басит: «Точить ножи-ножницы!»

Варе в самые сладкие мгновенья перехода к полному овладению сознания Морфеем, возникал образ красавца гвардейского кавалерийского офицера с кивером и эполетами, как во времена более отдалённые. Форма его была плодом её воображения и представляла собою снизу гусарскую, но с кирасой и пикой кавалергарда. Они прогуливаются с молодым ухажёром по тенистой липовой аллее.

Самая чувствительная в семействе – Евпраксия, долго не могла уснуть. Надрывная, но скорая вечерняя молитва быстро успокаивала и способствовала крепкому сну Антона, но впечатлительной нервной девушке и она не помогала.

Словно предчувствовала она что-то. Любые семейные склоки долго переживала. Сон был разбит.

Сереза мучился, не в силах заснуть, почти до утра, а едва сомкнул очи, как на витавшее в небытие сознание его обрушился недобрый сон, будто странное растение в его тесной холостяцкой квартирке подкралось к его постели, перебирая корнями, словно лапами. Что-то хищное было в нём. Сергей ощутил на себе пристальный взгляд растительного монстра, хотя и глаз-то у него не было. От того и проснулся. Уже светало.

В ту ночь многие из гостей, бывшие постояльцы отчего дома, засидевшись допоздна, заночевали в нём. Исключение составил Боря, рвавшийся к своей сокрытой от постороннего взгляда любви. К утру Алёше стало очень плохо. Он начал буквально сгорать от жара. Вызвали доктора, но уже ничто не помогало, и к сумеркам мальчик угас. Слово «испанка¹⁷⁴» звучало по углам большого дома, становящегося гулками. «Быстро-то как: словно антонов огонь¹⁷⁵, прости Господи!», – с ужасом твердила Гликерия Карповна, находясь на кухне, мешая эти слова со страстной молитвою. Домом овладевало лихорадочное молитвенное делание и, вместе с тем, оцепенение. Родители уже не надеялись на врача, но лишь продолжали отчаянно молиться. Их примеру следова-

---

174 Испанка – грипп.

175 Антонов огонь – гангрена.

ли и Евпраксия с Антоном, а прочие так и пребывали в оцепенении.

– За Борисом послать надо бы, – нарушил молчание Сергей.

– Я сам сбегаю, – твёрдо заявил Пётр, рвавшийся выбраться поскорее на воздух.

– Пора приглашать священника, – молвил Гордей Прохору, который начал собираться в приходскую церковь.

Когда Петя привёл старшего брата, священник уже покидал дом, в котором стоял горький плач. Рыдали все без исключения, и бравый кавалерист Аркадий нисколько не стыдился своих слёз. Борис не мог побороть чувство стыда своего затяжного предавания сладостному греху, в то время как брат родной умирал. Как только Боря вошёл в дом, вернувшись с рождественского заседания земцев-конституционалистов, он тут же жадно затянул Дуняшу в постель, а когда прибежал Пётр, уже в темноте, он застал брата, предающимся чревоугодию, дегустирующего блюда, приготовленные Авдотьей с ещё большим старанием и душою, пуще прежнего многочисленные. По лицу ворвавшегося в мыле брата, он понял, что случилось горе. Боря стоял растерянный, не зная, как себя подобает вести. Это было не профессиональное и не политическое собрание, где он мог выступать умело и вальяжно, говорить долго, толково и убедительно. А потом всё понеслось как в дурном сне: гроб, оказавшийся в мирном и весёлом некогда доме, завывания плакуш

и горюнов¹⁷⁶ при выносе, отпевание во храме, прощание при опускании в могилу. И девятины¹⁷⁷ пролетели сумбурно в заботе о Гордее Евграфовиче, которому стало плохо с сердцем вплоть до предынфарктного состояния. Каждодневные визиты врачей. Длинные столы со скатертями с мёдом-кануном, тризной¹⁷⁸, поминальным овсяным киселём. При отправлении панихиды речь старшего брата, вместо слегшего отца, с гримасой боли и саможалости. И над всем этим чистый и радостный от просветления молитвой, ещё недавно жаждущий жизни, взгляд пятнадцатилетнего братца-Алёши безмолвной укоризной всем. «И зачем-то рожали, растили, учили сыночка нашего, а Господь прибрал в одночасье. И за что наказание-то такое?» – не годы гнули спину подтянутой Капитолины, а тяжкие мысли.

Вместо святочного веселья вплоть до самого Крещения, когда девушки гадают, или бродят вместе с парнями ряжеными, а братья Охотины любили побаловать в вывороченных наизнанку шубах с испачканными сажей лицами, распевая песни, со дня Собора Богородицы¹⁷⁹ дом Охотиных наполнила скорбь. Глаза матери с не пролитой, затаённой сле-

---

¹⁷⁶ Горюн, плакуша, или плакальщица, или плачя, или вопленица – женщина, горюн, или плакальщик – мужчина по найму поют древние плачи на похоронах, поминках и свадьбах.

¹⁷⁷ Девятины – поминки на девятый день.

¹⁷⁸ Тризна, или чаша, или пивомёдие – смесь из пива, мёда, ставленой браги, виноградного вина.

¹⁷⁹ День Собора Богородицы – второй день после Рождества.

зой долго преследовали Евпраксию и Антона. «Видно не так как надо жили мы, вот и наказание настало» – независимо пришёл каждый из двоих к подобной мысли. Оба отстаивали несоразмерно юному возрасту долгие службы чуть ли не каждый день. Каждый стремился по-своему «замолить» грехи семьи. Обоим казалось, что грех таится в них самих, но и непременно и в деятельности брата Бориса. В те дни Аркадия, Дмитрия и даже Петра спасала от чёрных мыслей учёба, Глеба – работа, а Сергей страдал более прочих, так как не имел толком ни работы, но и не умел спастись молитвою должным образом. Варвара горевала рядом с матерью и ухаживала со всем старанием за отцом, готовила и убирала дом, что тоже разгоняло горестные мысли.

Глеб с любопытством узнал из свежих газет, что *«командир крейсера «Варяг» отважный Всеволод Руднев¹⁸⁰ отправляется в Сеул к посланнику Павлову, который пока не видит оснований для беспокойства. Решено даже уменьшить охрану русской миссии, оставив лишь отряд моряков и не присылать в Сеул никого из казаков, доставленных на Дальний Восток морем. Япония шлёт ноту правительству*

В самом начале войны крейсер «Варяг» был неожиданно окружён японской эскадрой, сильно повреждён и, чтобы не достаться врагу, по приказу капитана Руднева, затоплен путём открытия кингстонов. Этот поступок вызвал большое почтение у японцев самурайской самоотверженностью. Руднев мог бы увести быстроходный «Варяг», но честь не позволила ему бросить на произвол судьбы тихоходный «Кореец».

России с требованием дать согласие на продолжение корейской железной дороги по территории Маньчжурии. Наместник Маньчжурии адмирал Алексеев повторно обращается в Санкт-Петербург с предложением о мобилизации войск Дальнего Востока и Сибири и о необходимости противодействия силами флота очевидно готовящейся высадке японских войск в Чемульпо. На переговорах с японцами русская сторона пошла на значительные уступки в Маньчжурском вопросе, после чего британский министр иностранных дел заявил, что если Япония не окажется удовлетворённой, то ни одна держава не сочтёт себя в праве её поддерживать». «Это же очередная игра в невинную овечку!» – подумал Охотин – «Механизм развязывания войны запущен, но в этот раз Англия приложила намного большие усилия в техническом оснащении японского флота, чем в 1870-е в оснащении турецкой армии». «22 января правительство Японии принимает решение прекратить переговоры с Россией и отозвать своего посланника из Санкт-Петербург. А 24 января посол Курино вручает министру иностранных дел России Ламсдорфу ноту о разрыве дипломатических отношений, в то же время заявив, что «несмотря на разрыв отношений, войны можно еще избежать». 26 января поздним вечером японские миноносцы без объявления войны внезапно нападают на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура». «Как уж теперь её избежать...» – вздохнул Глеб.

13. В Нижнем

«Учат нас новой вере, яко же мордву или черемису... неведомо для чего»

Челобитная 1667 года соловецких монахов-противников Никона Алексею Михайловичу

Во дни, когда население обширной Империи услышало о начале войны на Дальнем Востоке, повсюду проявляется подъём патриотических чувств и даже столичная отнюдь не верноподданная молодёжь шествует к Зимнему с пением «Боже, Царя храни». В народе поносят «желтолицых пигмеев» и не сомневаются в их скором разгроме. Вскоре после первых неудач в войне настроение заметно меняется. В семействе Охотиных случилось неожиданное: родители получили письмо от импульсивного Петра, что он не может продолжать учёбу, когда такие дела творятся и должен что-то сделать для державы, поскольку считает зазорным в своём возрасте продолжать отсиживаться в городе. Послание заканчивалось словами: «Не ищите меня. Исчезну надолго, но вернусь».

– Ах ты, Господи, и что ещё непутёвому в голову стукнуло! – сокрушалась мать.

– Братца моего кровушка сказывается, – мрачно заметил Гордей, уже встающий с постели.

В то время, как Борис уже почти склонил Петра своими

речами ко вступлению в революционно настроенную партию, после возникновения внешней угрозы и под влиянием бесед со студентами-эсерами, Петя задумал странную вещь: «Раз начинается кровопролитие, а средств на современную военную технику, как всегда не хватает, значит следует любыми путями вытянуть побольше денег из богатых торговцев, не желающих раскошелиться на святое дело, а то и ограбить, и на эти деньги срочно построить боевое судно для Отечества. Политическая борьба Бори и ему подобных пока потерпит. Не время ей в суровый час, да и не уверен я в её правоте». Без вникания в детали сумбурного плана, Пётр решает отправиться в Нижний Новгород на самую Макарьевскую ярмарку¹⁸¹. «А куда же еще ехать в поисках скопления наиболее богатейших купчишек?»

– Не вводи мя в убыток, Спиридон Севастьяныч, – грохотал раскатистый бас купчины с монументальной фигурой, подливающего хлебного вина в стакан соседа – такого же основательного бородача, но расплывшегося от избытка жиру, – уж истинником¹⁸² платить не стану!

– Упаси Господь, Парамон Параклитович, и мысли нет та-

---

¹⁸¹ В 1641 году ярмарка была официально утверждена у стен Макарьевского монастыря, расположенного в 90 км от Нижнего Новгорода вниз по Волге. В 1817 году, после пожара, она была перенесена в Нижний Новгород и выросла до огромных размеров. В середине XIX века на неё приезжало более 150 тысяч человек в год, а в конце – до 250 тысяч.

¹⁸² Истинник – наличные.

ковой, – тенорком отвечал второй.

– Вот так оно и лучше. Забудем про ту партию товара, как и не бывало, – успокоился Парамон, поглаживая бороду, а Спиридон и вовсе смяк от выпитого и уже был способен лишь потирать жирное брюхо, отрывивая с глуповатой улыбкой.

– Никак война в Маньчжурии началась, – продолжил Парамон, – Не отразится ли на поставках с востока? Всё думаю: закупать – не закупать там?

– А макак ентих мы враз добьём, да и весь тот Восток наш поболе станет, Парамон Параклитович, – расплылся толстяк, растянув толстые губы в безразмерной улыбке.

– Это ещё как сказать, мой милый Спиридон Севастьяныч, видать, газет ты давно в руки не брал. Дела-то наши не так хороши, как ожидалось.

– Не встречник¹⁸³ я те, Парамон Параклитович.

– Вот что я скажу: пора нынче прекращать со «Слезой Иерусалимскою»¹⁸⁴, да за коржики и пирожки с лучком, мясом да яйцами браться. Не то и вовсе захмелеем – одним квасом прихлёбывали, вот и стукнуло в башку.

– В такой мороз – во двор выйдем и хмеля – как не бывало...

– До двора ещё и дойти надо, – смачно закусывая толстым пирожком на масле.

---

183 Встречник – противник в споре.

184 Слеза Иерусалимская – заволжская марка водки.

– И то оно верно.

– Эй, половой, – хрипло прогудел Парамон, швыряя на стол романовскую четвертуху, – неси что доброго есть!

– Всё имеем-с, милостивый государь, – вытянулся в струнку чубатый паренёк, – борщевое ботвинье с донским балычком-с рекомендуем-с, растегаи пополамные со стерляжьей ушицею-с, блинцы егоровские, свекольник с коренной рыбой, постные блины со снетками-с, да пшеном сорочинским-с¹⁸⁵...

– Не болтай, малый, лишнего, да тащи на стол! Всё тащи!

Вскоре за нагромождёнными блюдами не стало видно скатерти и оба купца-партнёра предались чревоугодию, не замечая крепко сбитого молодого человека городского вида, сидящего напротив с осоловелой от возлияний физиономией. Временами казалось, что он более делает вид, чем в самом деле так уж разомлел. Могло показаться даже, что он неотрывно слушает весь разговор за соседским столом.

– Поели на славу, Парамон Параклитович. Не грех теперь и ещё один мерзавчик¹⁸⁶ додавить, Парамон Параклитович, – начал толстяк, обтирая сальную пятерню углом скатерти.

– Ладно, уговорил. По случаю удачного завоза – не грех, – потирая пальцами крупный серебряный тельник¹⁸⁷ на рас-

---

¹⁸⁵ Пшено сорочинское – рис.

¹⁸⁶ Мерзавчик – одна двухсотая ведра водки. Стоил мерзавчик в 1890-1910-х по 4 копейки за водку, 2 – за посуду.

¹⁸⁷ Тельник – крест, носимый на шее.

пахнутой красной груди.

После того, как купцы почти что допили последний мерзавчик, молодой человек с разбитным видом попросил разрешения подсесть к ним.

– От чего бы нет, – ответил Парамон, сливая остаток мутноватой жидкости в стакан юноши, – Было бы о чём нам поведать, чем подивить. Куда путь держишь, да сам откуда будишь?

– Сам – московский, – отвечал незнакомец, – а бреду я куда глаза глядят, куда ноги несут. Хочу Русь-Матушку познать, жизнь повидать. А то сидишь эдак, под крылом родительским, а дальше носа своего не видишь.

– В самую точку, молодой человек, так и надо, так и должно! В твои годы и я таким был. Начинал у корыта разбитого, а теперь вот, имею кой-чего за душой.

– Вот, взять Вас, милостивый государь, человека состоятельного, в обществе почтением пользующегося или напарника Вашего. Вам всё доступно и ни в чём вы не ограничены, милостивые государи, – бражным тоном заговорил юноша.

– Положим, что так, – пророкотал Парамон, а товарищ его издал носом звук, напоминающий самое начало храпа, веки его сомкнулись, а мясистые руки опустились под толстое пузо.

– Стало быть, возьмём Вас, милостивый государь, – повторился парень, замявшись, – так, будь я на Вашем месте, построил бы я Государю Императору нашему в подарок япош-

кам на беду броненосец! Вот взял бы, да построил! Вот Вам крест истинный, построил, – отчаянно осеняя себя крестным знаменем.

– Как звать-то, милай?

– Петром, Гордея Охотина сын.

– А годков-то сколько?

– Двадцать четыре, от роду, – не устояв добавить себе один год, ответил Петя.

– Вот проживешь с моё, соколик, поймешь слегка, что к чему, будешь говорить по-иному.

– Так, кораблей там не хватает, слышал я, Ваша милость! У японца побольше будет.

– Государство у нас большое, правительство не лыком шито, само разберёт. Спросит меня лично Государь, так и что ж думаешь? Не отвалит на благое дело Парамон Игошин средств для защиты Отечества? Ещё как даст и сумму немалую. Ещё попросят и ещё даст. И товарищ мой – Спиридон Севастьяныч и он отвалит и немало. Главное, чтоб на дело пошли деньги, а не разворованы были. Государю одному и можно их доверить.

Бражный разговор ничем так и не завершился, разве что поел Петя на славу за счёт купцов, многодневное недоедание своё во чреве угомонил, а потом себя всё клял, что пьяным дураком навязываться полез. «Не так надо действовать, а трезво и тонко. Не прямым текстом мечты излагать, а втереться в доверие, как говорят те ребята из числа недоволь-

ных, да денежки ненароком реквизируют. Экспроприация называется. Да только как? Романовские вокруг ручьями текут, да не в тот карман». Пётр брёл мимо величественного монферрановского Спасского собора¹⁸⁸, украшавшего бесконечные ярмарочные ряды, подумывая о том, что ему мешало бы справиться новые валенки в замен прохудившихся – хоть уже и не крещенский, но стойкий февральский мороз принимал ступни до костей. Ноги несли уже сами поскорее к первой же незапертой двери. Так, он упёрся в ряды, выстроенные тем же зодчим в китайском стиле, дополненные армянской церковью и мечетью по краям. Рядом светились окна кафе-шантана и доносилась музыка. Там засели подгулявшие купцы самых разных возрастов и гильдий, и вино лилось рекою. Шальные, сделанные разовой удачной сделкой, деньги кидались направо и налево, за несколько дней проматывались состояния по меркам простого человека. Лавирующие между столов шансонетки с сахарными улыбками ловко ловили бросаемые им нет-нет крупные купюры и прятали за лиф. Когда девица, с зазывающим взглядом карих очей, продефилировала мимо Пети, то и он кинул одну из последних зеленух, на что смазливая девица презрительно фыркнула.

– Тут трешницами да пятишницами¹⁸⁹ не раскидывают-

188

Автором проектов зданий ярмарки стал архитектор Огюст Монферран, осенью 1816 года приехавший в Россию из Парижа. Он сделал Спасский собор единственной доминантой всей ярмарки.

189

Зеленуха, или трешница – три целковых (рубля), пятишница – пять.

ся, молодой человек. Не то место, их тут не употребляют-с, во всяком случае, из кармана не показывают-с, – с укоризной заметил пьяненький старичок с редкой остренькой бородкой.

– За зеленуху такая на ты и не глянет, – заржал проходивший рядом молодой сын купеческий прямо в ухо Петру, оглушая. В другом месте, за такую дерзость, малый этот мог бы тут же получить умелый и тяжёлый удар, либо вызов на поединок, но в Нижнем Петя понимал, что лучше пока оставаться в тени. Он уже и вовсе отрезвел после морозца и был начеку.

– Господа, – зычным раскатистым голосом привлёк всеобщее внимание дюжего сложения коренастый купец лет сорока, видимо из старообрядцев, по еле уловимому отличию в одежде, – знайте же, что в Нижнем сам купец первой гильдии и широко известный в Белокаменной Савва Тимофеевич Морозов и, что скоро он заявится к нам сюда! Пейте в меру и не показывайте нашего брата с худшей стороны.

– Ух, сам Морозов в Нижнем! Уважил! Но и мы не лыком шиты! – раскатилось по обширному залу, притихла бравурная музыка на сцене.

– Сухой «Монополь» – настоящее бур-гунд-ское! – громким бражным шёпотом на ухо Петру голос того же козлобородого старичка, не хотите ль отведать?

– Савва Тимофеич намеревается развернуться теперь и в Нижнем, – продолжил степенный старообрядец басом, – так

поднимем же рюмки, господа, за славного гостя нашего города!

– Эх, православные, вот размах! Так и подобает жить купцу русскому! – гудел, не унимаясь, разговорчивый моложавого вида бородач в жилетке.

Скрипка пропела ложную ноту, и музыка грянула вновь.

– Тоже из кержаков, небось, – раздался тихий голос поблизости от чутких ушей Пети.

А что ж ты думал, Изот Ипатьевич – половина алтынников на Руси кержачат¹⁹⁰, – слышался скрипучий голос в ответ, – никудышник кержака видит издалека.

Случилось так, что в страстном желании подслушать разговоры с именитым гостем, Петя ничтоже сумняшеся умудрился под шумок втиснуться в немыслимо малое пространство под тяжёлой скамьёй, у которой готовился стол для Морозова в отдельном кабинете. Для создания алиби упившегося вдрызг, он прихватил с собой оставленный кем-то без присмотра полный, но раскупоренный мерзавчик и отхлебнул побольше, чтобы от него разило. Лишь молодость позволяла ему там ещё и дышать и выдерживать боками жесткость пола недвижимо. Вскоре он даже немного прикорнул и проснулся от топота и усилившегося гула голосов:

– Милости просим, Савва Тимофеевич!

Краем глаза Петя замечает, что несколько человек совер-

190

Кержак, никудышник – расхожее название старообрядцев. Алтынник – купец.

шают метания, а иные даже великие земные поклоны¹⁹¹ в углу, видимо, куда принесли икону.

– Благодарю покорно, господа, – раздался низкий голос после паузы, – У нас в общине Рогожского кладбища¹⁹² обряды попроще будут. Всё реже вижу великие земные. Да вас тут от Нижнего до Дона побольше, конечно, наберётся.

– И благочестия у нас поболее сохранилось, – скромно заметил знакомый уже бас.

Судя по звукам, доносящимся сверху от входа, количеству видимых ног и их заснеженности, с четырьмя вошедшими за столом расселось трое из присутствующих купцов. Постепенно по голосам Петя узнал уже знакомых Парамона со Спиридоном, которые вошли вместе с гостями, а также и очень солидного крепкого купца, который объявлял о прибытии гостя. Всех купцов, что он уже знал и прочих, можно было отличить и по ногам, по их добротной точённым высоким лакированным сапогам и широким штанам, заправленным в сапоги. Двое других же, оказались в городских очень скромных ботинках, не стоящих целого состояния, как ожидал Петя.

– Вот и слава тебе, Господи, сидим в отдельном номере и

---

¹⁹¹ Малый земной поклон или «метание» (от греческого «метанойя» = покаяние), а великий земной поклон (проскинеза) – полный, не с касанием пола, а с упиранием в него коленями и головой.

¹⁹² Крупнейшим центром поповства стала община Рогожского кладбища в Москве, в которой ведущую роль играли владельцы мануфактур, а беспоповства – община Преображенского кладбища.

не нюхаем больше скверну табачную от щепотников, – очевидно перекрестившись двумя перстами, молвил басистый объявлявший.

– Сохрани Господи древлеправославие, Силантий Тихонович! – раздался голос Парамона, – Угощайтесь, Савва Тимофеевич, тут у нас не хуже, чем у Вас на Большой Дмитровке в «Купеческом» у Мятлева накормят.

– С чем пожаловали к нам, Савва Тимофеевич? – продолжил Силантий, будучи немного помоложе других, но видимо успевший достичь ещё большего в свои годы, – Слыхали тут, что Вы, как член московского отделения «Совета торговли и мануфактур» и «Общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности», решили развернуться и в Нижнем Новгороде¹⁹³.

– Именно так, Силантий Тихонович, – ответил почётный гость.

Судя по топоту половых и звону посуды стол начал покрываться яствами. Пете очень захотелось перевернуться на другой бок, затекло всё тело, но это было невозможно.

– Можем ли мы, со своей стороны, помочь Вам здесь?

– Вне сомнений, господа предприниматели, надо бы нам с вами, совместными усилиями и с

ещё некоторыми инвесторами из Москвы, основать больше заводов по выпуску красок. А для этого нам необходимы

---

¹⁹³ В 1905 году Савва Морозов учредил Анонимное общество соединённых химических заводов «С.Т.Морозов, Крель и Оттман».

такие люди как вы, знатоки местных особенностей, ну и знакомые с администраторами Нижегородской губернии.

– Савва Тимофеич, у нас тут настоящий, как говорится в наше время – бум: город что на дрожжах растёт и богатеет. Нигде по России таких темпов нет. Будущее за Нижним, глядишь и столицу вновь с болота на юг перенесут!

– Так оно и лучше будет: не в Москву, так хоть в Нижний, Силантий Тихонович.

– Сами посудите, Савва Тимофеевич: на Макарьевской ярмарке впервые построили санитарно-технические помещения ещё аж в двадцатые годы! Подобные подземные работы тогда велись лишь в Москве! Мещерское озеро обводным каналом через шлюзы с Волгой уже тогда соединили, потом и шоссейную дорогу от наплавного моста через Оку построили! И всё силами нашего купечества! Берега Волги на протяжении двух вёрст обделали деревом и камнем, что Неву! Площади замостили – и всё ещё при Николае Павловиче! Отец мой к тому усилия приложил, – с гордостью подчеркнул Силантий, – Строительство не останавливалось с той самой поры, Савва Тимофеич! При Александре Николаевиче, из того, что помню – чугунный фонтан установили, Блиновский Пассаж¹⁹⁴ на Рождественской соорудили. И чего только в нём нет: лавки, склады, конторы, телеграф, даже гостиница с рестораном! Цирк на тыщу зрителей отгрохали.

---

¹⁹⁴ Доходный дом купцов Блиновых, выстроенный Килевейном в 1878 году по проекту петербургского архитектора Бруни.

Ярмарка имеет с той поры чёткие прямоугольные кварталы. Ну а последние лет десять народные столовые из деревянных камнем оделись. Ну а по случаю Всероссийской торгово-промышленной и художественной выставки город связали с ярмаркой электрической железной дорогой и построили новый понтонный мост! Каково! Возвели и наш Главный Дом с залом общественных собраний, обошедшийся купечеству в целых полмиллиона! Семьдесят немаленьких магазинов внизу имеет, телеграф, ресторацию с кабинетами! Пять сотен электрических ламп и пятнадцать больших фонарей со своей электростанцией имеет! Водопровод проведён с канализацией.

– Показали мне по пути это замечательное сооружение в древнерусском стиле, Силантий Тихонович, впечатляет... – Савва опустил веснушчатую руку и нервно почесал щиколотку, влезая под ботинок, толстым пальцем с простым оловянным кольцом.

– Наше купечество тут замыслов новых полно, Савва Тимофеевич, таких, как чугунный мост через Оку, чтоб ярмарку с железной дорогой к югу соединить. А того окромя и в Мещерском озере гавань построить, новый ночлежный дом на тыщу человек и даже мечеть вторую для гостей наших! Ещё учёные задумали так сделать, чтоб вода, что город прошла, сама себя очищала¹⁹⁵.

Петя заметил по тону Морозова, что разговор приобретает слишком абстрактный характер и незаметно превращается в пустую болтовню и усилиями гостя тема резко сменилась на деловую. Затем разговор затянулся и вошёл в русло малопонятное Пете: «И чего в башку взбрело карячиться здесь в тесноте? Ничего толкового не услышал, а сколько ещё мучиться придётся?». Когда Охотин уже и вовсе осатанел от затёкших членов своих, а мерзавчика для здорового организма оказалось мало, чтобы хоть как-то забыться, до него донеслось завершение беседы. Господа «алтынники» прощались.

– Так что, Савва Тимофеич, не взыщите, ежели что мы не так поняли, но наше «честное купеческое» Вы знаете не хуже здешних. Между нами недомолвок быть не может: по рукам, значит по рукам, и никаких бумаг мы пока ещё, слава тебе, Господи, не пишем, бюрократию не жалуем. Уговор дороже денег. Коли сказал купец волжский, значит так он и сделает. Наши воротилы Бугров, Башкиров и Курбатов¹⁹⁶ всенепременно будут там завтра.

– По рукам, Силантий Тихонович!

Они уже начали было расходиться, велеречиво прощаясь по канонам кержачим, на что городской Савва, изучавший химию в Кембридже, отвечал явно неумело. Тут кто-то вошёл с улицы в паривших промороженных ботинках. Этот человек тихо спросил о чём-то у Силантия и тот обратился к

Савве:

– Коль Вы ещё не совсем утомились с дороги и после сытной трапезы, Савва Тимофеич, гость нашего города хотел бы задать Вам вопрос, ели только не возражаете.

– Хорошо, если ненадолго, я ещё задержусь. Встретимся с Вами, Силантий Тихонович, завтра в отделении «Московского торгово-промышленного товарищества».

– Добро, ну а послезавтра, Савва Тимофеевич, пожалуйста к нам в Сад для гуляний, что у Самокатных площадей. Там у нас появился механический и электрический театр¹⁹⁷ – культурная новинка! Ладно стало у нас тут, ну а толокном Волгу не замесишь.

– С превеликим удовольствием приду, Силантий Тихонович.

Купцы удалились, оставив гостя наедине с вошедшим. Потом раздался тихий монотонный, но слегка вкрадчивый голос владельца всё ещё холодных с мороза ботинок небольшого размера:

– Глубокоуважаемый Савва Тимофеевич, милостивый государь, разрешите представиться – Вавил Митриевич Черешневский, поверенный в делах «Общества промышленного развития».

– Присаживайтесь, сударь, я Вас слушаю, – заговорил сразу более городским современным языком Морозов, – О су-

---

¹⁹⁷ Электрические театры – первые русские кинотеатры, а позже назывались иллюзионы, или синематографы.

ществовании такого общества признаться слышать не доводилось.

– Общество наше новоявленное и мало известно, господин Морозов. Мы очень надеемся на прогресс в будущем, а он неизменно придёт даже и в эту страну. Вы верите в светлое будущее свободной России, господин Морозов?

– Лишь очень на него надеюсь, господин Черешневский.

– Так вот, и наше Общество уповает на торжество конституции и будущую полную свободу торговли. У нас сосредоточены лучшие передовые умы России, которые анализируют возможные пути развития отечественной промышленности, и мы отдаём себе полный отчёт в том, что должное развитие капитала невозможно при существующем положении вещей. Надеюсь, что Вы согласны со мной в этом?

– Да, сударь, увы...

– Так вот, в силу такого положения, перед тем, как развернуться, всем нам и Вам придётся поддержать те политические силы, которые ведут нас к свободе! А таковыми, на сегодняшней день являются не только конституционалисты, но и более радикальные борцы, видящие выход в, простите, республике... Здесь нас никто не слышит, полагаю. Лишь это позволит нам достичь невиданных масштабов и скоростей индустриализации доселе аграрной страны. Как Вы на это смотрите?

– Одобрительно, сударь.

– В таком случае, нам с Вами по пути, господин Моро-

зов! Через десяток лет после установления республиканской системы правления Россия обгонит самые развитые страны мира, ибо ресурсы её неисчерпаемы! – монотонный доселе голос преисполнился должного пафоса.

– Дай-то Бог...

– Для достижения заветного необходимого условия нам остаётся поддержать такие радикальные силы, как даже партию социалистов-революционеров! Им необходимы средства на расшатывание устоев и постепенной замены государственного строя, господин Морозов. А момент сейчас настает очень подходящий. Всякая война сотрясает основы, Савва Тимофеевич!

– Позвольте, но в годину кровавой борьбы со внешним врагом, не надо ли оставить всевозможные попытки расшатать власть, но консолидироваться в стремлении к победе?

– С одной стороны, Вы правы, сударь, но с другой: враг этот напал не на наши исконные земли. Война идёт на чужой земле, и мы никак не пострадаем от того, если и проиграем и отдадим эти земли. В период мира царизм силён и неодолим, но лишь в момент войны он подвержен замене. Вы знаете, Савва Тимофеевич, что самые передовые люди России уже даже говорят тосты за поражение в этой нелепой войне!

«Ну и подлецы же те самые Борины приятели – эсеры! До такого договориться! А я ещё хотел влиться в их ряды! А ведь те, провинциальные купцы, такое бы никогда не одобрили...» – мелькает в утомлённом не выспавшемся мозгу Пети.

– Мне довелось, Савва Тимофеевич, общаться с самим господином Парвусом – великим мозгом и человеком передовых взглядов. Он призывал к тому же ещё несколько лет назад. Настаёт великий момент истории! Тот, который ждали декабристы много лет назад!

– Хорошо, сударь, – остановимся пока на этом, притомился я с дороги. Выпьем на посошок, да и отложим беседу на ближайшее время.

– Не пью я, уж простите, милостивый государь, Савва Тимофеевич, но во славу дела общего приглашаю Вас съесть божественный плод, что я принёс с собой, чудом сохранившийся в свежем виде в такое время года – персик!

– В самом деле поразительно! Да какой свежий!

– Сами боги питаются ими. Да, да, божества народов восточных, отведайте, Савва Тимофеевич, откушайте ради всего доброго!

– Да и на вкус они, словно не зима сейчас на дворе! Во рту таят и несут в себе свежесть летнюю! Чудеса да и только!

– Вот и я сам удивляюсь всё не надивлюсь...

Пётр насторожился: он вспомнил рассказы Глеба о загадочном деле и весь обратился во слух.

– Так, до встречи, господин... э-э Вишневский...

– Черешневский, Савва Тимофеевич, Черешневский, – голос собеседника Морозова на секунду изменился и даже дал петуха, – А когда мне можно будет к Вам обратиться?

– Приходите ко мне в гостиницу, вот адресок. Может

быть, я Вам оставлю записку на первом этаже, или сразу встретимся.

– Благодарю покорно, Савва Тимофеевич! – ботинки малого размера расшаркивались перед более массивными, под которыми пол скрипел сильнее.

Когда они уже были у выхода из главного помещения Петя сообразил, что он вероятно имеет уникальный шанс увидеть своими глазами опаснейшего преступника и Охотин выкатился пулей из-под скамьи, разминая затекшие члены, рискуя столкнуться с прибирающими со стола. В дверях он увидел светлого упитанного крупного человека с аккуратной бородкой, пожимавшего руку блондину среднего роста с очень уж не запоминающимися чертами лица. Оба стояли в пальто с барашковыми воротниками и напяливали каракулевые шапки, и Петя понял, что доходчиво описать, представившегося Черешневским, будет очень непросто. Двери захлопнулись.

– Эй, чего торчишь здесь сапожищами своими? – грубо окликнули его сзади. Пётр развернулся и увидел огромного роста откормленного человека в жилетке и полосатых штанах.

– А что, украл я что-то? – насупился Петя.

– Вот и проваливай отсюда, пока ещё не спёр! – разгорячился хозяин заведения.

– Оставьте парнишку, Кондратий Акимыч, я его видела, он из купеческих, – пискнула очаровательная певичка, за-

поздало собирающаяся домой. Петя узнал ту, которой сунул трешницу.

– Вон отсюда! – рявкнул побагровевший хозяин, не обращая на девицу внимания.

– Вы не смеете так со мной разговаривать!

– Кондратий Акимович, говорю же Вам...

– Эй, робята, зри, видишь этого? – окликнул хозяин половых, не обращая внимания на слова шансонетки, – прочтите бездельника!

Трое половых со всех сторон разом накинулись на Петю, норовя не то, чтобы ударить его, а скорее грубо оттеснить к выходу. Тут хозяин резко шагнул и отвесил Охотину тяжёлую пощёчину массивной ручищей, тогда как руки Пети находились в цепких клешнях троих малых. Ценой огромного усилия, расвирепевший Пётр вырвался и нанёс ловкий удар прямо в ненавистную багровую физиономию. Хозяин потерял равновесие и осел на пол. Тут парни принялись лупцевать Петра уже серьёзно. В тот момент Петя осознаёт всю опрометчивость винопития – руки его действуют не столь стремительно как бывало и он пропускает удары всё чаще. Наконец, один из половых обрушивает табурет на голову Охотина и его выбрасывают прямо на снег без сознания. Хозяин, для полного самоудовлетворения подходит и наносит ещё несколько ударов сапогом по распростёртому телу.

Пётр начал ощущать себя лишь спустя остаток ночи и понемногу приходит в себя. Над ним склонилось усталое по-

мятое смутно знакомое лицо:

– Вы пробудились? Ну и слава Богу. Завтрак готов.

– Кто Вы? Где я? Ах, простите, вспомнил Ваше лицо, – Петя сделал резкое движение и застонал от боли в отеком плече.

– О, Господи, бедняжка! Что они с Вами сделали! – певичка приложила к ноющему месту компресс, – Не пойду к этому извергу петь для него нынче! Бастую! Сейчас подкрепиться, а потом Вам нужен по-прежнему полный покой.

– Вы знаете, мне необходимо срочно бежать в почтовое отделение, это жизненно важно! – вдруг собрался с мыслями Петя: «Черешневский!» – стучало в его мозгу – «Звонить Глебу, чтобы он обратился в нижегородскую полицию и ловить!»

– Какой вздор, да Вы сильно ранены, Вам никуда нельзя отлучаться! Да и кто Вас пустит в здание почтамта в таком виде с посинелым лицом упившегося бродяги?

Последний довод подействовал и Пётр уже начал просить её срочно послать телеграмму, которую набросает здесь, а деньги он ей на то даст. С трудом уломав упрямую девицу, Петя выудил у неё твёрдое обещание срочно послать телеграмму брату на домашний адрес. Шансонетка сделала это, несмотря на внутренний протест, уверенная в том, что «у очаровательного мальчика явный горячечный бред: как может студентик одетый в потертую форму быть полицейским?». Когда его спасительница удалилась, закутавшись в

затёртую некогда богатую шубку, Петя огляделся по сторонам, насколько ему позволяла подвижность отекавших от ударов членов. Голова не переставала трещать от лёгкого сотрясения, а на лице подсыхали корки от ссадин, которые были бережно смочены хозяйкой компрессом из подорожника. Он отметил бедность и неухоженность жилища. Очевидно, что она жила одна, приходила очень поздно домой и никогда не открывала занавесок на окнах, так как было уже темно. Немногочисленная утварь поросла пылью, поверх были набросаны её шмотки, в том числе лежали неприкрытыми и застиранные причиндалы нижнего белья. На столе лежала какая-то раскрытая книга, но дотянуться до неё Пётр не мог. «А девочка ничего себе, смазливая... Да только от слишком многих она это уже слышала и сколькими была обласкана... А душа у неё добрая. Извозчика за полночь нашла и заплатила, чтобы незнакомца к себе довести, который лишь трёшницу отслонявил тогда и явно не купеческого сословия к тому же. Возможно, что ещё и рискует навлечь на себя гнев своего хозяина... Ох, попадись он мне на пустынной улице! А видно не все те купюры, на девичьей груди припрятанные, самим певичкам достаются...» С такими мыслями он опять забылся тяжёлым беспокойным сном, не обратив внимания на скромный холодный завтрак, поставленный на табурет у кровати.

Раны на молодом могучем теле заживали стремительно и через несколько дней Петя словно ничего и не случилось

слонялся по бескрайним ярмарочным рядам, радуясь почти весеннему солнышку и веселью ярмарочного шума. С солнечной стороны снег на крышах уже подтаивал, а то и вовсе сходил, обнажая крашенные зелёной краской кровли с железным кружевом на трубах. Чего только на ярмарке не было: Арихиерейское¹⁹⁸, Ренское, вина из Грузии и Бессарабии, водки белые, да померанцевые, анисовые, мятные, сахарные, да рябиновые, табаки Феодосии, а рядом – сахарные головы, патока, разварные груши с рисом, меда, жамки-медовые пряники, пирожки ягодные и пресные творожные – тоболки с ватрушками, валушками, маковым маслом, галушками, оладьи с сотовым мёдом, левашники, пастилка ржевская, пшенички с молоком, пряженцы кислые подовые на ореховом масле, а также пироги длинные с тельным из щуки и подовые с молоками да с визигой и вислые с сёмгой и гречкой, тут же красовалась и аршинные кулебяки с пшеном и грибами, караси и лещи с грибной начинкой, каравай с груздями – ажник слюнки текли! «Товарец знатный, на вид опрятный! Налетай, народ!» – надрывался белобрысый малый. «Белужья тёшка с квасом сыченным и капустой! Провесная белорыбица! Стерлядка жирная разварная с хреном! Налимы печёнки! Севрюжка паровая! Нельма с солёным огурчиком! Налетай, народ! Нынче дешёво отдам!» – надрывался по-соседству дебелый мясистый малый. Дальше шли ряды с убоиной.

«Пирожки с ливером, кашей, мясом! Мозги жаренные!» – подвывал гугнивый мужик. Имелось что угодно вплоть до котлет из пулярд с трюфелями! За ними – ряды с вологодскими кружевами и камчаткой, а чуть поодаль – дёготь и пенька, смола и сбруя конская, свечи ослопные¹⁹⁹, трубочный жуковский табак, графлёная бумага. Последующие ряды занимали торговцы ярославским текстилем, над которыми царил въедливо-пресный мадаполамовый дух. Пред взором покупателя искусно разворачивались штуки синевато-белого простынного материала без единой складочки и изъяна, либо ситец любых расцветок и узоров. Поражало богатство и пуговичного товара, подобранного по цвету к материалам, катушек с нитками, мотков с кружевами на разноцветных картонных подкладках, кнопки, крючочки:

– Полотнишко на подбор – коленкор, левантин, шотландка! – окая, выкрикивал чистоплотный малый с напомаженным прямым рядом волос, едва прикрытых картузом, – с Алафузовской мануфактуры прямиком! Иного не держим-с!

Несколько «туго набитых» извозчиков в меховых шапках с квадратным суконным верхом и синих армяках до пят, каковых уже не остаётся в столице, сновали в начале торговых рядов и шумно галдели. Из канатного лабаза крепко пахнуло исправной пенькой.

– Тьфу на вас, охальники! – рывкнул один из них, наибо-

---

¹⁹⁹ Убоина – говядина. Камчатка – льняная узорчатая ткань. Свеча величней с ослоп – дубину, стяг.

лее голосистый, отвернувшись.

Поодаль начинались ряды с товаром из Средней Азии, Афганистана и даже Китая. Особняком сидели мусульмане в халатах и трапезничали. Человек в чалме крошил в деревянную кружку-тарелку мясо и рыбу, его сосед перемешивал в котле бараний бок с кашей. Степенный старик с тюрбаном резал укруху хлеба, прижав её к своему халату. К Пете подошёл русский старичок в лычных сапожках и начал навязывать ему покупку добротной увесистой козьмодемьянки²⁰⁰. С трудом отвязался – «Тут жрать-то уж не на что. А так, сломал бы я твою козьмодемьянку о хребет владельца того шантана с удовольствием». Веснушчатый кучерявый молодец тут же попытался «отдать за бесценок» лубок времён Крымской кампании с аккуратно выведенным названием: «мужики Долбило и Гвоздило побивающие французов». «Лампасея! Лампасея!» – оглушила в самое ухо торговка монпансье – «Тьфу ты дура!». Солнце спряталось за облако, и всё та же мысль вновь перестала давать Петру спокойно наслаждаться ярмаркой: «Как бы узнать, сработала ли телеграмма? Делает ли уже полиция Нижнего что-то для помилки? А тот ли это тип? Да уж больно всё сходится... Всё это так и помочь я не смогу, но что делать дальше? Денег не остаётся, надо куда-то подаваться. Смогу ли купцов раскру-

---

200

Лычные сапоги – расхожие в народе, шьются в Кимрах на Волге, смазываются маслом и дёгтем. Козьмодемьянка – можжевелевая палка, производимая возле города Козьмодемьянска.

тить ещё вопрос... Наконец, надо бы не обидеть Тоню – спасительницу мою. Приютила, откормила... Как отблагодарить душу добрую? Она, похоже, хочет любви, а способен ли я на это? Да пока ещё ни разу серьёзных чувств не испытывал, одну похоть, когда с Ермилкой и одним студентом в доме терпимости побывал... Хоть во храм иди, да Бога моли. Боря уверяет, что и вовсе бросать это дело надо, что Бога нет... Когда Дарвина с философами-позитивистами читаешь, тоже так думаешь. А душа тянется пока ещё к молитве...» Ноги сами донесли Охотина Четвёртого ко Спасскому собору. После страстной молитвы душа Петра как бы очистилась и настроение поднялось: «Нет, надо жизнь менять. Учёбу брошу, не моё это дело – науки, Митька ими займётся, а вот найти себе занятие достойное следует. Побродяжничал, да будет». В тот вечер после молитвы в церкви он даже не смог пойти на поводу у Антонины, явно уже готовой согрешить с ним в тёплой полутёмной комнате. Ещё через день, когда Петя твёрдо решил, что покинет Нижний, так как ничего путного таким путём он не добьётся и корабль не построит, когда он принёс в тесное жилище Тони снеди, на последние гроши купленной, отменно накормил её за всё хорошее, дошло и до постели. Податлива она была, всё твердила с некоторым надрывом: «Милый! Милый!». Всё это несмотря на то, что до того поведала о том, как осталась сиротой, что несколько лет тошноту от мужеска пола испытывает до сих пор. Сам владелец шантана лишил её девственности, что было обяза-

тельным условием приёма на работу. Когда кареокая с завитыми кудряшками, тоненькая, лёгкая как былинка Тонечка уже сладко задремала на его груди, Петра вновь стали одолевать противоречивые мысли. Он решил, что первым делом набьёт морду грязному владельцу за неё и за себя, а потом убежит на юг, где заработает

побольше и вернётся, чтобы спасти её из недостойного места: «Добрая она, милая... А купцы нижегородские в большинстве своём люди достойные – чего только стоили слова Силантия полные гордости, а вот столичные – те не очень. Особенно старообрядцы – честный и преданный народ²⁰¹. А ведь власть их не жаловала. Но держатся ведь Царя-батюшки! Да и Охотины вышли из поборников старой веры. Прадед ещё кержачил». В знаменитом Савве Петя разочаровался: «Ну и что же, что меценат, зато готов в тяжёлый для державы момент оголтелых революционеров поддержать – бред какой-то! Ещё и старообрядец...» Не говоря о разочаровании в самих эсерах и всех вещаниях Бориса. Ещё он решил, что сурово поговорит с Борей, при встрече, чтоб не совращал в ка-дэ Митю ни в коем случае! На следующий день Пётр сводил свою подругу на последние гроши в шикарный нижегородский цирк братьев Никитиных с шахматными кровля-

---

201

Составляя в общей численности православного населения около десяти процентов, старообрядцы дали России свыше двух третей всех предпринимателей – миллионеров. Наиболее трудолюбивыми и предприимчивыми оказывались старообрядцы. К XXI веку старообрядцев в России осталось лишь менее двух миллионов и за пределами её более полу миллиона.

ми, а потом распрощался с ней и побежал якобы на поезд. По пути он свернул к знакомому кафе-шантану и, побыв там совсем недолго, успел вовремя сесть на поезд, отъезжающий в Ростов-на-Дону. Молодой человек был разгорячён и, усаживаясь в душный набитый вагон третьего класса, усердно потирал видимо ушибленную внешнюю сторону кисти правой руки. «Так-то, молодец, торжище нижегородское – оно в бездну свою и солидных мужей засасывает. Правильно делаешь, что бежишь отседа» – с ходу сентенциозно высказался престарелый сосед. Петя постарался уйти от разговора, сосредоточив взгляд на плывущих за окном поймаемых камышовым кущом. Прибыв после циркового представления на работу, Тоня в первую очередь увидела разъярённого хозяина заведения с заплывшей фиолетовой физиономией и с удовлетворением поняла в чём дело. Один из половых едва сумел замазать подбитый глаз, чем-то вроде муки. Пришёл вялый не выспавшийся полицейский и, трясущийся от злости начальник Антонины, пытался описать ему приметы Петра и сулил лично хорошо отблагодарить его за «скорейшую поимку преступника». Когда полицейский уже выходил из заведения, Тоня подбежала к нему и, незаметно для других протараторила, что её любимый начальник от испуга и не помнит точно внешность негодяя, а она, мол, прекрасно запомнила и наплела ему о мелких приметах, несуществующих на лице Пети.

14. Тяжёлые думы

«Безумству храбрых поём мы песню»

М. Горький

Время исцеляло семейство Охотиных, а увлечённость по-могала лучше всего. Последнее время Митя Охотин всё чаще уносился прочь от обыденности в своих мечтах о путешествиях. Он зачитывался трудами Семёнова-Тяншанского, Северцова и с особенной любовью – Пржевальского, ставшего для него идеалом путешественника. Достал описание путешествия Вамбери²⁰², изданное в Лондоне и пытался осилить его на английском, что подтолкнуло его к дальнейшему изучению этого языка. Даже свои любимые учебники точных наук всё откладывал и оценки его успеваемости начали ухудшаться. Охотиным Пятым буквально овладевала идея скорейшего отправления в экспедицию в самые глухие уголки Средней Азии, или Тибета, Сибири, а потом и Африки. Мечтал он о Памире с Мушкетовым, Федченко и Грум-Гржимайло, о Такла-Макане и Тибете с Певцовым, Потаниным

---

²⁰²

Арминий Вамбери, венгерский еврей, не обладая достаточным здоровьем, в 1861 году смело отправился в путешествие по ещё не колонизованной Средней Азии под видом суфийского дервиша из Турции. Позже, став дельным советником в деле английских колониальных завоеваний, Вамбери заявил о возможностях военной экспедиции в пустыню Каракум. Ряд русских знатоков Туркестана разоблачали его записки, считая, что он не прошёл этот путь полностью, уличая в неточностях.

и Козловым. Отложив потрёпанную книгу Гродекова «Через Афганистан», Дмитрий впился глазами в карту, которая, казалось, оживала и становилась уже не куском бумаги, а живым ландшафтом с высоты птичьего полёта. Какое прекрасное это было чувство! «Мне бы аэроплан Можайского²⁰³! Все эти замечательные люди рискуют жизнью на краю света, а я должен гнить в этом скучном городе! После Турецкой войны 1877-го, когда мы были на волосок от войны с Англией, фон Кауфман посылает Гродекова с демонстративным походом к границе Бухарского эмирата, припугнуть Британского льва. После всей этой показательной экспедиции, Гродеков в сопровождении двух казаков проскакал через северные Афганистан и Персию пару тысяч вёрст²⁰⁴! Вот это подвиг! Опасность со стороны пустыни, туземцев и британских служащих одновременно! Вот это героизм!» Англичане начали кричать на весь мир о русской экспансии – как всегда. Всё завершилось их вторжением в Тибет. Особенно овладели сознанием Мити такие края как Кафирниган, что южнее Памира, а также Гималаи, которые ещё не были полностью завоёваны англичанами. «Надо добраться туда всенепременно!

203

В июле 1882 года в Красном Селе под Питером происходит пробный полёт первого в мире несовершенного самолёта, построенного Можайским, вскоре затменным братьями Райт.

204

Поездку эту Высочайше повелено считать Гродекову (1843-1913) за поход, и, кроме того, он был награждён орденом Святого Владимира. Переход описан Гродековым в книге «Через Афганистан», выдержавшей два издания и переведённой на английский, французский и немецкий языки.

«Кяфир» или «кафир» означает в переводе «неверный», они там не мусульмане и охотно под опеку Белого Царя пойдут, так как исконно боятся соседей-мусульман и знают, каково живётся под англичанами. Вот и отхватим у красных мундиров кусок из-под носа!» – осенило Митю в ходе священнодействий над картой районов Читрала и Гильгита. А записки о путешествии Артамонова с Красновым²⁰⁵ в сказочную страну Ковчега Абиссинию, правитель которой, Царь царей – прямой потомок царя Соломона, вызывали и вовсе бурю чувств, словно речь шла об иной планете. Какая музыка звучит во всех этих пленительных географических названиях! Имена эти сами говорили с Митей, пели гортанную чужеземную песнь. Не может быть Гоби или Каффа местом тоскливым! Да и помогать нам следует православным братьям-эфиопам, отразившим недавно натиск итальянской армии! Дневники Миклухо-Маклая он воспринимал как классику и почитывал понемногу раз в неделю, смакуя, хотя и не понимал странных их особенностей, не ведал о своеобразии личности путешественника с холодным рассудком. Не

Провинциальный дворянин Леонид Артамонов участвовал в Ахал-Текинской экспедиции в рядах скобелевцев, где проявил не дюжий героизм. По складу характера и увлечениям Артамонов был в большей степени учёным-исследователем, нежели военным. В Средней Азии он мог частично совместить страсть к изучению нехоженых территорий со службой. В течение десятилетия почти ежегодно он отправлялся в более или менее длительные поездки – в Турцию, Иран, Афганистан, изучает Астрабадскую область и Северный Хорасан в Иране. Казачий конвой Артамонова в Эфиопии возглавлял донской офицер Пётр Краснов, прославившийся много позже, во время Гражданской войны.

знал Митя ещё того, что прошлым летом экспедиция Корженевского была на Памире с целью устроить беспроводный телеграф для нужд Памирского отряда, стоящего в горах со времён походов Ионова и Громбчевского²⁰⁶, не знал, что через пару месяцев экспедиция того же Корженевского отправится в среднее течение могучей реки Муксу, откроет на хребте Петра Великого один из крупнейших в мире горных ледников и назовёт его в честь Мушкетова. Не знал, а то бы бросился проситься «самым младшим помощником на побегушках» в неё! «Я должен освоить фотографическое дело в совершенстве, такие науки, как астрономические вычисления и ориентирование по звёздам, для определения этих фантастических координат, барометрическое измерение немислимых высот и прочие премудрости. Доштудировать «Астрономию» Фламариона для начала. Иначе кому я буду нужен в любой экспедиции... Это много важнее всей той политической белиберды, которую навязывает мне Боря. Не моё дело политика. Верю, что строй менять нужно, пусть такие патриоты как Боря этим занимаются, а я буду приносить России пользу делом мне подходящим: исследовать но-

²⁰⁶

Михаил Ефремович Ионов – семиреченский казак. Отряду Ионова было поручено прекратить «хозяйничанье» китайцев и афганцев на Памире, по возможности избегая столкновений, а также производить геодезические съёмки и восстановить «права России на эту область». Сын его, бывавший с отцом на Памире, стал известным Войсковым атаманом Семиречья, участником Первой Мировой, где успешно вёл бои в горных областях Кавказа, и Гражданской войны. Сын поднимал восстание семиречков против большевизма, сражался рядом с Анненковым и поступил в распоряжение Колчака.

вые дикие территории, или изобретать новую технику! Надо-ели все эти Борины брошюрки! А для осуществления мечты своей не худо будет и в церковь сходить, чтобы там не писали во всех этих брошюрках!» За всем этим делом Митя просиживал до полуночи и лишь затем замечал, что сон начинает его валить, а пустое брюхо требует, при этом, своё. Вечера Охотина Пятого случалась и за полночь. Полистал Митя излюбленный томик Маклая, расправил место, где остановился пальцами, поеденными закрепителем, положил сверху стеклянную фотопластинку и буквально упал, погрузившись в глубокий сон.

Антон смерть брата воспринимал иначе, чем все прочие члены большого семейства. Он любил брата Алёшу пожалуй ещё больше всех прочих, будучи ближе по возрасту, знал все его слабости и недавно начавшуюся страстную тягу к «Борькиной справедливости», как сам пренебрежительно окрестил все эти «проклятые брошюры». Алексей ими зачитывался, но Антон, просмотрев единожды, навсегда отверг, как «дело Богу не угодное». Сильный стержень был у младшего братца, в то время, как у старшего на два года Алёши его напрочь не оказалось. Полностью пошёл он на поводу у рассказней Бори о светлом будущем и счастье всего народа, если они сделают всё так, как пишут в тех брошюрах. «Особенно страшно стало читать новейшую их писанину, издаваемую новой партией эсеров! Это же конец всему на чём

Русь веками держалась!» Волосы на голове у Антоши от такого шевелились, но Алёша свято уверовал во всю эту ахи-нею, тщательно скрывая этот факт от родителей. Антон пытался объяснить братцу, что это путь неверный, но как он мог повлиять на его мнение будучи двумя годами моложе? «И Дмитрий похоже на поводу Борькином идёт... Слово не дано мне Свыше, не дана сила убеждения. А возраст мой, тем паче всё дело портит». В свои четырнадцать не по годам серьёзный мальчик проводит после смерти брата всё больше времени на службах, видя во всём случившимся Божье предупреждение. Пытается весомо изложить всё это и Мите, что наказание Свыше ждёт за такое всю семью, но тот лишь отмахивается, мол почему же не Боря наказан. «Логика Мити неподвластна голосу из глубин души. Поверхностна она. Но буду терпеливее, поговорю с ним ещё и ещё. Надо самому с кем-либо посоветоваться». Забрёл Антон как-то в храм Высокопетровского монастыря, где ещё не бывал. Приходской священник заметил страстно молящегося паренька и решил поговорить с ним, успокоить. Отец Варлаам Незнамов прост очень был и трудные богословского характера вопросы отрока поставили его в тупик:

– Наверное, брат мой замахнулся на нечеловеческое, но Божие, сделать счастливыми всех вообще людей без исключения. Так ли это? Верно ли мыслю я, отец Варлаам?

– Сын мой, вопросы твои мудрёны, а образования наставнику вашему дано почти не было. Всю жизнь на селе прослу-

жил раб Божий Варлаам. Долгоглаголевые²⁰⁷ речи нынешних проповедников новой счастливой жизни не слушай, ложь это. Грехотворцы оне суемудрые. Всё это суемудрие²⁰⁸, а от него-то и зло и грех. Приходи через день, сын мой. К нам во храм прибудет отец Виссарион. Философ он и очень верой крепок. Он на всё ответ верный сыщет.

Через день, после заутрени, Антоше было дозволено обратиться к отцу Виссариону. Высокий и худой батюшка с пронзительным пламенеющим взглядом глубоко посаженных тёмных глаз сразу вызвал у Охотина особую симпатию.

– Благословите, Ваше Преподобие, – склонившись над рукой Виссариона, напряжённым ломающимся голосом произнёс отрок и пристально посмотрел в тёмные очи священника. Удивительно чистый и прозрачный взгляд его светло-серых добрых глаз заворожил на какой-то момент отца Виссариона. На вопрос, мучающий отрока, Виссарион отвечал долго и сосредоточенно, отложив все дела. Было видно, как он старается и как ему самому непросто, как важно это для него. Наконец, Антон понял, что собственная его догадка была верна, хоть и мудрёно рассуждал батюшка. Спросив, между прочим, а умеет и любит ли Антон рисовать, услышав ответ положительный, Виссарион назначил Охотину Младшему встречу через два дня и попросил его всё это время поститься и творить молитву Иисусову. Встретились они

207

Долгоглаголевые – много- и велеречивые по церковно-славянски.

208

Суемудрие – вредное умствование.

в иконописной мастерской Высокопетровского монастыря. Там приобщил Виссарион отрока Антона к искусству иконописи. Сам батюшка умел писать мастерски, но мало времени уделял этому. Предложил Антоше пойти в ученики к мастеру-чернецу. Охотин Восьмой и последний в свои четырнадцать слышал, что раньше к письму допускались лишь монахи и поспешил заявить, что пока не может считать себя достойным для такого дела. Отец Виссарион не без труда сумел убедить его, что времена меняются, а главное, что в душе он глубоко верующий, что допускает приобщение к таинству иконописи. Умолчал священник о том, что внутреннее чутьё ему подсказало с первой встречи, что Антоша несомненно достаточно чист и открыт для такого действия и путь его ясно обозначен от рождения: служителем Божиим стать, а скорее всего даже в чёрном духовенстве подвязаться. Такому не грех и икону писать доверять.

– Поелику сотворение святых икон есть доброхотное деяние верующих на лоно Святой Церкви, сие есть благо, – добавил монастырский иконописец.

Оставшись на несколько часов наедине с сухощавым мастером лет за тридцать, покуда отец Виссарион куда-то побежал, Антон полностью погрузился в чарующую атмосферу иконописной мастерской с её неповторимыми запахами минеральных и растительных красок, масел и досок, игры слабо пробивающегося света, отражённого от снега за окном на ликах святых, висящих на стенах и лежащих на верстаках.

– Во имя Всесвятыя Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! – сказал, перекрестившись, мастер, вручая ученику тонкую кисть, – молись, сын мой.

Уже поздним вечером Антон прощался с новым учителем своим и отцом Виссарионом, который передал ему в руки бережно обёрнутую в саржу старую доску с ликом Спаса со словами:

– Писанные в дониконовской Руси образа имеют особую ни с чем не сопоставимую силу. Написать лучше нам уже не дано. Видимо никогда дано не будет. Будучи сам последователем Никона, чтобы не расшатывать наше единство противостоянием, признаю то, что Церковь наша до Реформы была чище и сильнее, что не следовало этого делать. Но теперь уж не суть, не следует раскол усугублять, а напротив, сливаться с последователями веры старой. Главное сейчас то, что народ всё дальше от Бога отходит. Видел я недавно, что на Неве в душах людей твориться! Важнее всего нам попытаться процесс этот остановить. Во славу этого бери образ Спаса и пробуй на нём, подражай его силе, копируй для начала. На таком образе учиться подобает. Смотри, береги старинную икону! Драгоценная она!

– Свят, свят, дорожить буду, оберегу! Клянусь не потеряю! – прижимая к груди образ отвечал Антон.

– Не клянись никогда: да-да, нет-нет, что сверх этого – то от Лукавого. Ну а это тебе от меня, – добавил Виссарион, протягивая Охотину шейную иконку Богородицы, – носи. А

вот ещё: почитай на досуге, – священник протянул Охотнику пожелтевшую вырезку из газеты.

Они вместе вышли на воздух. Казалось, что старая люстриновая ряса надёжно защищает отца Виссариона, пощипывание морозного ветра он не ощущал вовсе и всё также загадочно улыбался Антоше до расставания в воротах монастыря. В газетной вырезке оказалась статья из «Церковного Вестника» за 1899 год в защиту старой иконописи, которая начиналась словами: «Пора уже положить конец варварству при ремонтах церквей и появлению живописи, уродующей лики святых, древнюю иконопись. Приходские «батюшки» простодушно полагают, что чем ярче и гуще положены краски, чем они свежее и лучше покрыты лаком, тем икона ценнее».

Потом было сорок дней Алексея. Сырой и серый, почти что весенний уже денёк, с самого утра – в царстве беспомощной кладбищенской печали. Мать в слезах, раздающая направо и налево на задушные поминки²⁰⁹, каркающие на голых деревьях вороны. Затем была поминальная служба и семейная домашняя тризна. Антон с гордостью показывал братьям, пришедшим на поминки, свою первую икону, копию, списанную им буквально за день до собрания. Даже мастер хвалил его, но велел немного доработать. Все буквально восторгались успехом маленького братца, мол «от Бога в те-

---

209

Задушные поминки – милостыня, раздаваемая по рукам на кладбище, где правят поминки.

бе дар!», но Боря думал про себя: «Вот ещё святоша растёт. Нет, чтобы делом полезным заняться. Чудаки этот скучный мир красят, есть такое, но это уже более, нежели чудачество, это уже расстройство мозга: сидеть и днями корпеть над доской, забросив учёбу. А родители и возразить не смеют. Богомаз растёт жалкий, подфурщик²¹⁰ к тому же».

Когда Антон, после полугода упражнений в мастерской и дома, написал наконец, свою первую настоящую икону, вложив в неё уже свою душу, какую-то частичку себя самого, написал буквально на одном дыхании, за ночь и мастер выразил искреннее одобрение, мальчик внезапно резко и болезненно осознал, что его дальнейшее существование лишается, тем самым, всякого смысла, что ничего лучшего он уже не совершит. Покончить же с собой он не смел, ибо был весьма богобоязненным человеком. «Надо перетерпеть, а потом один путь – в монастырь» – решил он. Но всё оказалось не так просто. Отец Виссарион не велел пока ещё постригаться, но окончить гимназию, а может и продолжить учёбу дальше: «Годы твои ещё неосознанные, повременить надо. Такой шаг размышлений требует, не разовых эмоций». Мастер-иконописец, брат Агафокл, вторил словам отца Виссариона, а потом предостерег мальчика: «Учись, но не связывайся только с поглавцами проклятыми, что самодержавие уничтожить намереваются! Всё студенчество их духом ныне отравлено».

Евпраксии стало даже завидно, что Антоша сумел столь тонко проработать икону кистью, словно всю жизнь только этим и занимался, а она способна лишь на акварельные разводы, да карандашную графику. «С маслом и минеральными красками оно труднее. Икона – вот высочайшее искусство! Надо будет попросить братца поучить меня. Ведь в ту монастырскую мастерскую девицу не примут. Освоить иконопись, да пойти в народ, чтобы сеять доброе слово – вот идеал достойный!» Девушка чувствовала, что наступают времена тревожные и металась в поисках своего пути. «В бедной юной головушке перемешалось всё» – как отмечал Сергей – «И народничество, безвозвратно ушедшее в прошлое, и оголтелые идеи новых крайне левых, взывающие спасти обиженный забитый народ самым радикальным путём, и светлая надежда, живущая веками в сердце народном о справедливом мироустройстве». Они с Глебом пытались отрезвить тонко ощущающую жестокость мира идеалистку, а Боря подсовывал всё новые брошюры даже эсерские, а не только земцев, как раньше. Хорошо ещё, что любящая дочка их отцу додумалась не показывать, иначе могла бы ускорить наступление нового сердечного приступа старика. Евпраксия мечтала о светлом будущем по-своему, наивно, по-детски и по-девичьи. Ей виделся некий театральный, даже кукольный раёк, где все с просветлёнными ликами ходят и счастьем пылают. В свои двадцать два она не знала ещё любви

и лишь смутно о чём-то догадывалась при чтении целомудренных любовных романов. Её мирок был столь же чист, как и она сама, а правил её народом, свободным от угнетения, конечно же русский православный Государь, но без ленивых алчных министров, без помещиков и капиталистов-промышленников. Эдакая идеализированная крестьянская община вне времени и враждебного окружения.

Родная сестра Евпраксии, достигшая уже двадцати пяти, остро ощущала себя засидевшейся в девицах всем своим крупным уже чувствительным к присутствию рядом молодых мужчин, мало управляемым рассудком, пышным телом. Варвара от души похвалила икону милого младшего брата, но тут же о ней и забыла, возвратившись к своим почти что хроническим ежечасным мечтам о прекрасном офицере-аристократе, предлагающем ей руку и сердце. Вне своих уроков музыки и пения, которыми она была в значительной мере поглощена, вне домашних забот, коими её заставляла заниматься мать «дабы дочь белотелая и вовсе не обленилась», склонна была она к праздному времяпровождению. Желала лишь мечтать о воздушных замках и личном счастье, либо читать романтические любовные романы. Добра желала она и всем своим близким, но дальше этого не шла, а дела государственные и судьбы народа её вовсе не волновали. Братья смеялись над ней, но Варю и это трогало очень мало. Поэтому для братьев и сестры стало неожиданным, что

она вдруг увлеклась драматическим театром и даже получила выходные роли, где можно было сказать пару слов из угла.

Гордей Евграфович немного отошёл от приступа и вновь погрузился в военно-исторические исследования. Только работа и спасала: к мучительным мыслям о разладе с молодым поколением и неизбежной гибели России присоединилось чувство вины за смерть Алексея. Старик счёл недопустимым легкомысленное произведение на свет потомства, истощившее организм жены, ослабившее двоих младших, уже не выглядевших богатырями, подобно старшим сыновьям. Работал с отчаянием, мечтая успеть помочь державе изданием трудов своих с глубоким анализом истоков бед России. Не позволял уж больше себе и с Прошкой, на ночь глядя, винцом побаловаться. Перед сном он всё также задумчиво разглядывал старообрядческую икону и, размышлял о приискренности того факта, что все беды Руси начались с раскола, когда лучших и преданнейших стержню русскому стали оттеснять «за ненужностью и вредностью» корысти алчущие прихлебатели. Уже лёжа с закрытыми глазами он думал о детях и от того подолгу не мог заснуть: «Женатый заботится о мирском, как угодить жене, неженатый заботится о господнем, как угодить Господу». Ещё апостол Павел сказал. Никуда от отпрысков своих не денешься, всюду думы о них тебя настигнут. Вот уж и газеты полны нелестными высказываниями даже в адрес самых незыблемых устоев... Эх, Бо-

ря, Боря, это всё твои дружки строчат. Сын ли ты мне после всего? Даже твой Витте, коего ты так любишь цитировать за его оригинальность и цинизм, говорил: «Не будь неограниченного самодержавия, не было бы Российской Великой империи» и утверждал, что «демократические формы неприемлемы для России в силу её разноязычия и разноплеменности»! Хитрец, но человек умный». Под впечатлением от силы приступа, подведшего его уже раз на край могилы, Гордей даже написал завещание:

«Духовная. Я, нижеподписавшийся Гордей Евграфович Охотин, будучи в полном уме и

совершенной памяти, при нижеследующих свидетелях объявляю мое завещание по

поводу принадлежащего мне имущества. Все мое имущество, полный перечень коего имеется у моего поверенного Прохора Парфёновича Лапотникова, я завещаю супруге моей Капитолине Климентьевне Охотиной, для использования всех сих средств по полному ея усмотрению на нужды образования и воспитания младших детей. Это завещание имеет законную силу. Душеприказчиком я назначаю упомянутого ниже господина Лапотникова. Настоящая духовная составлена в двух экземплярах, один из которых остаётся пока у меня, а второй у супруги моей. Москва, 15 января 1904 года. Гордей Евграфович Охотин».

Той мрачноватой весной Сергей Охотин созрел в нежи-

данном решении отправиться за тридевять земель на фронт. Он слишком болезненно ощущал свою несостоятельность на литературном поприще, но желал «непреренно что-то хорошее и полезное совершить в этой убогой жизни. Я даже ни влюбиться толком не способен, ни даму увлечь – ни рыба, ни мясо. Да, я – пацифист, против оружия вообще. Оружие есть дикость. Но война уже идёт и там гибнут достойные сыны Отчизны, так что такого как я жалеть! Порешат – так хоть с пользой». Все знавшие его были озадачены: «Да он же и мухи не обидит, куда ему с ружьём в атаку?» Гордей отдавал себе полный отчёт в том, какую великолепную мишень представляет собой белое рыхлое тело его неповоротливого медлительного третьего отпрыска. Он очень нервничал, но никогда бы не позволил себе слишком усердно отговаривать сына от принятого решения: «Охотинская кровь выиграла. Протрубила труба и призвала потомка героя 1812 года». Узнав о решении Серёжи из его письма, Лизанька Третнёва поняла, что именно он – герой её сердца. Не статный собранный офицер – Аркадий, а этот «милый беспомощный добрейший Безухов нового столетия. В этом и есть подлинный героизм, а не в ратном усердии обученного». Мать продолжала рыдать ещё три дня после проводов. Узнав о поступке брата, Аркадий всё сокрушается, что не он сам был послан на фронт, что родился он немного поздно: «Эх, угораздило на год позже родиться! Серёжа, который и ружья не держал ни разу в жизни уже фронтовик! Ведь риск огромен, не сумеет и

от шашки увернуться...» Перед отъездом брата Евпраксия пообещала не забывать поливать его странное колючее растение раз в неделю.

15. Гаоляновы кущи

«Иль русский от побед отвык?

Иль мало нас?

Иль от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал

До пламенной Колхиды,

От потрясённого Кремля

До стен недвижного Китая,

Стальной щетиною сверкая,

Не встанет Русская земля?»

А. Пушкин

«Страшно вокруг,

И ветер на сопках рыдает

Порой из-за туч выплывает луна,

Могилы солдат освещает».

Первый вариант вальса «На сопках Маньчжурии» 1906

года

«Всякая ваша победа грозит России бедствием укрепления порядка, всякое поражение

приближает час избавления. Что же удивительного, если русские радуются успехам вашего противника?»

Из воззвания социалистов-революционеров к офицерам русской армии

Который день тосковал Серёжа Охотин в ожидании выдвижения на передовую, сидя в аршинной яме, прикрытой галяновой соломой и присыпанной слоем глины. Некоторым везло больше: они коротали дни в более просторных фанзах, иных даже под черепичной крышей. Там, в фанзах, посуше, но зато если уж совсем похолодает, то в землянке рядом с печуркой, сложенной из камней и банок из под керосина, будет теплее, утешали себя офицеры, сидящие в землянке. Сергей получил сразу чин пехотного подпоручика, поскольку в месте сбора добровольцев раскусили, что он – сын генеральский и простым солдатом было зачислять уж просто не подобает. Как-то неприлично получилось бы. Вольноопределяющимся он сам не хотел, опасаясь, что солдаты будут на него коситься, как на барчука. Тянулась бесконечная череда бесцветных дней. Кроме расстройства желудка от непривычной пищи и сомнительной воды он пока что не имел никаких острых ощущений от всей этой бесконечной тыловой рутины. Рядом доносились голоса солдат:

– А что с ними цацкаться, с опонцами, бить надо их! Хорошо бить будем, скорей домой попадём, – бодро говорил

один, – Наша вера Богу угоднее и мы всё равно одолеем их.

– Пока что они наших побивали немало... – мрачно вешал другой.

– Кумышка из пшена сорочинского²¹¹ сюда бы нам, – раздался мечтательно-игривый третий голос.

– Тут вот, на передовой и исправиться²¹² возможности нет. Когда ещё полкового батюшку повидаш... – опять печальный голос, – А домовина²¹³ всегда на нашего брата найдётся.

– А в третьей роте, говорят, убоину подвезли, щей мясных солдаты вчерась отведали. А тут тебе одна гулёна неделями и то уже гнилая, а кто не хочет – чумиза опонская, – вставляет ещё один скороговоркой.

– А ты картовь не брани, пищу нашу, – назидательно первый, оптимистичный.

– Эх, на Японской да на войне! – бодро пропел какой-то солдатик.

«Иль она приснилась мне?» – невольно добавил про себя Сергей. Рядом прошли офицеры, беседуя о чём-то вполголоса. Сергей медленно встал с ящика и очень неумело отдал честь. Старший офицер бравого вида с чёрной бородой с проседью усмехнулся и спросил его имя и часть. После доклада Серёжи, офицер вспомнил, что служил некогда под началом полковника Охотина и спросил, а не Гордеевич ли

---

²¹¹ То есть – рисовой водки.

²¹² Исправиться – исповедаться.

²¹³ Домовина – гроб.

будет отчество подпоручика? После положительного ответа, офицер пригласил Сергея с ними на чай:

– Наверное, Вы никогда раньше не служили, подпоручик Охотин?

– Никак нет, Ваше Высокоблагородие! – ответил Серёжа, не будучи уверенным ни в погонах, ни в порядке обращения согласно званию.

– Оно и заметно. Уж извините. А как Вы оказались на фронте?

– Добровольцем, Ваше Высокоблагородие.

– Вот это да! Поздравляю! В наше время маловато добровольцев. С последней Турецкой кампанией не сравнить. Отцовская кровь! А какой род занятий Вы избрали до фронта?

– Литераторство, Ваше Высокоблагородие.

– Удивительно! Интересно, сможете ли Вы попасть из своей винтовки в тот камень на бугре? – хитро прищурился полковник.

Солнце садилось и чётко обозначило силуэт камня, обтекая его удлинившимися лучами. Серёжу аж пот прошиб: уж чего, а метко стрелять он научиться не успел. Дали пару раз пострелять, да и то патронов оказалось очень ограниченно. Он приложил приклад к плечу и начал судорожно сжимать левый глаз. Прицел был не в фокусе, очки ли, глаза ли подводили. Выстрел не удался, хотя камень не представлял собой сложности. Когда он понурившись сел рядом с бородастым офицером в маньчжурской фанзе, прямо на глиняный

пол к низкому столику, офицеры обменялись взглядами и старший решительно сказал:

– Господин Охотин, мы слишком ценим таких смелых людей как Вы, чтобы посылать их в качестве мяса для японских пушек. В силу недостатка Вашего зрения, в силу того, что нам нужны живые литераторы-патриоты, а не только декаденты, я потребую перевода Вашего в тыл. Там Ваши мозги нам пригодятся. Будете при медицинской части, курсы фельдшера освоите срочно. Там людей ой как не хватает. России нужны свои киплинги, а не только толстые. Толстой велик, но и великого вреда от него хватает. У нас если и есть киплинги, кто имперские амбиции защищает – то бездари. Пишите правду и во славу России, молодой человек!

Сергей совсем растерялся и сумел с трудом вымолвить:

– Ваше Высокоблагородие, не хотел бы я при госпитале. Не умею я по этой части ничего. На передовой хоть особых знаний не нужно, понятнее...

– Вот тут Вы ошибаетесь, сударь, спросите отца своего, если мне не верите. Нужны и ещё как, иначе будет и на Вас, подпоручик, кровь солдатская. Не отомлите потом. Война это не игрушки. Нестроевщина ещё не нюхавшая пороху всё прибывает, свежаки одни, а ими умело руководить надо. Иначе – кровь лишняя – во век не отмоешься.

Моложавого вида ординарец принёс на стол застиранную скатёрку, развернул и извлёк из внутреннего кармана узкую бутылку с мутновато-белой жидкостью.

– Сей минуют, Вашескородье, – выскочил из фанзы и вновь появился уже с горшком горячих щей и краюхой хлеба, – Вот и щец поспел, Вашескородье!

– Садись с нами, Евдоким, не впервой.

– Слушаюсь!

– Вот, господин Охотин, наш Евдоким Ерофеевич не так давно нам с подполковником жизнь спас. Вот прямо так взял, да спас. И такое бывает на войне.

– Вы сейчас с фронта, Ваше Высокоблагородие?

– Эх ты, барин-барин, какой же он тебе Ваше Высокоблагородие? Да Александр Алексеевич уже давным-давно полковничьи погоны носит.

– Да, чинопочитание в русской армии слабеет, – рассмеялся младший офицер, – Бывало в прошениях обращались к генералу: «Ваше Превосходительство, высокочтимый...» и тому подобное. Всё это в прошлом.

Серёжа готов был провалиться сквозь землю и, наконец, сообразил и обратился по уставу:

– Простите за недопонимание, Ваше Высокородие²¹⁴!

– Какие всё мелочи, господин подпоручик. Вы мне симпатичны уже тем, что сытую столичную жизнь добровольно на риск и грязь сменили. Ну и к тому же – сын Охотина. Молодым ещё отца Вашего помню, бравым. Отчаянный был

214

К подполковникам было принято обращаться Ваше Высокоблагородие, а к полковникам уже – Ваше Высокородие. Начиная с генерала-майора – Ваше Превосходительство.

офицер!

– Выпьем сегодня за то, чтобы в России не иссякали такие люди, как Вы, подпоручик, чтоб матери рождали и впредь сынов царю и Отечеству преданных! Вот, господин подполковник наш находился недавно в плену японском, но не в лагере для военнопленных, а был просто бесконвойным, жил в японских семьях и вскоре отпустили его под честное слово с обязательством не участвовать в дальнейших боевых действиях. Больше всего его удивило то, что в японских семьях самым ценным домашним предметом была родовая книга – семейные хроники. О чём говорит сей факт? О том, как важна для этого народа традиция и честь семьи! А что у нас теперь? Вот то-то и оно... Поэтому, Вы на меня произвели такое впечатление, господин Охотин-Младший, поступком своим прям-таки японским. Да знаете, японец дерется вдесятеро с большим вдохновением, чем наш русский. Ямато Дасаки – боевой дух рыцарей-самураев жив, представьте себе! И солдат и офицер готовы самую жизнь за микадо-императора положить! Ещё и за счастье сочтёт – протянуть ноги за Божественного повелителя Страны Восходящего Солнца. У них пропагандируется паназиатская идея, и представление об избранности расы Ямато, её особой исторической миссии. А у нас какой настрой? «Да лишь бы меня не послали на фронт» – вот какой! Ладно ещё крестьянскую семью взять: им кормилец нужен, да и всей стране кормилец-то необходим, крестьянин. А городские бездельники? Вот кого надо

палкой на передовую гнать!

– Александр Алексеевич Гернгросс знает, что говорит, – поддакнул подполковник, – он и в Балканской участвовал, где отличился под руководством самого Скобелева, ординарцем у него служил²¹⁵. Потом он и Боксёрское восстание подавлял. Ветеран Туркестана, Маньчжурии и КВЖД! За спины солдат не прячется – скобелевская школа.

– За оборону Харбина Святого Егория получил, – вставил ординарец, – Ваш Бродь, давайте следующую за Александра Алексеича, а?

– Отлично, Евдоким, за него самого поднимаем! Долей сули!

– Да будет вам меня чествовать! Даже японцев ещё в плен не брал. Никак себя можно сказать ещё не проявил в новой заварушке.

Выпили по первой.

---

²¹⁵ Гернгросс живо принял за образец скобелевское молодечество, пьяные дебоши, доброту к подчиненным, таровитость (открытость, прямота, естественность, щедрость) начальника и возвёл всё это в культ в своей офицерской карьере. В бою при Вафангоу на дивизии Гернгросса японцы сосредоточили основной огонь своей артиллерии. Так и не получив обещанного подкрепления, Гернгросс самостоятельно перешёл с двумя полками в наступление. Сам Гернгросс был ранен, но остался в строю. За успешные действия в кампании награждён Золотым оружием. При Сандепу разбил части японской пехотной дивизии. В ходе битвы под Мукденом, в ситуации близкой к критической, отряды генералов Церпинского и Гернгросса нанесли под Тзенитунем контрудар и временно остановили продвижение противника. С 1913 года – член Военного совета. С 1914 – командир корпуса. После революции 1917 остался в России. Умер в Ленинграде от паралича сердца.

– Ты лучше расскажи, Евдоким, что солдаты в палатках говорят, каков в народе настрой? – обратился к ординарцу подполковник.

– Народ – дура, Ваш Бродь! Народ от сохи и никакого государственного понятия не имеет. Так вот и говорит, а что нам, мол, здесь делать – за тридевять земель от своей хаты, мол за чужую землю кровь льём...

– Кроме моих казачков с КВЖД тут и воевать-то не с кем, – задумчиво молвил Гернгросс, поглаживая обширную лысину на голове, – Одни новобранцы да дурни. А что про высокое начальство говорить... *Господин Куропаткин никак ни на что не может решиться. А уже не один месяц войны прошёл, и пора бы из Маньчжурии на прорыв к Порт-Артуру идти. На что Мищенко воевода славный, а без толку на Ялу всю весну проторчал²¹⁶. Не дали ему ничего сделать. Какие замечательные люди есть среди офицеров в Маньчжурии! Так, казаки-уссурийцы, амуры и забайкальцы не имеют достаточно своих офицеров, но многие кадровые, как бароны Пётр Врангель и Унгерн фон Штернберг, прибывают на фронт добровольцами и становятся во главе забайкальских казаков. Деникин, уже в чине полковника, тоже руководит казачьими частями. Но проявить инициативу славным военачальникам у нас не больно-то дают. Корея незаметно*

стала японской. Уже и Владивосток на осадном положении – дожили! Подводные лодки во Владивосток привезли, а использовать никак не собрались. Кругобайкальская железная дорога так и не доделана, вот и затягивается подвоз боеприпасов. С весны пришлось по льду Байкала дорогу временно проложить. А у япошек-то подвоз налажен. Вот в чём беда. Наливай, Евдоким! С чёрной думой, кручиной на сердце не должно нам, офицерам!

В дверь, нерешительно пятясь боком, вошли двое казаков, судя по форме, которая на них так и осталась – охранники КВЖД:

– Ушицу мы на всех тут спроворили, Вашскородь, сами наловили, вот...

– Присаживайтесь с нами, молодцы! – с удовольствием оглядывая крепкие фигуры коренастых уральцев сказал полковник, – Уральцы наши – цвет всего казачества, ей-Богу! В любых условиях выживут, да ещё и свежей рыбкой начальство угостят! Но и мы вас сулей, вот, угостим, молодцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.